

Министерство образования и науки РФ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

4'2010

Екатеринбург 2010

УДК 400
ББК Ш100.3
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Редакционная коллегия:

кандидат филол. наук, доцент М.Б. ВОРОШИЛОВА,

Лингвокультурология. Выпуск 4 / Урал. гос. пед. ун-т;
Л59 Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2010. – 254 с.

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

УДК 400
ББК Ш100.3

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 4

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – _____. Тираж 100 экз. Заказ _____

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0287-5

© УрГПУ, 2010
© Лингвокультурология, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

АНТОНОВА Ю. А. /Екатеринбург, Россия/ Методические приемы преподавания русского языка как иностранного	5
АНТОНОВА Ю. А., ДЕМИНА С. А. /Екатеринбург, Россия/ Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети.....	15
БАТАЛОВА А. А. /Екатеринбург, Россия/ Образ положительного героя в сказках Вильгельма Гауфа.....	21
БАТАЛОВА А. А., ТАРАСЕНКО Е. О. /Екатеринбург, Россия/ Детская литература как источник воспитания положительных качеств.....	27
ВЕСНИНА Л. Е. /Екатеринбург, Россия/ Метафорическое представление миграции в реакциях свободного ассоциативного эксперимента.....	31
DESCHAMPS E. /Ekatérinbourg, Russia/ LES ORIGINES DES CLICHES SUR LA RUSSIE EN FRANCE (Происхождение стереотипов о России во Франции).....	48
ЗЕНТКОВСКА М. /Катовица, Польша/ Сопоставительный анализ фразеологизмов с названиями конечностей животных (<i>лапа, крыло, копыто, хвост</i>) в русском, польском и украинском языках.....	60
КИРИЛОВА И. В. /Екатеринбург, Россия/ Структура лексического значения диалектной демонологемы.....	71
КОНОВАЛОВА Н. И., МУРАДЯН Д. Г. /Екатеринбург, Россия/ Проблемы изучения речевой деятельности билингвов в свете современной языковой ситуации.....	80
КОПЫЛОВА В. Е. /Екатеринбург, Россия/ Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира.....	89
КУШНЕРУК С. Л. /Челябинск, Россия/ Конструирование образа российского президента: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям.....	94
КРАВЕЦ М. /Катовица, Польша/ Особенности негативной оценки в тексте романа Ю. Олеши «Зависть».....	97

МОРОЗОВ Д. О. /Екатеринбург, Россия/ Априорный искусственный язык: реальность или фикция.....	113
ПЕСТОВА М. С. /Екатеринбург, Россия/ Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках.....	128
ЦОНЕВА Л. М. /Велико-Тырново, Болгария/ Игры с именами политиков в современном медиа-тексте.....	138
ЧЕКАНОВА А. Э. /Екатеринбург, Россия/ Ключевые элементы развития словесно-логического мышления старшекласников и студентов.....	154
НАДЕЛЬ-ЧЕРВИНЬСКА М. /Катовице, Польша/ «Ласочка» (пятая глава романа Р. Роллана «Кола Брюньон») как единство и противопоставление метазнаков 'жизни' и 'смерти'.....	159
ЧЕРВИНЬСКИ П. /Катовице, Польша/ Пространственность преодолений и перехода русского когнитива (на материале двух прецедентных сюжетов)	205
ЧУКРЕЕВА Е. И. /Екатеринбург, Россия/ Ономазиологическое исследование политических терминов и общественно-политической лексики в американском английском языке (на материале выступлений бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт)	222
ШИМИК-КОЗАЧКО П. /Катовице, Польша/ Адаптированные названия англоязычных фильмов в переводе на польский и русский языки.....	225
ШУМСКАЯ Э. Н. /Костанай, Казахстан/ Прецедентные феномены со сферой-источником «литература» в русскоязычном политическом дискурсе Казахстана.....	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	249

Ю. А. АНТОНОВА

Екатеринбург, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. На примере преподавания русского языка китайцам обосновывается необходимость освоения иностранными студентами лингвопрагматической стороны русской речи, обычаев и культуры современной России. Приводятся упражнения, направленные на развитие языкового чутья, творческого отношения к изучаемому языку, пополнение лексикона.

Ключевые слова: преподавание русского языка как иностранного, учебно-методический комплекс, коммуникация, лингвистическая прагматика, языковая игра.

YU. A. ANTONOVA

Ekaterinburg, Russia

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: On the basis of teaching Chinese students Russian the author proves the necessity of acquiring lingo-pragmatic aspect of Russian speech, customs and culture of modern Russia by foreign students. Exercises are presented, which are aimed at development of language intuition, creative attitude to the language studied, enlargement of word stock.

Key words: teaching Russian as a foreign language, educational and methodical complex, communication, linguistic pragmatics, language game.

Активные миграционные, политические и экономические процессы, происходящие между Китаем и Россией, свидетельствуют о том, что дисциплина «Русский язык как иностранный» в вузах и сузах должна приобретать серьезную методическую базу. Уже несколько лет исследователи обеих стран занимаются изучением данной проблемы. На сегодняшний день уже имеется несколько хороших с научной точки зрения, применяемых на практике учебно-методических комплексов, среди которых «Восток» и «Дорога в Россию». Бесспорно то, что работа по данным учебникам действительно результативна: китайские

студенты осваивают основные правила русской грамматики, приобретают определенный лексический запас. Но есть аспект речи, который остается нетронутым в данных учебниках — это прагмалингвистическая сторона процесса коммуникации, то есть ориентация на цели, подбор языковых средств и эффекты речи. Изучение сказов П.П.Бажова несомненно поможет постичь культуру народов Урала («Дорога в Россию», 4ч.), но с прагматической точки зрения куда как эффективнее было бы изучать тему «Средства личной гигиены» или «Бизнес-ланч в ресторане», потому как в реальной языковой практике именно последние темы, а не литературные произведения становятся основой диалога между китайцем и русским. Именно поэтому мы настаиваем на том, что обучение студентов по комплексу «Дорога в Россию» (понятному и доступному) должно сопровождаться чтением текстов и диалогов, ориентированных на реальную жизнь, например: тема «Роль Интернета в современном обществе». Также, на наш взгляд, необходимо предоставлять студентам настоящие публицистические тексты: предлагать им читать газеты и журналы на русском языке, смотреть выпуски новостей — очевидно, что для понимания текстов СМИ недостаточно лексики из учебника, студент вынужден будет обращаться к словарю. Указанный прием позволит расширить лексикон студента.

Хотелось бы обговорить еще одну сторону процесса обучения. Учебные комплексы, по которым работают преподаватели русского языка как иностранного, содержат разнообразные упражнения, направленные на формирование и закрепление основных навыков говорения, чтения, письма и слушания. При чем отметим, что данные учебники подходят и для самостоятельного обучения, так как законы русского языка объясняются вполне доступно. Хотя, на наш взгляд, урок не должен быть построен только на работе с учебником. Основой мотивации к изучению неродного языка должны быть интерес и любовь к другой культуре, которые могут быть сформированы игровыми, сюжетно-ролевыми упражнениями и индивидуальными заданиями. Поэтому преподаватель в рамках урока может работать не только по книге, но и предлагать студентам дополнительные учебные материалы.

В данной публикации хотелось бы представить некоторые упражнения, разработанные автором данной статьи и успешно апробированные на практике.

Упражнение «Четвертый-лишний». Перед студентами стоит задача выявить слово в ряду, не подходящее по смыслу или

грамматической категории или логике. Как правило, студенты не знают значения всех слов и потому в ходе упражнения обращаются к словарям, тем самым расширяя лексический запас. Упражнение способствует развитию умения определять родовые отношения.

*Доска, мел, **бутерброд**, парта;
сок, вино, компот, **пельмени**;
Маша, Юля, **Витя**, Света;
ночь, **горизонт**, вечер, утро;
Путин, Медведев, **Обама**, Зюганов;
розовый, **голубой**, алый, красный.
Улыбаясь, рисуя, лёжа, **надев**;
юбка, туфли, тапки, кроссовки.*

Упражнение «Порядок слов». Задача студентов - составить предложение из «заблудившихся», написанных не по порядку слов. Данный тренинг позволяет проверить знание законов русского синтаксиса, умение устанавливать логические связи.

Например, «Ты на китаец не если стене не китайской ты Великой настоящий побывал».

Мао Дзе Дун: «Если ты не побывал на Великой китайской стене, ты не настоящий китаец».

Упражнение «Найди синонимы». Перед студентами стоит задача установить синонимические отношения между словами, которые предлагает учитель. Но сложность состоит в том, что одно слово в паре намеренно подбирается незнакомое студенту. Упражнение позволяет расширить словарный запас, закрепляет навык определения синонимических отношений.

<i>розовый</i>	<i>шумный</i>
<i>горячий</i>	<i>синий</i>
<i>решительный</i>	<i>красный</i>
<i>звонкий</i>	<i>жаркий</i>
<i>умный</i>	<i>смелый</i>
<i>голубой</i>	<i>начитанный</i>

Упражнение «Спонтанный рассказ». Задача студентов - составить за минимальное время небольшой рассказ/предложение из слов, записанных на доске, например: «Ночь. Фонарь. Человек. Одиноко. Собака. Друг». Вот что может получиться: «Это была самая обыкновенная ночь. Улицу тускло освещал фонарь. Не видя дороги перед собой, шел человек. Ему было

очень одиноко. Навстречу ему брела собака, такая же одинокая, как и он. «А ведь она может стать мне другом, и нам двоим уже больше никогда не будет одиноко», – подумал человек и подозвал к себе пса». Упражнение закрепляет навык монологической речи, проверяет умение строить предложение.

Упражнение «Казнить нельзя помиловать». Преподаватель рассказывает студентам о феномене фразы «Казнить нельзя помиловать», смысл которой зависит от постановки запятой: «Казнить, нельзя помиловать» или «Казнить нельзя, помиловать». И предлагает студентам самостоятельно придумать аналогичные фразы, состоящие из инфинитивов-антонимов. Например, «Худеть нельзя полнеть», «Любить нельзя ненавидеть». Упражнение напоминает о явлении антонимии, демонстрирует тот факт, что в русском языке от знака препинания меняется смысл фразы, формирует любовь к языку, знакомит с понятием языковой игры.

Упражнение «Съедобное-несъедобное». Эта знакомая каждому русскому ребенку игра нравится китайским студентам. Ее суть заключается в следующем. Преподаватель бросает маленький (желательно тряпичный) мячик кому-либо из студентов и называет любое слово, например «желе». Студент, бросая мяч преподавателю обратно, говорит «съедобное» это слово или «несъедобное». Желательно называть не только знакомые, но и новые слова, чтобы студенты обращались к словарю. Упражнение проверяет и расширяет словарный запас.

Упражнение «Фрукт на „пятерку“». Студентам предлагается в течение пяти минут вспомнить (найти в словаре) как можно больше названий фруктов, ягод, овощей, орехов и зелени, НО слова эти должны быть ровно из пяти букв. Например, *тыква, банан, кокос, томат, перец, лимон, кешью, салат, укроп, манго, арбуз*. Игру можно выполнять как индивидуально, так и в группах – в этом случае появляется азарт. Побеждает команда или человек, вспомнивший больше таких слов.

Упражнение «Найди антонимы». Перед студентами стоит задача установить антонимичные отношения между словами, которые предлагает учитель. Сложность упражнения заключается в том, что одно слово в паре должно быть незнакомым. Тренинг позволяет расширить словарный запас, учит определять антонимы.

успех

пушистый

колючий

прохладный

тусклый

позор

правильный	одиночка
жаркий	яркий
компанейский	ошибочный

Упражнение «Цепочка из слов». Студентам предлагается составить за определенное время (например, за 5 минут) цепочку из слов. Слова заданы определенной тематикой (растения, мебель, одежда, продукты, названия животных). Цепочка составляется по следующему принципу: последующее слово должно начинаться на букву, которой заканчивается предыдущее слово. Если слово заканчивается на «ь», «ъ», «ы» и другие «сложные буквы», то слово начинается на предпоследнюю букву предыдущего слова. Например: *«Пиджак — китель — лосины — носок — кофта...»*. Для составления цепочки можно обращаться к словарю. Данное упражнение активизирует и пополняет лексический запас, расширяет кругозор.

Упражнение «Плохой переводчик». Суть упражнения заключается в том, что студентам необходимо произвести правку настоящего текста, размещенного, например, на упаковке маски для лица. Этот текст переведен с китайского на русский язык, но переводчик допустил ошибки. Студентам необходимо найти и устранить их. Оригинальный текст: *«Умывайте лицо с темной водой, наклейте маску чесно на лицом. Рекомендуют 3-4 раза за один недель»*. Как должно быть: *«Умойте лицо теплой водой, наклейте маску плотно на лицо. Рекомендуется 3-4 раза в неделю»*. Упражнение учит видеть ошибки, определять их тип (неправильная форма глагола, смешение омонимов, нарушение правил склонения, синтаксиса и т.д.) и исправлять их.

Упражнение «Предложение с разной интонацией». В русском языке смысл фразы может зависеть от интонации, так же как в китайском языке смысл слова зависит от тона. Преподаватель на доске записывает следующую фразу: *«Учитель указал студенту на ошибки»*. Просит студентов прочитать данное предложение с разными вариантами логического ударения (с разной интонацией), ставя его на каждое из слов по очереди. Чтобы студенты поняли суть задания, преподаватель сам читает это предложение, подчеркивая значимость определенно-го слова.

Преподаватель, а не одноклассник указал студенту на ошибки.

Преподаватель указал, а не исправил ошибки студента.

Преподаватель указал студенту, а не коллеге на ошибки.

Преподаватель указал студенту на *ошибки*, а не на опечатки.

Далее студентам предстоит самостоятельно прочитать данное предложение, расставляя логическое ударение на разные слова. Усложнить задание можно, предложив участникам придумать новую фразу, в которой могут содержаться разные смыслы, зависящие от логического ударения.

Упражнение «Что в имени тебе моём...». Преподаватель предлагает студентам записать их русское имя по вертикали. И подобрать прилагательные/причастия (желательно как можно больше), которые должны характеризовать человека и начинаться на каждую букву его имени. Например,

Сильный, смелый, стильный;

Талантливый, тихий, терпеливый;

Естественный, единственный;

Пунктуальный, позитивный, принципиальный;

Активный, артистичный;

Нежный, начитанный, неординарный.

При выполнении упражнения можно обращаться к словарю. Данное задание пополняет лексический запас, формирует навык подбора прилагательных, которые характеризуют человека, а не предмет.

Упражнение «Комплимент». Преподаватель заранее готовит карточки (по количеству студентов). На каждой карточке написано прилагательное/причастие, которое характеризует человека с положительной стороны. Например, «веселый», «эрудированный», «талантливый», «скромный», «надежный», «понимающий», «воспитанный», «милый» и так далее. Студенты вслепую вытягивают карточки, находят значения слов в словаре и решают, кто из одноклассников заслуживает такого комплимента. После этого все студенты по очереди читают вслух карточки и дарят их, мотивируя свой ответ. Упражнение направлено на формирование навыка монологической речи, расширяет запас слов.

С большим интересом студенты воспринимают языковые игры, которые существуют в русском языке. Так, например, преподаватель рассказывает о том, что слово может получиться путем сложения цифр и букв: 7я (семья), 40а (сорока), 100л (стол), 100п (стоп), 100к (сток), 100г (стог), 100н (стон), ро100к (росток), про100р (простор). Также можно поведать о том, что в русском языке есть слова и предложения, которые можно прочитать не только слева направо, но и наоборот. Например, *радар, шалаш, казак, город дорог, на доме чемодан, цени в себе свинец*.

Восторг у студентов вызывает следующая игра. Преподаватель на доске пишет слово «ПОБЕДА». Затем задает рифмованные вопросы студентам, на которые они отвечают тем словом, которое в данный момент написано на доске. Изюминка заключается в том, что преподаватель постепенно стирает начальные буквы, но смысл у фразы имеется. Продемонстрируем это:

<i>Вы ходили в ресторан...</i>	<i>«Победа»</i>
<i>Ждали вы чего?</i>	<i>обеда</i>
<i>Что случилось?</i>	<i>беда</i>
<i>Что пропало?</i>	<i>еда</i>
<i>Вы кричали?</i>	<i>да</i>
<i>Как кричали?</i>	<i>а!</i>

Феномен языковой игры, на наш взгляд, прививает любовь к русскому языку, пробуждает интерес.

Тексты для чтения должны подбираться с учетом современной языковой ситуации (в России в последнее время появляется все больше заимствованных слов). Студентам необходимо знакомиться с этими новыми словами, причем их запоминание, на наш взгляд, происходит успешнее, если работа с текстом – это не простое чтение, а размышление, сопоставление, выявление закономерностей употребления слов. Так, например, при изучении темы «Офис» студентам предлагается следующий текст, в котором пропущены слова, обозначающие профессии людей. Прежде чем вставлять слова (которые даны студентам для подстановки), необходимо ознакомиться с лексическими значениями этих слов и лишь после того, как они усвоены, начинать работать с текстом.

Упражнение «Восстанови текст»

Прочитайте текст, переведите незнакомые слова и выражения. Вставьте пропущенные слова в предложения.

Начальник=руководитель=глава=директор=бос=шеф=топ-менеджер

Помощник директора=секретарь=офис-менеджер

Сотрудник=работник=менеджер по продажам / менеджер по привлечению клиентов

Юрист

Рекламщик

Дизайнер

Заведующий хозяйственной частью=завхоз

Бухгалтер
Кассир
Компьютерщик=системный администратор=сисадмин
Охранник
Уборщик / уборщица

Офисные будни

Среда. Первой на работу, как всегда, пришла _____ (1) Лена. Она проверила электронную почту, прибралась на рабочем столе, рассортировала документы: одни бумаги – на подпись директору, другие – чтобы отправить экспресс-почтой. «Елена, все в порядке?» – поинтересовался _____ (2) Владимир, он отвечает за безопасность компании и бдителен 24 часа в сутки. «Да, конечно, благодаря вам», – ответила _____ (3).

Лена обратила внимание на то, как блестит от чистоты пол, мусора в корзине не было – значит, вчера вечером _____ (4) хорошо выполнил свою работу.

До начала рабочего дня оставалось немного времени, и Лена решила привести себя в порядок, ей надо держать марку, ведь в офисе ее считают самой красивой девушкой. Стоит отметить, что и сам офис оформлен со вкусом: стильная мебель, приятный цвет стен, современные лампы – Денис, _____ (5) компании, постарался на славу.

Уже через 10 минут в приемную, где сидела Лена, вошел он, Михаил Иванович, _____ (6) компании. «Леночка, сварите мне, пожалуйста, кофе. Без сахара и сливок, как всегда», – он любит начинать работу в кабинете с чашки ароматного кофе. Михаил Иванович умный, серьезный, строгий, но справедливый _____ (7). Все сотрудники уважают его и с удовольствием выполняют распоряжения _____ (8). «Лена, у меня почему-то не работает Интернет, пригласите Диму, _____ (9), – пусть посмотрит мой компьютер». Дима _____ (10) вмиг устранил неисправность, и уже через пять минут весь офис смог бывать на сайтах других компаний, изучать будущих клиентов и партнеров. Поиском новых клиентов занимаются _____ (11), у каждого на столе стоит ноутбук или компьютер, все _____ (12) хорошо умеют работать с Интернетом. Размер зарплаты каждого зависит от того, сколько клиентов он найдёт. Большую роль играет реклама компании, ею занимается Максим, _____ (13), он окончил факультет маркетинга и поэтому хорошо знает свое дело.

Сегодня – день зарплаты. Ольга, _____ (14) компании, уже давно рассчитала сумму, которую должны выдать каждому

сотруднику. Ольга — хороший _____ (15), она окончила специальные курсы, поэтому грамотно выполняет свою работу. Ирина, _____ (16) компании, пересчитывала деньги, меняла их на мелкие купюры — уже через несколько минут она начнет выдавать зарплату.

В приемной зазвонил телефон — это Михаил Иванович: «Лена, пригласите ко мне Евгения, _____ (17) компании. Мне нужно с ним обсудить правовые вопросы. Мне кажется, наш конкурент нарушил некоторые законы, наверное, придется обращаться в суд». Когда Лена отправилась приглашать Евгения, по пути она встретила Никиту Петровича, _____ (18) компании. Он уже давно работает _____ (19), поэтому хорошо знает каждый уголок офиса: всегда вовремя чинит мебель, вкручивает лампочки, следит за тем, чтобы у уборщика всегда было чистящее средство.

Работа в офисе похожа на жизнь в муравейнике: дело всегда кипит и спорится. Каждый сотрудник понимает и любит свою работу, чувствует себя нужным. Компания, в которой трудятся преданные _____ (20), всегда будет лучшей в мире бизнеса.

Полезными с прагмалингвистической точки зрения являются сюжетно-ролевые игры. Они позволяют пополнить лексический запас, узнать словесное окружение новых понятий, помогают воспроизвести реальную речевую ситуацию. Так при изучении темы «Симптомы болезни. Лекарства» работа строится следующим образом. В первый день преподаватель знакомит студентов с новыми словами, объясняет лексическое значение, дает употребление слов в контексте. Например, «насморк» («у меня насморк»), «слабость» («я испытываю слабость»), «таблетки» («принимать таблетки»), «укол» («ставить укол»), «спрей» («брызгать горло спреем от кашля»), «бинт» («перебинтовывать руку»), «наружно» («мазь для наружного применения»), «противопоказания» («имеются противопоказания»), «доза» («какова дозировка этого лекарства»). На следующем занятии преподаватель проверяет материал при помощи сюжетно-ролевой игры. К доске вызывает двоих студентов. Одни из них «врач», другой «больной пациент». Им предстоит разыграть ситуацию «Прием у врача»: «больному» нужно описать симптомы болезни, «врач» должен выписать лекарства — назвать форму лекарства, способ применения, дозировку (безусловно, их разговор имеет только языковую, а не медицинскую значимость). Задача аудитории внимательно следить за диалогом, исправляя ошибки. Затем «врач» садится за парту, к доске приглашается третий студент — ему предстоит сыграть роль

«фармацевта». Задача такова: «больной» просит у «фармацевта» лекарства, называя их форму (*таблетки, капсулы, порошок, сироп, свечи, капли, мазь и т. д.*), а не медицинские названия. «Фармацевт» берет с преподавательского стола реальные предметы и, демонстрируя их аудитории, складывает в пакет. Задача остальных участников внимательно следить за тем, что делает «фармацевт» и, если он ошибся, поправлять его. Данное упражнение учит студента естественно чувствовать себя при диалоге с врачом, описывать симптомы болезни, правильно читать инструкцию, различать формы лекарственных средств, знать способ применения, дозировку, противопоказания. Безусловно, данная информация пригодится студенту в реальной речевой практике.

Это лишь некоторые аспекты преподавания русского языка как иностранного. Данной статьей мы хотели подчеркнуть значимость прагмалингвистических задач и обозначить вектор развития игрового обучения, которое, на наш взгляд, имеет большую практическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахабина М.М., Соболева Н.И., Степаненко В.А. Описание содержания обучения РКИ с учетом когнитивно-прагматических целей. – М., 2008.
2. Павловская Л.Г. Праздник русского языка. – Рига, 1998.

Ю. А. АНТОНОВА, С. А. ДЕМИНА

Екатеринбург

АВАТАР КАК ЭЛЕМЕНТ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Аннотация. *Рассматриваются аватары пользователей социальных сетей – изображения, являющиеся, наряду с никами, основными элементами «паспорта» интернет-пользователя, средствами самопрезентации. Анализируются основные функции, выполняемые аватарами (демонстрирование своей внешности, желаемых или реальных возможностей, социального статуса, повышение рейтинга посещаемости интернет-страницы и др.).*

Ключевые слова: *коммуникация, Интернет, социальная сеть, самопрезентация, аватар.*

YU. A. ANTONOVA, S. A. DEMINA

Ekaterinburg, Russia

AVATAR AS AN ELEMENT OF SELF-PRESENTATION IN SOCIAL NETWORK

Abstract: *Avatars of social network users are discussed, which are the images shown to other users, together with nick names they are considered the main elements of “passport” of Internet user, they are the means of self-presentation. Main functions of avatars are analysed (demonstration of appearance, desired and real possibilities, social status, increasing of visitors rating in the page and others).*

Key words: *communication, Internet, social network, self-presentation, avatar.*

Коммуникации в последнее время, благодаря сети Интернет, все чаще носят опосредованный характер. Социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Одноклассники», «FaceBook», становятся не только местом виртуального общения, но и «стилем жизни» многих интернет-пользователей. Уже существует немало теоретических работ, которые описывают феномен коммуникации во Всемирной паутине, большинство исследователей сходятся в том, что такие особенности интернет-коммуникации, как анонимность и ограниченный сенсорный опыт, порождают

уникальную возможность экспериментирования с собственной идентичностью. Анонимность позволяет пользователям Интернета создавать сетевую идентичность, которая часто отличается от реальной идентичности.

Социальная сеть сегодня – это не столько способ общения со старыми друзьями, сколько способ обрести новых знакомых. Именно поэтому стоит говорить о первостепенной значимости жанра самопрезентации, самоподачи в интернет-пространстве. Такое свойство Интернет-коммуникации, как невидимость, дает возможность изменения внешнего облика и почти абсолютного управления впечатлением о себе. Отсюда основная особенность виртуальной самопрезентации – это возможность почти абсолютного управления впечатлением о себе [Becker 1997]. Основная функция аватара, или «иконки» личной страницы пользователя в соцсети – рекламная: обратить внимание других пользователей на себя, инициировать общение. Стоит отметить, что большинство фотографий и иллюстраций, выступающих в качестве аватара, создают «Я-идеальное», то есть подчеркивают те признаки пользователя, которые являются скорее желаемыми, чем действительными. Именно поэтому фотографии, доступные для просмотра другим членам социальной сети, либо выполнены профессиональными фотографами, либо тщательно отобраны самим пользователем из множества непрофессиональных фотографий. Кстати, именно это, на наш взгляд, объясняет большое количество в сетях фотографий-автопортретов (фотоаппарат направлен на пользователя, находится в его руке).

Самопрезентация в сети для некоторых пользователей – это своего рода «отчет за прожитые годы». Это замечание справедливо особенно для страниц членов сети «Одноклассники», чья целевая аудитория – «люди за 30». Как очевидно из названия сети, данное сообщество создавалось для поддержания отношений бывших одноклассников, но разрослось в «глобальную школу», где можно отыскать и друзей из двора, и коллег, и университетских приятелей. В рамках соцсети «Одноклассники» можно говорить о наличии стандартного аватара-фотоальбома: «я в свадебном платье», «я и семья», «я на фоне шикарной машины», «я на море», «я со знаменитостью» и т. д. – все это стандарты успешной, сложившейся жизни, и пользователи, выкладывая такие фото в Интернет, скорее всего, хотят продемонстрировать своим знакомым, что их жизнь удалась. Иногда, напротив, такие фотографии являются «муляжом мечты»: либо выполнены при помощи моделирующих компьютерных программ (таких, как «Fotoshop»), либо, например,

представляют собой фотографии пользователей на фоне чужих автомобилей, воплощающих мечту. Поэтому можно утверждать, что виртуальная самопрезентация может отражать желания, неудовлетворенные в реальной жизни: «Удовлетворяя потребность в признании и силе, люди создают такую виртуальную самопрезентацию, которая соответствует их идеалу «Я» и замещает плохое реальное «Я»» [Turkle 1997].

Пользователь старается выбирать как можно более «говорящий» аватар, такой, который будет максимально соответствовать внутреннему миру или настроению пользователя, его интересам или взгляду на жизнь. Пользователи бывают верны одному аватару, сохраняя его с момента вхождения в сеть, а бывают «многоликими» – меняя изображение с течением времени (отражая моменты жизни, перепады настроения, смену интересов).

Обычно аватар пространственно располагается под ником (именем) члена социальной сети. В некоторых социальных сетях на аватаре могут быть «приклеены» оценки (5+ в «Одноклассниках»), которые «ставят» друзья или случайные посетители личной страницы, такие оценки подчеркивают красоту или оригинальность фотографии интернет-пользователя, выполняют функцию комплимента.

Мы задались целью классифицировать аватары в социальной сети «ВКонтакте», выбор сети был обусловлен наибольшей востребованностью среди других аналогичных сетей. Для этого рассмотрели 600 аватарок пользователей по заданным критериям: страна – Россия, возраст – 18-30 лет, пол – мужской, женский, ВУЗ в городе России (именно такая аудитория является ключевой в данной сети).

Результаты исследования отражены в таблице 1.

Таблица 1

Типичные аватары в социальной сети «ВКонтакте»

Типы фотографий-образов	Частотность употребления, %	Пол пользователей	
		мужской	женский
В свадебном костюме, платье	11,3	5	63
С ребенком	14,3	5	81
В купальнике или нижнем белье	5,2	11	20
На фоне моря	25,3	39	113
На фоне курортного города, страны	13,4	21	59
Рядом с машиной, мотоциклом	7,5	39	6
Пара: молодой человек+девушка	17,0	21	81

В военной форме	3,3	20	–
Иллюстрация – не фото пользователя (машина, мультипликационный герой, аватар-реклама, актер, животное)	2,7	9	10

19 аватаров из 600 рассмотренных нами не являлись фотографиями. На таких страницах вместо фото были изображения машины («Феррари» как символ роскоши), мультипликационные герои (например, Спанч Боб как воплощение оптимизма), фразы (например, «Боже, дай Дурову по роже» – протест против реформ социальной сети), фотографии артистов (например, Брюс Уиллис как символ брутальности), животные (например, кошка как символ страсти и сексуальности) и т. д.. Нежелание размещать на аватаре собственную фотографию можно попытаться объяснить следующими наблюдениями исследователей: «Фотографии реального лица в виде аватара используют обычно открытые люди, которым нечего скрывать. Открытое лицо – это знак особого доверия. Использование такого аватара говорит о готовности к реальной встрече. Фотография реального лица – это признак честности, предложения дружбы и даже некоторый знак романтики. Остальные же аватары служат для психологического усиления соблазнительности, капризности или таинственности владельца. Машина или спортивные накрашенные руки как символы стиля жизни, мечты» [www.otvet.quarkon.ru/avatar.html]. Но нужно помнить о том, что аватар ставят/меняют по настроению, ищут такое изображение, которое отражает душу, личность, интересы владельца страницы в данное время, и таким отражением может стать не собственное фото, а символ.

Из рассмотренных аватаров-фотографий большинство (25,3 %) – фотографии, на которых владельцы страницы изображены на фоне моря и еще 13,4 % на фоне городских пейзажей или узнаваемых мест курортных стран. Исходя из таких данных, можем предположить, что аватар – это способ поделиться с друзьями впечатлениями о путешествиях либо подчеркнуть свое материальное положение. В преддверии лета таких фотографий становится больше, они, как правило, сопровождаются комментариями «Скорее бы лето» / «Лето не за горами» и т. п. – воплощая тем самым мечты пользователей. Летняя пора в социальной сети, в свою очередь, характеризуется большим количеством аватаров-фотографий, на которых пользователи изображены в купальниках – для одних это способ продемонстрировать фигуру, для других – подчеркнуть сексу-

альность, у третьих – привлечь внимание к странице, повысить рейтинг.

14,3 % аватаров – это фотографии с ребенком. Владельцами таких аватаров, как правило, являются молодые мамы, для которых приоритетной ценностью на данный момент является семья и появившийся на свет ребенок. Использование фото с ребенком в качестве аватара говорит, скорее, о желании привлечь внимание к себе и подрастающему чаду, поделиться радостью материнства.

17 % аватаров – это влюбленные пары: молодой человек+девушка. Такие аватары, возможно, заявляют о статусе интернет-пользователя («есть друг / подруга»), могут являться своеобразным сигналом «не свободен», закрыт для установления отношений. Такая фотография может быть способом поделиться счастьем влюбленности с окружающими, способом доказать своё «неодиочество» (для тех, кому за 30 – во избежание комплекса «старой девы»), способом мести (особенно для подростков). Продолжением этой темы могут быть аватары-фото в свадебном платье. Они могут быть использованы владельцем страницы или восприняты другими пользователями как способ поделиться счастьем, сообщить новость, покрасоваться, похвастаться, «галочка в биографии», форма ностальгии, воплощенные мечты в реальность.

Частотным аватаром (особенно у представителей мужского пола) также является фотография на фоне автомобиля – 7,5 %. Любопытно, что это может быть «старая добрая „копейка“» или роскошный спортивный автомобиль. Фото «в» или на фоне автомобиля, как правило, это фиксация статуса «Я-водитель» или способ продемонстрировать мечту, ее воплощение, иногда, возможно, способ подчеркнуть собственную важность, похвастаться.

Также нам встретились аватары-фото пользователя в военной форме – 3,3 %. Опираясь на возрастной параметр исследования, можем предположить, что это страницы пользователей, находящихся в данное время в армии – сейчас призывники могут пользоваться Интернетом, и для них это способ не терять связь с домом, друзьями, вести документальный, фотографический дневник службы. Также это могут быть аватары демобилизованных солдат, недавно вернувшихся со срочной службы и не обретших новую социальную роль. Либо это личные страницы курсантов, контрактников, тех, для кого армия – это работа. И такие аватары-фотографии, возможно, это способ подчеркнуть собственный статус или познакомиться с девушкой.

Резюмируя, отметим, что у аватара большой прагматиче-

ский потенциал, и аватар, являясь элементом самопрезентации в социальной сети, направлен на инициирование общения, установление контакта, привлечение внимания других пользователей. Через аватар возможно передать настроение, отношение, новость, отразить тип личности, характер, зафиксировать перемены в жизни. Именно поэтому можно утверждать, что выбор аватара – это сознательный шаг пользователей социальной сети, и именно аватар является первым шагом создания виртуальной личности, способом виртуальной самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Becker, B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments. 1997. URL: <http://duplox.w2-berlin.de/docs/panel/becker.html>.

2. Turkle S. Life on the screen: Identity in the age of the Internet. — N. Y.: Touchstone Books, 1997. URL: <http://web.mit.edu/sturkle/www/>.

А. А. БАТАЛОВА

Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ В СКАЗКАХ ВИЛЬГЕЛЬМА ГАУФА

Аннотация. Рассматриваются образы положительных героев из сказок В. Гауфа. Выявляются основные антропосоциальные (внешность, пол, возраст, положение в обществе) и психологические (ответственность, общительность, доброжелательность, покорность, преданность, отзывчивость, благодарность) характеристики положительных персонажей.

Ключевые слова: В. Гауф, немецкий романтизм, сказка, положительный герой.

A. A. BATALOVA

Ekaterinburg, Russia

IMAGE OF A POSITIVE CHARACTER IN WILHELM HAUFF'S FAIRYTALES

Abstract: Images of positive characters in W. Hauff's fairytales are discussed. Basic anthropo-social (appearance, gender, age, position in society) and psychological (responsibility, sociability, good-heartedness, obedience, devotion, sensitivity, gratitude) characteristics of positive personages are revealed.

Key words: W. Hauff, German romanticism, fairytale, positive character.

В. Гауф (1802–1827) за свою короткую жизнь сумел оставить заметный след в истории немецкой литературы. Гауф родился в семье чиновника, учился богословию в Тюбингенском университете, был домашним учителем.

Творчество Гауфа развивалось в русле романтического направления. Увлечение Гауфа восточными сказками отразилось на его немецких сюжетах («Карлик нос», «Молодой англичанин»), которые обрели восточную пышность описаний, яркость детали и даже по своему построению напоминают сказки о султанах и визирях. Гауф помещает в скромную бюргерскую среду, привычную для немецких сказок, странных, экзотических героев; их поведение нарушает скучный покой обывателей.

Литературная деятельность Гауфа, писателя позднего романтизма, развернулась в 20-е годы. Когда сказок набралось много, писатель издал сборник, который он назвал «Альманах на 1826 год». В этом сборнике читатели встретились с прекрасными принцессами, мудрыми калифами и благородными принцами. Но самыми лучшими были признаны две из них – «Маленький Мук» и «Калиф Аист». Второй сборник писателя – «Александрийский шейх и его невольники» – был напечатан в 1827 году. Следующий цикл сказок, который собирался напечатать Вильгельм Гауф, носил название – «Харчевня в Шпессарте». Но писатель не успел это осуществить. 18 ноября 1827 года он умер, однако сказки были напечатаны в 1828 году.

Для анализа положительного героя были использованы три цикла сказок. Это «Караван» (Die Karawane), «Александрийский шейх и его невольники» (Der Scheik von Alesandria und seine Sklaven) и «Харчевня в Шпессарте» (Das Wirtshaus im Spessart).

Рассматривая положительного героя на примере сказок Вильгельма Гауфа, можно составить обобщенный образ, который складывается в сознании после прочтения. Итак, обратимся к характеристике *половой принадлежности героев*. Героями данных сказок являются чаще всего мужчины: «Die Geschichte von dem falschen Prinzen» (История о мнимом принце), «Die Geschichte von dem kleinen Muck» (История о маленьком Муке), «Der junge Engländer» (Молодой англичанин). Но, тем не менее, встречаются и героини женского пола, их роль нельзя назвать ни главной, ни второстепенной. Они занимают особое место в сказке – решающее: они спасают главных героев-мужчин от волшебных сил. Например, в таких сказках, как «Карлик Нос» (Der Zwerg Nase) и «История о калифе-аисте» (Die Geschichte von Kalif Storch).

Теперь обратимся к *возрастному аспекту* образа положительного героя в сказках Вильгельма Гауфа. В сказках главными героями являются взрослые персонажи, иногда встречаются молодые герои в возрасте от 16 лет, но в основном это сложившиеся в жизни люди. Также возраст героев можно определить исходя из контекста.

- «Auch bin ich ein alter Mann, und Ihr seid noch jung und unverheiratet» (Die Geschichte von Kalif Storch),
- «...erlaubte ich dem alten Ibrahim, sich schlafen zu legen» (Die Geschichte von dem Gespensterschiff),
- «Mein Bruder Mustepha und meine Schwester Fatme waren beinahe in gleichem Alter; jener hatte höchstens zwei Jahre voraus...An Fatmes sechzehntem Geburtstage veranstaltete der

Bruder ein Fest» (Die Errettung Fatmes),

- «Der eine mochte achtzehn Jahre alt sein und war ein Zirkerschmied, der andere, ein Goldarbeiter, konnte nach seinem Aussehen kaum achtzehn Jahre haben» (Das Wirthaus im Spesart),

- «Der kleine Muck nämlich war schon ein alter Geselle» (Die Geschichte von dem kleinen Muck).

Теперь перейдём к *социальному статусу* персонажей. Героями являются довольно обеспеченные люди.

- «Der Reiter sah stattlich aus» (Die Karawane),

- «Der Kalif Chasid zu Bagdad...» (Die Geschichte von Kalif Storch),

- «Er war weder arm noch reich und einer von jenen Leuten, die nicht gerne etwas wagen aus Furcht, das Wenige zu verlieren, das sie haben» (Die Geschichte von dem Gespensterschiff),

- «Ein griechischer Kaufmann...» (Die Geschichte von dem Gespensterschiff),

- «Wenn er auch ein Räuber ist, so ist er doch ein edler Mann» (Die Geschichte von der abgehauenen Hand),

- «...und Thiuli-Kos heiße, ein vornehmer, reicher Mann, der früher Kapudan-Bassa des Großherrs geworden» (Die Errettung Fatmes).

Такому аспекту, как *внешность* в сказках Вильгельма Гауфа уделено весьма незначительное место. Описание внешности героев можно встретить далеко не в каждой сказке, если оно и есть, то совсем не большое и даже, можно сказать, краткое. Практически всегда Гауф указывает на описание внешнего вида и одежды. В сказках можно встретить героя с некрасивой внешностью, которую порой высмеивают люди.

- «Er hatte den Turban tief ins Gesicht gedrückt, dies und die schwarzen Augen, die unter buschigen Brauen hervorblitzen, der lange Bart, der unter der gebogenen Nase herabhing, gaben ihm ein wildes, kühnes Aussehen» (Der Karawane),

- «Der kleine Muck nämlich war schon ein alter Geselle, doch war er nur drei bis vier Schuh hoch, dabei hatte er eine sonderbare Gestalt, denn sein Leib, so klein und zierlich er war, musste einen Kopf tragen, viel größer und dicker als der Kopf anderer Leute» (Die Geschichte von dem kleinen Muck),

- «Seine Augen waren klein geworden, wie die der Schweine, seine Nase war ungeheuer und hing über Mund und Kinn herunter, der Hals schien gänzlich weggenommen worden zu sein, sein Körper war noch so groß als vor sieben Jahren, der Rücken und die Brust waren weit ausgebogen, die Arme waren sehr groß,

seine Hände waren grob und braungelb, seine Finger lang und spinnenartig» (Der Zwerg Nase).

А сейчас мы охарактеризуем героев Вильгельма Гауфа со стороны *внутренней красоты*, ведь именно внутренние качества человека делают образ героя полным, точным и ясным. В сказках Вильгельма Гауфа мы выделили следующие положительные качества героев:

1. Ответственность

Чаще всего это качество раскрывается нам словами автора, либо мы можем догадаться о нём исходя из контекста.

- «Sogleich war auch mein Entschluss gefasst. Ich verkaufte mein väterliches Haus, gab einen Teil des gelösten Geldes einem bewährten Freunde zum Aufbewahren, von dem übrigen aber kaufte ich, was man in Franken selten hat, als Schals, seidene Zeuge, Salben und Öle, mietete einen Platz auf einem Schiff und trat so meine zweite Reise nach Franken an» (Die Geschichte von der abgehauenen Hand),

- «...schon vorher hatte er sich entschlossen gehabt, seine Schwester und ihre Freundin aufzusuchen» (Die Errettung Fatmes),

- «Er sorgte für ihn, dass ihm an Speise und Kleidung nichts abginge» (Die Geschichte Almansors).

2. Доброжелательность

Главные положительные герои относятся доброжелательно к остальным людям, не требуя ничего взамен.

- «Für den Fremden aber sorgten die Kaufleute, wie wenn er ihr wertester Gastfreund wäre. Der eine gab ihm Polster, der andere Decken, ein dritter gab ihm Sklaven, kurz, er wurde so gut bedient, als ob er zu Hause wäre» (Die Karawane);

- «Er ist mein Gastfreund, und das Gastrecht ist mir heilig. Auch sieht er mir nicht aus, als ob er uns verraten wollte...Friede sei mit dir, Mustapha. Lass uns den Morgentrunk kosten und rüste dich dann zum Aufbruch!» (Die Errettung Fatmes);

- «Die Gans dankte ihm mit Tränen, der Zwerg aber tat, wie er versprochen, schlachtete die zwei andern Gänse, für Mimi aber baute er einen eigenen Stall unter dem Vorwande, sie für den Herzog ganz besonders zuzubereiten» (Der Zwerg Nase).

3. Общительность

Сказки Вильгельма Гауфа распределены на циклы. В каждом цикле содержится несколько историй. Эти истории рассказывают друг другу путешественники, которые волею судьбы оказались в одном и том же месте и вынуждены ожидать чего-то, либо путешествовать вместе. Таким образом, во всех циклах присутствует такое качество, как общительность, ведь сами ге-

рои являются рассказчиками, которые повествуют о судьбе своим товарищам.

- «"Liebe Freunde! Ihr habt euch auf dieser unserer Reise als treue Gesellen erprobt, und auch Selim verdient mein Vertrauen, daher will ich euch etwas aus meinem Leben mitteilen, das ich sonst ungern und nicht jedem erzähle: die Geschichte von dem Gespensterschiff"» (Die Karawane);

- «"Wenn ich mich euch nicht langweile, erzähle ich gerne weiter, denn die Geschichte meines Bruders ist allerdings abenteuerlich und wundervoll"» (Die Errettung Fatmes);

- «"Ihr Männer, die ihr heute frei sein werdet durch die Gnade meines Herrn Alli Banu, des Scheik von Allesandria, tuet nun, wie es Sitte ist an diesem Tage in seinem Hause, und hebt an zu erzählen!"» (Der Scheik von Alessandria und seine Sklaven).

4. Покорность

Положительные герои не могут отказать в просьбе других людей. От этого они часто страдают и попадают в разные неприятные ситуации.

- «Diese Sitte, die Köpfe geliebter Anverwandten abzuschneiden, kam mir zwar etwas schrecklich vor, doch wagte ich nichts dagegen einzuwenden aus Frucht, den Unbekannten zu beleidigen» (Die Geschichte von der abgehauenen Hand);

- «Der Kleine wollte nicht mitgehen und weinte; denn ihm graute vor der hässlichen Frau, aber die Mutter befahl es ihm ernstlich, weil sie es doch für eine Sünde hielt, der alten, schwächlichen Frau diese Last allein aufzubürden; halb weinend tat er, wie sie befohlen, raffte die Kohlhäupter in ein Tuch zusammen und folgte dem alten Weibe über den Markt hin» (Der Zwerg Nase);

- «Almansor kam zwar nicht in so harte Sklaverei als die Christen, weil er ein rechtläubiger Muselman war, aber dennoch war jetzt alle Hoffnung verschwunden, die Heimat und den Vater wieder zu sehen. Dort lebte er bei einem reichen Manne fünf Jahre und musste die Blumen begießen und den Garten bauen» (Die Geschichte Almansors).

5. Преданность и верность

Эти качества сопровождают главных героев сказок В. Гауфа. Покорные и верные слуги сопровождают своих хозяев в любой тяжёлой ситуации.

- «Kaum hatte am andern Morgen der Kalif Chasid gefrühstückt und sich angekleidet, als schon der Großwesir erschien, ihn, wie er befohlen, auf dem Spaziergang zu begleiten» (Die Geschichte von Kalif Storch);

- «Er und sein Vater haben nun Tag und Nacht in den alten Büchern gelesen und endlich einen ganz dem meinigen ähnlichen Fall gefunden. Und sie haben das gefunden» (Die Geschichte von der abgehauenen Hand);

- «Meinem Bruder aber versprach er, sogleich zur Hilfe bereit zu sein, wenn er sich vorher von der Reise gestärkt haben würde» (Die Errettung Fatmes).

6. *Отзывчивость*

Способность помогать другим людям – это главная особенность положительных героев в сказках Вильгельма Гауфа.

- «Ich forschte da selbst auch nach einem weisen und verständigen Manne. Er führte mich in eine abgelegene Straße, an ein unscheinbares Haus, pochte an, und ließ mich eintreten mit der Weisung» (Die Geschichte von dem Gespensterschiff);

- «Valley umarmte mich weinend und versprach mir, alles zu tun, um wenigstens mein Leben zu retten» (Die Geschichte von der abgehauenen Hand);

- «Nimm diesen Dolch als Andenken, und so du Hilfe brauchst, so sende ihn mir zu, und ich will eilen, dir beizustehen» (Die Errettung Fatmes);

- «...da kann ich dir schon helfen, denn mein Vater lehrte mich alle Kräuter kennen» (Der Zwerg Nase).

7. *Умение благодарить других людей за их доброту*

Такое качество присуще героям сказок В. Гауфа, но не все герои умеют это показывать и признаваться в этом.

- «"Wem anders als dir habe ich es zu danken, dass ich mir selbst wiedergeschent bin? Ohne dich hätte ich dieses Kraut nimmer gefunden, hätte also ewig in jener Gestalt bleiben oder vielleicht gar unter dem Beile des Henkers sterben müssen. Ich will dich zu deinem Vater bringen, er, der so erfahren ist jedem Zauber, wird dich leicht entzaubern können"» (Der Zwerg Nase);

- «"Noch einmal meinen Dank, unbekannter Retter! Wenn Schätze dich lohnen können, so nimm mein Schiff als Zeichen meiner Dankbarkeit!"» (Die Geschichte von dem Gespensterschiff),

- «"Retterin meines Lebens und des Lebens meines Freundes, nimm zu ewigen Dank für das, was du an uns getan, mich zum Gemahl an!"» (Die Geschichte von Kalif Storch).

А. А. БАТАЛОВА, Е. О. ТАРАСЕНКО

Екатеринбург, Россия

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ВОСПИТАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

Аннотация. На примере английского и немецкого вариантов сказочного сюжета «Белоснежка и семь гномов» анализируются основные черты положительных сказочных героев (трудолюбие, доверчивость, беззащитность, готовность прийти на помощь).

Ключевые слова: детская литература; сказка; положительный герой; сюжет; Белоснежка и семь гномов.

A. A. BATALOVA, E. O. TARASENKO

Ekaterinburg, Russia

CHILDREN'S BOOKS AS A SOURCE OF BRINGING UP POSITIVE TRAITS OF CHARACTER

Abstract: On the basis of English and German versions of the fairytale plot of "Snow White and Seven Dwarfs" main traits of character of positive personages are described (diligence, trustfulness, helplessness, readiness to help).

Key words: children's books, fairytale, positive character, plot, Snow White and Seven Dwarfs.

История человечества немислима без усвоения чужого опыта. Активнее всего это происходит в детстве, когда только вырабатываются способы и формы взаимодействия вновь пришедшего человека с миром. Книга незаметно и эффективно учит. Она сближает поколения. Детская литература является самой массовой, и переоценить её значение трудно, так как она запоминается на всю жизнь.

Изучением тайн детской книги занимался и занимается не один десяток исследователей: Т. В. Зуева, В. Я. Пропп, Ю. И. Юдин и др. Одна из причин популярности детской литературы – так или иначе повторяющиеся у разных народов сказочные сюжеты [Пропп 1998: 78]. Сказка учит ребёнка, предметно воплощая его надежды и страхи, выходу из самых сложных жизненных ситуаций, воспитывает манеры поведения, учит быть ласковым и добрым, поскольку ребёнок – это существо,

ещё не осознающее границ могущества этого мира.

Детская литература является важной составляющей жизни каждого человека, а сказка является особым жанром литературы. Ведь именно со сказки начинается детство, именно она прививает нам знания о добре и зле, о красоте, о положительных и отрицательных героях. Сказка учит нас добру и воспитывает в нас те положительные качества, которые заложены в образах положительных героев: доброта, вежливость, отзывчивость, трудолюбие, упорство и многие другие.

Портреты литературных персонажей не случайно привлекают к себе внимание читателей. Кроме того, что они воспитывают в нас те или иные качества, показывают детям, что «хорошо», а что «плохо», сказки передают исторические сведения. Благодаря литературе, мы можем узнать об исторических событиях, которые происходили в определенную эпоху, об исторических личностях. А мастерски написанный портрет расскажет нам о человеке очень многое. По одной только одежде героя мы узнаём, что носили люди той или иной исторической эпохи, разных стран, разных культур. Мы познаём не только личный вкус героя и его отношение к моде, но и положение его в обществе, отношение к нему других людей.

Портрет литературного героя, как и образ в целом, несёт в себе симпатию и антипатию автора, которая может быть выявлена явно, в особых авторских комментариях, замечаниях, или скрыто, в подборе деталей портрета, в сопоставлениях, в самом тоне описания [Гинзбург 1974: 127]. Таким образом, авторская оценка во многом определяет соответствие между внешностью человека и его внутренним миром.

Довольно часто внешний облик героя совпадает с внутренним миром. Привлекательной внешностью, приятными чертами лицами, хорошими манерами как правило наделяются положительные герои, внутренний мир которых богат и разнообразен. Они добры, приветливы, отзывчивы, покорны и т.д. Например, Белоснежка, Золушка (хоть и неопрятно выглядит, но милые черты лица привлекают читателя, трудолюбивая девушка, выполняющая большую, тяжелую или черную работу, но вынужденная при этом терпеть унижения и пренебрежительное к себе отношение). Им противопоставлены «антигерои», которые отталкивают нас буквально с первых строк: Баба Яга, Кощей Бессмертный. Конечно, это не всегда так, и существуют различные варианты развития событий. Например, непривлекательный, уродливый герой может стать воплощением добра и красоты. Например, сказка про гадкого утенка, который стал прекрас-

ным лебедем, самой красивой птицей.

Положительные качества всегда ценились в обществе. Их ценность признавалась во все времена, во всех странах, культурах.

Сравним и выделим качества, которыми наделяются положительные герои. Проведем анализ народной сказки «Белоснежка и семь гномов» в английском и немецком переводе: Edgar Taylor, Marian Edwardes «Snow White and seven dwarfs» и Die Gebrüder Grimm «Schneewittchen und die sieben Zwerge». Это дает нам возможность убедиться в том, всеми культурами признается ценность положительных качеств.

1. Трудолюбие:

В сказке герой не боится труда, выполняет всё аккуратно и прилежно.

- «So blieb Schneewittchen bei den Zwergen und versorgte das Haus, während diese tagsüber im Bergwerk nach Erz gruben».

- «If you will take care of our house, cook for us, and make the beds, wash, mend, and knit, and keep everything neat and clean, then you may stay with us and you shall lack for nothing.

“Yes,” answered Snow-White; “*With All my heart,*” and so she stayed.

She kept the house neat and clean for the dwarfs».

2. Наивность и доверчивость

Главные герои прямые и невинные, простые, простодушные, простосердечные, не подозревают обман и ложь, легко, без размышления доверяют другим людям.

- «Wer bist du? – fragten die Wichte, und Schneewittchen erzählte sein trauriges Schicksal».

- «Snow-White had no suspicious thoughts, so she placed herself in front of the old woman that she might fasten her dress with the new silk lace».

- «Snow-White longed for the delicious-looking fruit, and when she saw that the woman ate half of it, she thought there could be no danger, and stretched out her hand and took the other part. But no sooner had she tasted it than she fell down dead».

3. Беззащитность

Эта черта главных героев проявляется в трудностях и лишениях, которые им приходится терпеть. Порой даже близкие люди заставляют героев страдать.

- «But immediately the wicked creature laced her bodice so tightly that she could not breathe, and fell down upon the ground as though she were dead».

4. Способность помогать другим людям

Это качество положительных сказочных героев используется другими персонажами сказок в корыстных целях.

- «Dieser führte es in den Wald, doch sein Herz erlaubte ihm nicht, das Kind zu töten»,

- «Als es geendet hatte, sagten sie: So bleib doch bei uns, hier bist du sicher vor der bösen Königin!».

- «"Surely I might let this honest old woman come in?" thought Snow-White, and unbolted the door and bought the pretty lace».

Таким образом, положительные качества героев всегда привлекали внимание читателя - как юного, так и взрослого. Народная мудрость воплощена в сказках. Народная сказка есть повествовательный фольклорный жанр. Он характеризуется своей формой бытования. Это рассказ, передаваемый из поколения в поколение только путём устной передачи. Сюжеты народных сказок являются традиционными и в какой-то мере заданными. Независимо от рассказчика, записавшего сказку, культуры, которая его окружает, страны, ценность доброты, скромности, трудолюбия остается неизменной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О лирике – Л.: Современный писатель, 1974. 407с.

2. Литовская М. А. Хорошие книги о хороших людях // Филологический класс. 2004. №11. С. 56–66.

3. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки – М.: Лабиринт, 1998. 357с.

Л. Е. ВЕСНИНА

Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИГРАЦИИ
В РЕАКЦИЯХ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА**

Аннотация. В статье анализируются полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции студенческой молодежи Екатеринбурга на слово-стимул «мигрант», позволяющие судить о закреплённом в языковом сознании социально активных россиян восприятии миграции. Демонстрируется, что россияне относятся к мигрантам в основном терпимо/равнодушно.

Ключевые слова: миграция; психолингвистика; языковое сознание; свободный ассоциативный эксперимент; метафора; метонимия.

L. E. VESNINA

Ekaterinburg, Russia

**METAPHORICAL REPRESENTATION OF MIGRATION IN RE-
PLIES IN FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT**

Abstract: The article analyses answers received in the course of associative experiment for the word "migrant" held among students of Ekaterinburg. They make it possible to identify the attitude to migration fixed in the language consciousness of socially active citizens of Russia. It was proved that the Russians are tolerant or indifferent to migrants.

Key words: migration, psycholinguistics, language consciousness, free associative experiment, metaphor, metonymy.

С недавних пор пристальное внимание ученых различных областей знания обращено к проблеме миграции, что не случайно, поскольку, по данным ООН, за последние 50 лет число людей, живущих за пределами своей родины, увеличилось почти вдвое и уже в 2005 г. составило 191 млн. человек. Трудящиеся-мигранты сконцентрированы в относительно большом числе стран, в квинтет которых в 2006 г. вошла и Россия [Прудникова 2007: 3]. Вполне естественно, что миграция затрагивает интересы постоянного населения страны: одни отно-

сятся к этому явлению резко негативно, другие – равнодушно и терпимо, третьи видят в миграции на территорию России положительные стороны.

Социологи довольно часто проводят опросы российской общественности с целью выявления ее отношения к приезжим. Именно результаты подобных опросов натолкнули нас на мысль: почему крайне отрицательный образ мигранта, формируемый в российских СМИ, чаще всего не находит отражения в ответах, даваемых респондентами в рамках соцопроса.

Так, показательны в этом отношении результаты последнего социологического опроса об отношении россиян к одной из самых распространенных категорий мигрантов в России, трудовых, проведенного 20–23 ноября 2009 года Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр). В опросе участвовали 1600 россиян в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран «ближнего зарубежья?». Определенно положительно к данному факту относятся 19% опрошенных, нейтрально – 44%, скорее отрицательно – 35%, затруднились с ответом всего 2% [www.levada.ru].

Получается, что лишь треть ответов являются показателями негативного отношения россиян к мигрантам. Но часто люди на прямой вопрос не дают правдивого ответа, поэтому мы попытались найти другой доступ к сознанию россиян с целью выявления образа миграции в представлении постоянного населения России.

Именно язык может служить тем средством, которое помогает проникнуть в глубины человеческого сознания. Еще В. фон Гумбольдт утверждал, что «язык – главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и сознания» [Гумбольдт 2000: 77]. Попытаться проникнуть в сознание людей помогает психолингвистика – одно из направлений современной науки о языке, складывающееся в рамках антропоцентрической парадигмы.

По утверждению А. А. Леонтьева, «предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной "образующей" образа мира человека, с другой» [Леонтьев 1997: 35]. Это определение психолингвистики разделяется большинством отечественных учёных. В нём подчеркивается, что психолингвистика должна изучать человеческое измерение языка и речи и роль языка в структурировании мира. В соответствии с

особенностями антропоцентрической парадигмы психолингвистика ориентирована на триаду «язык – человек – сознание».

Одной из методик выявления показателей языкового сознания (индивидуального и коллективного) в психолингвистике является свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Считается, что на ассоциации, полученные в САЭ, влияют два фактора: «лингвистический», т.е. определенные характеристики самого стимульного слова, и «прагматический», т.е. влияние личности самого испытуемого [САНРЯ 1977: 7]. Само же ассоциирование – процесс двойственный, поскольку, «с одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личностный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт» [Паутова 2007: 150]. Следовательно, на основе ассоциаций, возникающих у субъекта, можно говорить не только об индивидуальных особенностях восприятия действительности, но и об особенностях восприятия целой общности людей.

В рамках данного исследования с целью выявления образа миграции, существующего среди россиян, мы использовали методику САЭ: эксперимент проводился в городе Екатеринбург, в качестве информантов выступили 609 студентов 1 – 3 курсов ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в возрасте от 17 до 22 лет. Задание формулировалось следующим образом «Напротив каждого слова напишите только одну, первую пришедшую на ум ассоциацию». Среди ряда других слов (жираф, космонавт, весна и др.) респондентам был предложен стимул *мигрант*. В ходе САЭ мы не получили ни одного отказа от участия в эксперименте, в результате чего дано 609 реакций на слово-стимул «мигрант».

Зачастую реакции респондентов на понятие «мигрант», представляют собой метафорические характеристики: среди 609 полученных реакций 301 – метафорическое словоупотребление. Понимание метафоры в психолингвистике как «единицы картины мира, поскольку в метафоре (как стершейся, банальной, общеязыковой, так и оригинальной, авторской) происходит соединение двух зон, двух разных областей наших знаний: одного предмета или явления действительности, который подлечит осмыслению, оценке, и другого предмета или явления, нам известного и характеризующего типовыми признаками, которые и служат основой осмысления или оценки первого» [РАС 2002: 759]; а также основные положения теории метафорического моделирования (см. подробнее [Чудинов 2001, 2003]) позволяют нам говорить о возможности объединения метафорических реакций в метафорические модели, репрезентирующие

миграцию в данных САЭ. Все выделенные метафоры были систематизированы в соответствии с предложенным А. П. Чудиновым (2001, 2003) способом классификации концептуальных метафор: понятийная сфера-источник метафорической экспансии; частотность; степень продуктивности метафорической модели. В данных результаты САЭ обозначились следующие метафорические модели, представляющие понятие «мигрант».

Зооморфная метафорическая модель. По верному наблюдению Э. В. Будаева, «зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки. Свидетельства обращения к миру животных для осмысления действительности обнаруживаются еще в первобытном тотемизме и мифологии, а после изобретения письма моделирование человеческого мира по образу мира животных регулярно встречается в работах мыслителей от Геродота до Ф. Ницше и О. Шпенглера» [Будаев 2006: 128].

Метафоры мира животных оказались и самыми востребованными для респондентов, участвовавших в САЭ: почти половина (132 МЕ/ 44%) всех полученных метафорических характеристик и около четверти всех реакций (22 %), данных на слово-стимул «мигрант», представляют собой зооморфные метафоры. Такой высокий процент «звериной» метафорики объясняется традиционностью использования носителями русского языка наименований животных для осмысления объектов окружающего мира, ср.: *здоров как бык, взять быка за рога, заячья натура* и др.; а также неограниченностью участников САЭ этическими рамками, в частности, мешающими использовать зооморфные характеристики авторам текстов СМИ.

Зооморфная модель имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Состав мира животных»

1.1. Слот «Собственно животные (млекопитающие)»

Рассматриваемый слот характеризуется значительным разнообразием актуализируемых концептов. Среди ассоциаций актуализируются метафоры базового уровня: *животное* (5 МЕ), *бездомные животные* (2 МЕ); а также конкретные образы животных: *бездомная собачка, слепые котята, летучая мышь*; в том числе редкие или вовсе нехарактерные для российской фауны животные: *единственный в мире пятнистый медведь, желтая макака, тушканы, шакалы, ишак*.

Метафоры слота представляют собой нейтральные ассоциации (*единственный в мире пятнистый медведь*), обладают как положительными (*бездомная собачка, слепые котята*), так и

отрицательными коннотациями (*животное, бездомные животные, желтая макака, тушканы, шакалы, ишак, летучая мышь*) в оценке понятия «мигрант».

1.2. Слот «Птицы»

Среди метафор слота используются как общие наименования, причем с признаком, характеризующим объект: *птица, лишенная гнезда, перелетные птицы* (65 МЕ); так и названия определенных видов птиц: *кукушки* (2 МЕ), *чайки* (2 МЕ), *петух, грачи*.

В основе метафорического переноса *кукушки* лежит закрепленное в сознании носителей языка представление о том, что кукушка – это «лесная перелетная птица, обычно не вьющая своего гнезда и кладущая яйцо в чужое гнездо» [Ожегов 1999: 313]. Мигранты же на территории чужой страны чаще всего оказываются без семьи, оторванными от дома. Ассоциация *чайки* дважды возникает в реакциях респондентов, скорее всего, с учетом жаргонного значения слова, ср. чайка – это «нахлебник». Использование слова *петух*, на наш взгляд, обусловлено попыткой респондента подобрать оскорбительное наименование. *Грачи* ассоциируются у жителей России с прилетом в определенное время года, также как *перелетные птицы*, что отражает представление о мигрантах как о сезонных рабочих. Ассоциация *птица, лишенная гнезда* рождается под воздействием представления о том, что большинство мигрантов, приезжая в Россию, оставляет семью на Родине. Данной реакции свойственна положительная коннотация, проявляющаяся в сочувствии к мигрантам.

Метафоры слота представляют собой нейтральные метафорические ассоциации (*перелетные птицы, грачи*), а также реакции с положительной (*птица, лишенная гнезда*) и отрицательной (*кукушки, чайки, петух*) коннотациями.

1.3. Слот «Низшие животные (насекомые, паразиты)»

Слот представлен общими наименованиями *насекомое, паразиты*, а также наименованиями конкретных видов: *оса, стрекоза, тараканы* (21 МЕ), *муравьи* (7 МЕ), *саранча* (4 МЕ), *термиты*. Наличие реакций *оса* и *стрекоза*, наряду с единичной ассоциацией *гусеницы, которые потом становятся бабочками*, обусловлены желанием участников эксперимента создать необычные образы. Тогда как типическое представление о свойствах низших животных становится источником для метафорической концептуализации понятия «мигрант» в следующих наименованиях: *таракан* – «прямокрылое всеядное насекомое, живущее большим количеством, вредитель в сельском хозяйстве» [Ожегов 1999: 789]; *муравей* – «жалящее общественное насекомое,

живущее большим количеством» [Ожегов 1999: 370]; *саранча* – «стадное насекомое, вредитель сельского хозяйства, перелетающее большими массами» [Ожегов 1999: 697]; *термиты* – «близкие к муравьям, вредители, создают колоссальные по числу жителей общины» [www.zoofloga.ru]. Все насекомые обладают отрицательной характеристикой «вредитель»; также подчеркивается такое качество насекомых, выбранных для обозначения мигранта, как «живущие большим количеством».

Среди метафор данного слота нет ни одной, обладающей положительной коннотацией; нейтральные ассоциации – *оса*, *стрекоза*, *гусеницы*, *которые потом становятся бабочками* и реакции с отрицательным полюсом оценки – *насекомое*, *паразиты*, *тараканы*, *муравьи*, *саранча*, *термиты*.

2. Фрейм «Объединения животных и насекомых»

Фрейм представлен единичными метафорическими реакциями *косяк журавлей* и *муравейник*. Основной смысл, возникающий в представленных метафорах, – «большое количество». Поэтическое *косяк журавлей* не имеет каких-либо коннотаций и является нейтральной ассоциацией на слово-стимул «мигрант»; тогда как реакция *муравейник* отражает негативные представления респондентов о том, что мигрантов слишком много и они хаотично движутся, как муравьи в муравейнике.

3. Фрейм «Действия животных и рыб»

В реакциях данного фрейма мигранты метафорически представлены в виде *крыс*, *бегущих с тонущего корабля* (2 МЕ), *животных, которые бегут в одну сторону при опасности*, а также *рыб, которые мечутся*. В метафорическом употреблении *крысы*, *бегущие с тонущего корабля* актуализируется такой смысл, заложенный в ставшем уже устойчивым сочетании, как «трусость». Под метафорой *тонущий корабль*, скорее всего, подразумевается Родина, которую покинули мигранты в поисках лучшей жизни, данный факт отрицательно оценивается участниками САЭ. Так же можно трактовать единичную метафорическую характеристику *животные, которые бегут в одну сторону при опасности*. Распространенное сегодня мнение о том, что мигранты рожают большое количество детей, легло в основу метафоры с отрицательным полюсом оценки понятия «мигрант» – *рыбы, которые мечутся*.

Все метафорические реакции, составляющие данный фрейм, обладают отрицательными коннотациями.

4. Фрейм «Обращение с животными»

Фрейм представлен единичной метафорической реакцией *животные, которых травят*, обладающей положительной конно-

тацией – таким образом выражается сочувствие одного из участников САЭ по отношению к мигрантам.

В целом, зооморфная метафорическая модель, являющаяся, по данным результатов САЭ, высокочастотной (132 МЕ / 44%) и продуктивной (4 фрейма / 3 слота), представлена нейтральными реакциями, а также ассоциациями с положительным и отрицательным полюсами оценки.

Пространственная метафорическая модель. Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Дорога / пространство» актуализирует смыслы, привычные общественному сознанию, и одновременно раскрывает глубинные пласты осмысления понятия «мигрант». Анализ результатов САЭ показал, что миграция достаточно часто (50 МЕ / 16,6%) ассоциируется у российских респондентов с метафорами пути, дороги, путешествия, что объясняется самим значением слова «мигрант» – человек, который переехал куда-нибудь.

Любая модель характеризуется рядом важных свойств, к числу которых мы, вслед за А. П. Чудиновым, относим иерархическое устройство, пересекаемость метафорических моделей, открытость, способность к все более детальному развертыванию [Чудинов 2001: 38-43, 172-176]. Синкретичный характер метафорической модели обусловлен внутренней организацией концепта, а именно, нечеткостью его внутренней структуры, размытостью границ, представленных как в индивидуальном, так и в национальном сознании. Такие свойства, как отсутствие строгих границ, диффузность, характерны для любой метафорической модели. Концептуальная метафора с источниковой сферой «путь» проявляет высокий потенциал к развертыванию. Некоторые слоты концептуальной метафоры пути могут быть отнесены к другим моделям в соответствии с семантикой сферы-источника метафорической экспансии. Так, метафорика слота «Транспортное средство» представляет собой пример механической метафоры.

1. Фрейм «Перемещение в пространстве»

Фрейм представлен метафорами движения, призванными отобразить действия мигрантов, с помощью которых они осуществляют перемещение: *переезд* (6 МЕ), *полет*, *переселение*, *побег*.

Метафорические ассоциации фрейма не нагружены никакими коннотациями.

2. Фрейм «Пребывание в пути»

2.1. Слот «Путь следования»

Путь следования связан в сознании носителей языка с до-

рогой, что проявляется в единичной нейтральной ассоциации *дорога*.

2.2. Слот «Транспортное средство»

В метафорах слота представлены нейтральные реакции, ассоциирующие мигранта с транспортным средством, с помощью которого совершается перемещение: *самолет* (2), *поезд*, *теплоход*. Составляющие слота «Транспортное средство» могут быть также отнесены к другой модели с источниковой сферой «механизмы». В метафоре *теплоход* актуализируются культурные знания респондента: теплоход в современной российской действительности является неактуальным транспортным средством для перемещения на большие расстояния, но потоки мигрантов в различные страны мира начала XX века использовали именно этот вид транспорта.

3. Фрейм «Атрибуты перемещения»

3.1. Слот «Конкретные атрибуты переезда»

Слот включает в себя нейтральные метафорические реакции участников эксперимента, актуализирующие пространство, реалии и атрибуты переезда: *вокзал* (2), *граница* (2), *страна* (2), *виза*, *гринкарта*, *дорожные сумки*, *чемодан*.

Все указанные ассоциации отражают представления респондентов о необходимых составляющих переезда, который совершают мигранты.

3.2. Слот «Абстрактные атрибуты переезда»

Традиционно переезд на новое место жительства связан в сознании людей с определенными ожиданиями, надеждами, что отразилось в нейтральных метафорах слота: *будущее*, *ветер*, *лучшая жизнь*, *мечты*.

4. Фрейм «Участники перемещения»

Метафоры фрейма являются отражением метафорического переосмысления понятия «мигрант» и характеризуют его в зависимости от цели перемещения как *туриста* (5 МЕ), *гостя* (4 МЕ), *путешественника* (3 МЕ), *кочевника* (3 МЕ). Респонденты для образного представления миграции используют также поэтическую лексику *скитальцы*; *странники*; *тучки небесные*, *вечные странники*. Последние расцениваются нами как метафоры с положительным полюсом оценки, поскольку в толковании слов «скиталец (книжн.) – человек, который скитается» [Ожегов 1999: 722] и «странник (устар.) – странствующий человек (обычно бездомный и гонимый)» [Ожегов 1999: 772] априори заложен положительный потенциал. В использовании литературного прецедента *тучки небесные*, *вечные странники* (см. стихотворение «Тучи» М. Ю. Лермонтова) прослеживается

мотив изгнанничества и неприкаянности, посредством которого выражается жалость одного из участников эксперимента по отношению к мигрантам, вынужденным покинуть родные края.

В целом, образы, созданные в рамках среднечастотной (50 МЕ / 16,6%) и продуктивной (4 фрейма / 4 слота) пространственной метафорической модели, отражают объективные представления участников эксперимента о процессе переезда, который совершают мигранты. Три метафоры модели можно оценить как обладающие положительным потенциалом (*скитальцы, странники, тучки небесные, вечные странники*), остальные – нейтральные метафорические реакции на словостимул «мигрант».

Этническая метафорическая модель. В основу метафор этнической модели положено представление каждого человека о национальной идентичности, проявляющееся в классифицировании всех людей посредством лингвокультурологической оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ. Концептуальные маркеры СВОИ и ЧУЖИЕ являются непреходящими для языкового сознания человека всех времен. Их древняя реализация была впервые описана Э. Бенвенистом в рамках оппозиции «свободный – раб, чужой, чужеземец». Лексемы со значением «чужеземец» в некоторых индоевропейских языках включали в себя значение «враг» [Бенвенист 1995]. Сохраняя свое значение на протяжении веков, дихотомия СВОИ – ЧУЖИЕ является культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества [Степанов 1997: 480].

В рамках миграционного дискурса актуальной оказывается идентификация по принципу СВОИ – ЧУЖОЙ в понимании Бенвениста. Так, главное положение, установленное Э. Бенвенистом (1974) на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «Свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам» [Степанов 2001: 135-136].

Таким образом, мигрант определяется участниками психолингвистического эксперимента как ЧУЖОЙ, когда он является, во-первых, обладателем «экзотической» для России внешности; во-вторых – носителем других, чуждых россиянам, религиозных и культурных ценностей. В соответствии с этим, этническая метафорическая модель, по материалам ассоциативного эксперимента, имеет следующую структуру.

1. Фрейм «Мигрант – обладатель неславянской внешности»

При метафорической характеристике мигранта как обладателя неславянского или неевропейского типа внешности участники эксперимента зачастую апеллируют к образам, функционирующим в российских СМИ: *лицо кавказской национальности* (5 МЕ), *Равшан* (3 МЕ), *ДПНИ* (2 МЕ), *Джамшут*. Популярная в средствах массовой информации и среди рядовых россиян, ставшая стертой, метафора *лицо кавказской национальности* создана на основе метонимического переноса и используется как устойчивое сочетание по отношению к приезжим с Кавказа. Несмотря на изначально отрицательные коннотации, в настоящее время она является вполне нейтральной номинацией, хотя аналогичных словоупотреблений, типа «лицо российской национальности», «лицо американской национальности» в языке нет. Использование имен собственных *Равшан* и *Джамшут* в качестве ассоциаций на слово-стимул «мигрант» отражает телевизионные пристрастия подростковой и молодежной аудитории: это имена двух персонажей, строителей из Таджикистана, в популярной передаче на канале ТНТ «Наша Russia». Вполне вероятно, что в скором времени эти имена перейдут в разряд нарицательных, так же как это произошло с армянским именем Хачик. Дважды возникшая ассоциация *ДПНИ* является показателем закреплённости в сознании некоторых россиян представления о *Демократической партии национальной идентичности* как структуры, выступающей против нелегальной, а в реальности – и легальной, миграции на территорию России.

Единичная ассоциация *Маугли* представляет собой литературный прецедент: Маугли – главный герой одноименного произведения Р. Киплинга, воспитанный животными и отличающийся смуглым цветом кожи. Скорее всего, в основу такой реакции положен именно темный цвет кожи литературного персонажа. Доказательством этого может служить ряд «цветовых» метафор, данных участниками эксперимента как реакции на понятие «мигрант»: *черный* (4 МЕ), *черный цвет*, *чернокожий*, *черножопый*. В цветовых характеристиках подчеркивается смуглость приезжих из некоторых стран; в жаргонном *черножопый* заложен отрицательный полюс оценки миграции.

Кроме этого, мигрант как обладатель неславянской внешности ассоциируется у российских респондентов с *тетенькой в парандже*, *большим здоровым мужиком* и *бородатыми дядьками*. В таких реакциях содержится определенная доля иронии, а в двух последних – отрицательная оценка явления миграции. Уменьшительно-ласкательное *тетенька* (ср. *тетка*) в сочетании

с в парандже позволяет отнести ассоциацию к нейтральной группе.

2. Фрейм «Мигрант – носитель иных ценностей»

2.1. Слот «Духовные ценности»

Слот представлен как общими ценностными категориями *нация, национальность, своеобразие*, так и наименованиями вполне конкретных аксиологических понятий *другие традиции и обычаи, свой язык, вера*. В данном случае можно говорить о том, что некоторые участники эксперимента подчеркнуто утверждают право мигрантов на национальную идентичность.

2.2. Слот «Материальные ценности/ материальные знаки культур»

Данный слот состоит из нейтральных метафорических ассоциаций, отражающих восприятие мигрантов постоянным населением России сквозь призму особенностей кухни, ставших символичными для представителей некоторых национальностей: *лапша, пряности, фрукты или овощи, шашлык*. Кроме этого, одна из ассоциаций является наименованием неперменного символа жителей любой страны, служащего ее отличительным знаком, ср.: *флаг*.

Все метафоры фрейма можно оценить как нейтральные, поскольку в них не содержится каких-либо коннотаций, они являются констатирующими характеристиками.

3. Фрейм «Мигрант – ЧУЖОЙ»

Ассоциации данного фрейма являются стертыми метафорами, поскольку осознание россиянами человека другой национальности заведомо лежит в рамках категории СВОЙ – ЧУЖОЙ. Получены такие реакции «чужести» на слово-стимул «мигрант»: *чужой* (8 МЕ), *чужак* (4 МЕ), *чужие* (2 МЕ), *не наш, чужие люди*. Данные характеристики априори являются метафорами отторжения мигрантов, ср. нейтральные *иностранец, приезжий* и т.п.

Таким образом, по данным свободного ассоциативного эксперимента этническая метафорическая модель определяется нами как среднечастотная (48 МЕ/ 16%) и продуктивная (3 фрейма / 2 слота). В рамках модели отсутствуют ассоциации с положительным полюсом оценки, нейтральные реакции и с отрицательной коннотацией представлены в равной степени. Стоит отметить, что в этническую модель не вошли жаргонные варианты названий национальностей (*айзер, китаеза* и пр.), а также лексика, используемая в прямом значении (*иностранец, приезжий, человек другой культуры* и т.п.).

Экономическая метафорическая модель. В данных САЭ

метафорическая экономическая модель является среднечастотной (27 МЕ/ 9%) и среднепродуктивной. В рамках нее функционируют метафорические ассоциации, связанные в сознании участников эксперимента с теми специальностями, на которые могут претендовать мигранты в России; а также с некоторыми прецедентными феноменами и понятиями экономики, отношение к которым имеют приезжие. В соответствии с этим, рассматриваемая метафорическая модель имеет следующую структуру.

1. Фрейм «Экономическая ниша»

Фрейм представлен общими наименованиями той цели, которую преследуют мигранты, въезжая в страну: *работа* (7 МЕ), *учеба, деньги* (3 МЕ); а также названием конкретных видов деятельности: *строитель* (3 МЕ), *продавец на рынке, продавец обуви, торгош*. Подобные ассоциации являются показателем того, что в сознании россиян круг профессиональных сфер, на которые могут претендовать мигранты, жестко ограничен. Это проявляется и в таких реакциях как *рынок* (2 МЕ), *маршрутки, маленькая зарплата*.

Большинство метафор фрейма – нейтральные, жаргонная ассоциация *торгош* имеет отрицательный полюс оценки.

2. Фрейм «Экономические категории»

Фрейм представлен ассоциациями *Таганский ряд* (3 МЕ), *дешевая рабочая сила* (2 МЕ), *Черкизовский рынок*, где трижды возникшая реакция *Таганский ряд* является отражением реалии того города, в котором проводился психолингвистический эксперимент: Таганский ряд – самый крупный и популярный рынок в г. Екатеринбург, на котором большинство сотрудников являются мигрантами из Китая, Азербайджана, Таджикистана и других стран. Дважды возникшее устойчивое сочетание *дешевая рабочая сила* популяризировано СМИ и традиционно используется в медийных текстах, посвященных теме миграции: мигрант оценивается как человек, выполняющий не престижную работу за низкую оплату труда. Появление единичной реакции *Черкизовский рынок* также является отражением влияния СМИ: в конце весны – начале лета 2009 года в Москве произошло закрытие одного из самых крупных «иностранных» рынков в стране – Черкизовского. Скандал вокруг этого события широко освещался в российских средствах массовой информации, и название «Черкизовский рынок», до закрытия ничего не говорившее большинству россиян, не проживающих в Москве, стало узнаваемо всеми жителями страны.

В целом среди метафор экономической модели отсутствуют характеристики с положительным полюсом оценки; большинст-

во ассоциаций нейтральные, и две реакции оцениваются нами как обладающие негативными коннотациями (*торгаш, дешевая рабочая сила*).

Предметная метафорическая модель. Метафоры предметной метафорической модели представляют мигрантов в качестве неодушевленных предметов. Это образы с одним – отрицательным – полюсом оценки понятия «мигрант»: *вещь (6 МЕ); товар; мусорные баки, стоящие у третьего общежития; ненужный мусор; перхоть; пешки для политики; предмет, продающийся в комиссионном магазине; сажу; угольки*.

Посредством подобных пренебрежительных метафор мигрант репрезентируется как нечто ненужное, от чего поскорее хочется избавиться. Некоторые составляющие фрейма «Неодушевленный предмет» могут быть также отнесены к другой модели с источниковой сферой «Экономика», ср.: *пешки для политики* – сочетание, ставшее устойчивым и широко используемое в текстах СМИ применительно к различным объектам действительности; в метафоре *предмет, продающийся в комиссионном магазине* заложено представление (бытующее и в миграционном дискурсе СМИ) о том, что «мигрантом пользуются, а потом продают его следующему хозяину».

В рамках анализируемых данных САЭ экономическая модель является низкочастотной (15 МЕ/ 4,9%) и непродуктивной (фреймо-слотовая структура не развита).

Милитарная метафорическая модель. Образы войны в качестве репрезентантов понятия «мигрант» оказались мало востребованными для участников САЭ: получено 10 метафорических реакций (3,3%). В данном случае милитарная модель является низкочастотной и среднепродуктивной (4 фрейма), включает в себя следующие фреймы.

1. Фрейм «Война»

Фрейм представлен единичной метафорической реакцией *война*, посредством которой понятие «мигрант» оценивается отрицательно. Скорее всего, подобная реакция появилась под воздействие СМИ, поскольку именно там ее использование в различных вариантах (ср.: *борьба, битва* и пр.) является весьма частотным.

2. Фрейм «Виды вооружения»

Фрейм также представлен единичной метафорой, широко распространенной в российских СМИ и используемой, в частности, в дискурсе о миграции: *бомба, которая в один прекрасный момент взорвется*. Посредством нее ситуация вокруг миграции репрезентируется как «взрывоопасная», а сами мигранты оцениваются крайне отрицательно.

3. Фрейм «Отношение к Родине»

Метафоры фрейма, неактуальные для дискурса СМИ о миграции, отражают представление некоторых участников САЭ о том, что мигранты – предатели Родины, которые бросили ее в трудный момент, это проявляется в таких метафорических рекациях на слово-стимул «мигрант», как *перебежчик* (2 МЕ) и *предатель Родины* (2 МЕ).

4. Фрейм «Специализация воинов»

Фрейм состоит из популярной в миграционном дискурсе СМИ метафоры *оккупанты* (2 МЕ) (ср.: «оккупант – участник оккупации, захватчик» [Ожегов 1999: 449]) и прецедентного феномена *татаро-монгольское иго* (2 МЕ). Посредством последнего актуализируется историческая память некоторых участников психолингвистического эксперимента: в начале 14 столетия Русь находилась под гнетом татаро-монголов.

Таким образом, посредством метафор со сферой-источником «Война», зачастую под воздействием текстов СМИ, понятие «мигрант» имеет один полюс оценки – отрицательный.

Криминальная метафорическая модель. Анализ метафорических реакций, полученных в ходе психолингвистического эксперимента, показал, что в рамках САЭ криминальная модель является низкочастотной (9 МЕ/ 3%) и непродуктивной (фреймо-слотовая структура не развита). Метафорами с источниковой сферой «Криминал» российские респонденты характеризуют мигранта как *человека, сбежавшего из тюрьмы* (2 МЕ), *архаровца, шестерку*. Посредством данных наименований выражается пренебрежительное отношение к мигрантам: с одной стороны, мигранты определяются как инициаторы незаконных действий, ср.: *архаровец* – «(прост.) буян, головорез» [Ожегов 1999: 29]; с другой – как бесправные исполнители чьей-то воли, ср.: *шестерка* – «(прост., пренебр.) мелкий и бессловесный исполнитель, вообще человек на побегушках» [Ожегов 1999: 895].

Кроме этого, у некоторых участников САЭ мигрант ассоциируется с *терактом, терроризмом, торговлей наркотиками и этническими преступными группировками*. Появление таких реакций, на наш взгляд, является отражением влияния СМИ: именно средства массовой информации преувеличивают количество так называемой этнической преступности, тогда как правонарушения со стороны мигрантов не превышают 3% (по сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России, на территории страны в прошлом году иностранцы совершили 57 955 преступлений, что на 7,6 процента больше,

чем в 2008 году. Полиция раскрыла 572 убийства, 821 случай умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 411 изнасилований, 1258 разбойных нападений, 2745 грабежей, 10 000 краж, 1506 мошенничеств, 6091 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков. Вообще удельный вес преступлений граждан зарубежных государств в общей структуре преступности – 3,5 процента [www.voanews.com]). Российские СМИ же зачастую делают акцент на национальности правонарушителей, чем вызывают у россиян негодование и негативное отношение к иностранцам.

В целом, все метафорические реакции в рамках криминальной модели имеют отрицательный полюс оценки миграции, поскольку «криминальная» метафорика изначально обладает негативным потенциалом.

Фитоморфная метафорическая модель. Фитоморфная метафорическая модель в данных САЭ рассматривается нами как низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%) и непродуктивная (фрейм-слотовая структура не развита), поскольку представлена пятью однообразными метафорическими реакциями (*перекати-поле* (5)) и единичной ассоциацией, возникшей как попытка респондента создать красивый образ, ср.: *зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью*. Метафорическое словоупотребление *перекати-поле* является стертой метафорой, посредством нее актуализируется переносное значение слова *перекати-поле* – «(перен.) о человеке, не имеющем домашнего очага, постоянно меняющем свое место жительства» [Ожегов 1999: 504]. Обе метафорические реакции оцениваются нами как нейтральные характеристики понятия «мигрант».

Морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели и метафоры неживой природы. В данных САЭ морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели, а также метафоры неживой природы представлены единичными реакциями, что позволяет нам рассматривать их в данном случае как низкочастотные (1 МЕ/ 0,3%) и непродуктивные (фрейм-слотовая структура не развита).

Метафорические ассоциации со сферами-источниками «Болезнь» и «Вода» являются, на наш взгляд, следствием влияния СМИ на сознание россиян, так как они представляют собой дословное воспроизведение популярных в текстах СМИ при характеристике миграции метафор *эпидемия* и *волна, накрывшая страну*. Они обладают отрицательными коннотациями, так как посредством них явление миграции позиционируется как все

заражающая болезнь и разрушительная стихия.

Театральная метафора *гастролер* также содержит в себе отрицательную оценку, поскольку через ее использование актуализируется представление о мигранте как о «(перен.) недобросовестном работнике, постоянно меняющем место работы» [Ожегов 1999: 126].

Единичная нейтральная метафора со сферой-источником «Неживая природа» *камень, упавший со скалы* отражает попытку создания участника эксперимента необычного образа.

Более половины (174/301 (57,9%)) метафорических реакций, полученных в САЭ, являются нейтральными, а часть из них – с положительным полюсом оценки понятия «мигрант» (7/301 (2,3%)), лишь треть ассоциаций имеют отрицательные коннотации (120/301 (39,8%)).

Респонденты, принявшие участие в САЭ, – это молодое поколение россиян, получающее высшее образование; а значит, люди, предположительно обладающие высокой степенью общекультурной и речевой компетентности в связи с имеющимся статусом студента высшего учебного заведения; способностью фильтровать информацию, поступающую из внешнего мира. Осмелимся предположить, что именно реакции респондентов, участвовавших в САЭ, отражают реальное отношение россиян к мигрантам, которое условно было обозначено нами как нейтральное/равнодушное/терпимое. Не случайно в Предисловии к Русскому ассоциативному словарю его авторы акцентируют внимание на том, что «Испытуемыми в ассоциативном эксперименте были студенты первых трех курсов различных вузов (от 17 до 25 лет), для которых русский язык является родным. В основе такого выбора лежали два соображения. Во-первых, о влиянии на языковое сознание будущей специальности, а во-вторых, о прогнозировании развития сознания тех русских, которые в ближайшие десятилетия будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества» [РАС 2002: 5]. Таким образом, на основе наличия положительных коннотативных смыслов и преобладания нейтральных характеристик в метафорическом представлении понятия «мигрант» правомерно говорить о нейтральном/равнодушном/терпимом отношении российских респондентов к миграции. Это проявление еще не толерантности в буквальном смысле, но уже попытки осознания и понимания носителей других культур, языков, вероисповеданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.

2. Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

3. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.

4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.

5. Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология. 2007. № 24. С. 149–168.

6. Прудникова Т.А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции: Автореф. дис. канд. юр. наук. – М., 2007.

7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. 990 с.

9. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. 238 с.

СЛОВАРИ

1. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ). Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. 192с.

2. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2 т.– М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.

3. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. URL: <http://www.zooflora.ru>

2. URL: <http://www.levada.ru>

3. URL: <http://www.voanews.ru>

ERIC DESCHAMPS

Ekatérinbourg, Russia

LES ORIGINES DES CLICHES SUR LA RUSSIE EN FRANCE

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ ВО ФРАНЦИИ

Аннотация. *Рассматривается аннотация представлений о России во Франции, преимущественно на материале классической литературы. В качестве константы указываются суровые климатические условия (холодная зима).*

Ключевые слова: *образ России; приключенческая литература; стереотип; Сибирь; русская зима; Жюль Верн; романтизм; классицизм.*

ERIC DESCHAMPS

Ekatérinbourg, Russia

LES ORIGINES DES CLICHES SUR LA RUSSIE EN FRANCE

THE ORIGIN OF STEREOTYPES ABOUT RUSSIA IN FRANCE

Abstract: *Image of Russia that exists in France is studied on the basis of classical literature. Severe climate (cold winter) is regarded as a constant.*

Key words: *image of Russia; adventure literature; stereotype, Siberia; Russian winter, Jules Verne; romanticism; classicism.*

Bien que des nouveaux moyens de communications existent et qu'il soit désormais plus facile de voyager, la Russie d'hier comme celle d'aujourd'hui est encore vue depuis la France par les yeux de nos auteurs qui continuent de contaminer leurs lecteurs. Les clichés qu'ils ont véhiculés au cours du XIXe siècle, témoins d'une autre époque, sont encore tenaces.

Les principaux clichés hérités d'un livre d'aventure

Tout le monde sait que les échanges culturelles entre la France et la Russie ne sont pas nés d'hier, et cette année croisée France-Russie est bien sûr là pour nous le rappeler.

En son temps, la fascination exercée par la France, alors au sommet de sa domination culturelle sur l'Europe, avait motivé Pierre Ier à réaliser un voyage de plusieurs mois en Europe avec une longue ambassade en France en 1717. C'est d'ailleurs à cette occasion, alors qu'il séjournait au Château de Versailles qu'il

peaufina son idée de construire ses magnifiques palets de Peterhof près de Saint-Pétersbourg.

Il est donc tout naturel que l'image que les Français ont de la patrie de Tolstoï et Tchaïkovski soit une image déjà surannée vieille de 2 ou 3 siècles.

Si l'on cherche dans la littérature en langue française, les grands écrivains qui ont consacré un ouvrage ou quelques lignes à la Sainte Russie, on se rend vite compte, que face à la pléthore d'auteurs russes qui faisaient même l'effort d'écrire dans la langue alors aristocratique de Molière, les romanciers français de leur côté rivalisaient également pour parler de la Russie à la fin du XIXe siècle. Une étude récente montre, qu'à cette époque, la France est d'ailleurs loin devant toutes les autres nations et arrive en tête pour les nombres d'écrits publiés sur la Russie durant les 40 dernières années du siècle : 250 titres contre 90 pour l'Angleterre seconde de ce classement.

Ainsi durant l'âge d'or du roman dont l'apogée en Russie comme en France se situe au XIXe siècle quelques écrivains français majeurs vont marquer à jamais les esprits de leurs compatriotes en forgeant une image à la fois aventureuse et mystérieuse de la Russie dont les clichés élaborés pourtant il y a près de 200 ans, survivent encore aujourd'hui.

Si la Révolution de 1789 a permis de pauser les bases de l'Ecole actuelle, il ne faut pas oublier qu'à la fin du XVIIIe siècle seulement 15% de la population de l'hexagone parlait français et très peu savait alors lire et écrire. La révolution scolaire qui se paracheva par les lois Ferry (qui vit l'Ecole devenir gratuite et obligatoire en 1881), se fit réellement au cours de la seconde moitié du XIXe siècle en parallèle avec la révolution industrielle. C'est à cette période qu'un nouveau type de lecteurs apparaît, plus populaire et avide de récits dépayésants lui permettant de s'échapper pour un temps de sa condition précaire.

Les romans d'aventures et les romans-feuilletons publiés dans les journaux populaires à 5 ou 10 centimes à l'époque inondent littéralement la France. Et c'est l'un d'eux qui va définitivement faire connaître la Russie à ces lecteurs : « Michel Strogoff » d'un des maîtres incontestable du roman d'aventure, Jules Verne.

Paru en 1876 et écrit spécialement pour la visite du Tsar Alexandre II à Paris, ce livre fut même en un temps où la censure était encore active (il faudra attendre 1881 pour que les lois sur la liberté de la presse soient votés en France), approuvé par les autorités russes avant sa parution.

Ce roman décrit le périple dans les années 1860 de Michel

Strogoff, courrier du tsar, de Moscou à Irkoutsk, capitale de la Sibérie orientale. Sa mission est de prévenir le frère du tsar, sans nouvelles de Moscou, de l'arrivée imminente des hordes tartares qui menacent d'envahir la Sibérie.

Si on suit l'itinéraire de Michel Strogoff, on se rend compte qu'il passe par... Ekaterinbourg après avoir quitté Perm et avant de rejoindre le ville de Omsk et ce avant la construction du trans-sibérien.

Jules Verne écrit :

« Ni Michel Strogoff ni les deux correspondants ne pouvaient être embarrassés de trouver des moyens de locomotion dans une ville aussi considérable, fondée depuis 1723. À Ekaterinbourg, s'élève le premier Hôtel des monnaies de tout l'empire ; là est concentrée la direction générale des mines. Cette ville est donc un centre industriel important, dans un pays où abondent les usines métallurgiques et autres exploitations où se lavent le platine et l'or. »

Jules Verne, ne s'étant jamais rendu en Russie fait quelques erreurs géographique mais son récit a définitivement encré l'idée encore tenace que la Russie est un Pays immense peuplé de loups, d'ours donc dangereux recouvert de forêts inextricables donc non propice au voyage et donc au tourisme.

Un épisode célèbre du roman est le combat de Michel Strogoff, muni d'un simple couteau de chasse, face à un ours uralien de grande taille qui s'apprêtait à attaquer son amie Nadia qui s'était réfugiée dans sa tanière. Cet événement se situe, évidemment, dans l'escalade du mont Oural juste avant de rejoindre Ekaterinbourg.

Jules Verne écrit :

« C'était un ours de grande taille. La tempête l'avait chassé des bois qui hérissaient le talus de l'Oural, et il était venu chercher refuge dans cette excavation, sa retraite habituelle, sans doute, que Nadia occupait alors ».

Tentative d'interprétation de l'évolution de la perception de la Russie

On peut diviser la perception de nos auteurs et donc l'interprétation faite par les lecteurs sur la Russie en 4 périodes.

1700 – 1820 : Siècle des Lumières et Prémantisme

Au début du XVIIIe siècle, la Russie est un pays encore peu connu dont la puissance est grandissante et dont les distances très grandes n'inquiètent encore personne en France. Cette vision change progressivement au cours du temps principalement suite à la Retraite de Russie de Napoléon et l'invasion de la France par les

troupes russes en 1813. Mais alors, seuls les philosophes s'inquiètent à la condition humaine dans ce pays aux confins du monde qui a vu la Grande Armée anéantie par un ennemie sournois : l'hiver.

Voltaire, Madame de Staël, Joseph de Maistre, Sophie Cottin, Madame Woillez..

En cette période de réflexion sur la vie, sur l'homme et sur sa place dans le monde se succède des voyages scientifiques et d'explorations. Et c'est à cette époque de grandes découvertes que la Russie s'ouvre enfin au monde. Les récits scientifiques mailés d'aventures, publiés dans toutes les sociétés « savantes » font également la joie des lecteurs.

Des expéditions terrestres et maritimes sont diligentées par les différents tsars.

L'astronome Français Louis Delisle de Croyère accompagne en 1733 les Allemands Jean Georges Gmelin, docteur et naturaliste et l'historien Gérard Frédéric Müller. Cette expédition marque le début de la réelle découverte de la Sibérie.

L'astronome et cartographe Français Joseph Nicolas Delisle participe en 1740 à la première expédition au Kamtchatka.

Le Français Louis Delisle de Croyère accompagne le Russe Alexeï Tchirikov en 1741 lors de la découverte des côtes de l'Alaska. Il mourra de scorbut au cours de cette expédition.

Les deux dernières grandes expéditions de la fin du XVIIIe siècle sont menées par le botaniste allemand Peter Simon Pallas en 1769-1774 et 1793-1794.

Les grandes nations de l'époque veulent également s'informer sur ce grand pays et le Roi de France Louis XV envoie en 1760 l'Abbé Jean Chappe d'Auteroche, astronome pour observer le passage de Vénus sous le disque solaire à Tobolsk.

Durant cette période de préromantisme apparaissent les premiers romans d'aventure liés à la Russie et la Sibérie dont le plus célèbre est le fuit de la romancière Sophie Cottin dont l'histoire parue en 1806 inspirera près de vingt ans plus tard Xavier de Maistre.

1820-1905 : Romantisme et Classicisme (ou première période du Néoclassicisme)

Les auteurs font de la Russie un pays lointain, mystérieux où il ne fait pas bon se promener dans les forêts peuplées d'animaux dangereux. L'hiver est décrit comme une allégorie guerrière prête à défendre sa patrie contre tout intrus indésirable.

Xavier de Maistre, Victor Hugo, Alexandre Dumas, Théophile Gautier, Pierre Alexis Ponson du Terrail, Jules Vernes.

La Sibérie est un terme également récurant de divers écrits à laquelle, les auteurs finissent par associer définitivement la Russie. Ainsi, comme beaucoup de Russes pensent que la France c'est Paris ou la Côte d'Azur. La Russie apparaît pour les français non pas comme Moscou ou Saint-Pétersbourg mais comme synonyme de Sibérie.

De nombreux écrits parlent d'exils en Sibérie que l'on peut comparé en France au Bagne de Guyane dont l'histoire débute, elle, en 1795 avec les premiers déportés révolutionnaires et s'achève en 1946.

On trouve d'ailleurs de nombreux points communs entre ces deux exils où l'on peut parler de triples peines : exile lointain, travaux forcés (exemple : travail aux forges en Sibérie), climat rigoureux (froid et sec pour la Sibérie et chaud et humide pour la Guyane).

Ils existes quelques œuvres à part, difficilement classable, entre le récit d'aventure et la biographie qui ont apporté des détails précieux sur la Russie.

Une de ces œuvre est le récit de Joseph Alexandre Lardier qui dans ses mémoires nous retrace sa vie de prisonnier des guerres napoléoniennes exilé en Sibérie.

1905 – 1990 : Soviétisme-Communisme

Au début du XXe siècle, le régime despotique du tsar est combattu par les intellectuelles français qui se rendent en Russie. Initialement contre la première révolution de 1905, ils se rangent progressivement derrières les ouvriers en observant leurs conditions de vie.

Après la révolution d'octobre 1917, la Russie deviens un pays à la mode prisée par tous les communistes, trotskistes et autres anarchiques de toute la Terre. Les Français ne faillissent pas a ce constat et nombreux seront les écrivains et journalistes qui feront leur voyage d'étude en union soviétique ou à Cuba.

Néanmoins, il existe un paradoxe en France car rappelons que le gouvernement français est le seul gouvernement au monde a avoir reconnu le gouvernement du général Wrangel alors que les intellectuelles faisaient cause commune avec les bolchevique. Ils enverront même en Mer Noire un bateau, le Waldeck-Rousseau, pour aider l'évacuation des russes blancs.

Le Partie Communiste français est a son apogée juste après la seconde guerre mondiale avec près de 25% des sondages aux élection.

Pendant la période soviétique, la Russie, plutôt l'URSS, est vue, avec un point d'orgue pendant les 1950 – 1970, comme un pays fermé et refermé sur lui-même où les plans quinquennaux

succèdent aux plans quinquennaux et où la liberté d'expression n'existe pas.

Durant cette période de nombreux intellectuels russes viendront trouver asile en France comme le firent les russes blancs dans les années 1920.

La Russie bien qu'isolée n'est pas entièrement oubliée des français, elle revient même en force dans la mémoire des téléspectateurs dans une série historique très populaire « Les Brigades du Tigre » diffusée pour la première fois en 1974. Le dernier épisode est vu pour la première fois en 1983 mais la série sera rediffusée à de multiples reprises les années suivantes.

Trois épisodes sont entièrement consacrés à la Russie :

« La Couronne du Tsar »

« La Grande Duchesse Tatiana »

« La Fille de l'air »

Dans cette série policière qui met en scène l'élite de la police mobile française au début du XXe siècle c'est encore la Russie tsariste d'avant la révolution qui y est glorifiée.

Cette série a été portée à l'écran en 2006 et le thème de la Russie y a été également choisi mais cette fois-ci c'est la Russie anarchiste qui est mise en avant.

Depuis 1990 : Néoromantisme et Néoclassicisme

Comme l'histoire est un éternelle recommencement, il ne faut pas s'étonner de voir revenir un souvenir d'une période faste à un moment où l'on cherche à gommer les traces du communisme.

Ainsi depuis la chute du soviétisme, le désintérêt de la Russie, héritée de la Guerre Froide s'estompe progressivement.

En France les stéréotypes enfouis durant presque tout le XXe siècle resurgissent comme par magie, inchangés comme du temps de l'alliance franco-russe de 1893, apogée de la période de russo-pholie en France.

La Russie des tsars, loin d'être oubliée, réapparaît dans la mémoire collective grâce aux écrits de nos auteurs.

Mais le temps est encore long avant de retrouver cette connivence entre deux peuples que Pierre le Grand avait contribué à rapprocher.

La Russie n'est plus le Pays des tsars où il fallait presque une vie pour traverser le pays.

Avec les moyens de transports modernes, les distances se sont rétrécies. Internet permet de voyager sans bouger de chez soi.

S'il existe encore des ours en Russie, il faut plutôt se diriger

vers la presque île du Kamtchatka, pour avoir la chance d'en voir réellement plutôt qu'en se promenant dans l'Oural. Non qu'ils aient disparus mais que contrairement à ce qu'on pense ils ne sont pas à l'affût du voyageur égaré prêt à défendre sa forêt ou sa tanière.

Pour les plus nostalgiques le transsibérien permet de découvrir, à vitesse réduite, les grandes étendues de ce pays qui continue à fasciner les « explorateurs avides d'exotismes ».

Une chose néanmoins n'a pas changé, quoiqu'en dise les pessimistes du réchauffement climatique ; c'est l'hiver russe. Preuve en est, en France dès que les températures sont négatives plus d'une semaine, on parle très rapidement d'hiver sibérien comme pour se souvenir de ces malheureux exilés d'un autre temps confrontés aux rigueurs de ce climat à nul autre pareil.

Bibliographie d'auteurs classiques de langue française ayant écrits sur la Russie

Écrits publiés entre 1731 et 1928

Voltaire (1694-1778). Voltaire n'a jamais pu voyager en Russie mais son impressionnante correspondance avec Catherine II, lettres écrites entre 1763-1778 montre son attachement autant à la Tsarine qu'à son pays. 30 ans avant Catherine II en 1731, en bon courtisan, il avait déjà fait les éloges de Pierre Ier en écrivant « qu'il était beaucoup plus grand homme que le roi de Suède ».

« Histoire de la Russie » (1759)

Joseph de Maistre (1753-1821). Homme politique, philosophe, magistrat, historien et écrivain savoisien, sujet du Royaume de Sardaigne.

Il fut durant 3 ans l'ambassadeur des États de Savoie en Russie à Saint-Petersbourg. Il parle principalement de la Russie dans 2 écrits qui furent publiés à titre posthume : « Les Soirées de Saint-Petersbourg ou Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence » (1821) et « Lettres à un gentilhomme russe sur l'inquisition espagnole » (1822).

Xavier de Maistre (1763-1852). Comme son frère Joseph, Xavier de Maistre est écrivain savoisien de langue française mais également général de l'armée impériale russe (nommé en 1813). Il se battit contre les troupes napoléoniennes et il faisait parti de l'État Major Russe lors de la Campagne de Russie. Il se rend pour la première fois en Russie voir son frère en 1803 et cette rencontre va changer sa vie. En effet, Il s'y maria et y finira sa vie. Ces deux écrits majeurs sur la Russie sont : « La Jeune Sibérienne » (1825) et « Les Prisonniers du Caucase » (1825).

Remarque : La Savoie, aujourd'hui département français, à l'époque des frères de Maistre était un Duché rattaché au Roy-

aume de Sardaigne. Une première fois annexée sous la Révolution Française en 1792 puis de nouveau indépendante lors de la Restauration en 1815, elle ne sera définitivement rattachée à la France en 1860 après référendum.

Mme de Staël (1766-1817). Fervente opposante à Napoléon auquel elle a consacré un livre pamphlétaire, elle est contrainte, pour échapper à l'emprisonnement, de se réfugier en Angleterre, elle se réfugie auparavant chez un autre ennemi de l'Empereur, la Russie. Durant son exil elle prend des notes pour son « De la Russie et des royaumes du Nord » qui ne paraîtra qu'à titre posthume en 1821 dans la deuxième partie du livre « Dix années d'Exil ». On y apprend beaucoup sur le caractère du peuple russe, sur le régime politique de ce temps et sur la vie et les mœurs des différentes classes de la société.

Sophie Cottin (1770-1807). Marquée par la révolution qui lui a pris son mari, Sophie va s'enfermer dans l'écriture. « Elisabeth ou les exilés de Sibérie » (1806) est le dernier livre de Sophie Cottin. L'auteur dans sa préface nous apprend que le personnage principal de son roman, qui cherche à sauver son père de l'exil, est une histoire vraie.

Catherine-Thérèse Woillez née Rieder (1781-1859). Catherine Woillez est l'auteur d'un grand nombre de romans et participe à l'essor de la littérature enfantine au cours du dix-neuvième siècle.

« L'Orpheline de Moscou, ou la Jeune institutrice » (1841) est l'ouvrage culte de Madame Woillez qui fait l'objet de 58 éditions.

Robert Guillemard (1785-?). « Mémoire de Robert Guillemard, Sergent en retraite (1805-1823) » (1826) écrit sous le pseudo de Robert Guillemard par Joseph Alexandre Lardier (1786-) aidée par Charles Ogé Barbaroux (1792-1867).

Il n'existe pas beaucoup d'information biographique sur Robert Guillemard. Jeune recrue de la classe 1805, enrôlé dans les armées de Napoléon (ce qui lui donne une année de naissance comprise entre 1784 et 1786). Dans son livre, il raconte que son père, Pierre Guillemard, était maire de Six Fours, une petite ville méridionale à côté de Toulon, avant pendant et après la Révolution. Des détails prouvent que ces mémoires sont une fiction et que Robert Guillemard, dont certains de ses contemporains cherchent à rencontrer dès 1826 juste après la sortie du livre, n'est que le fruit de l'imagination fertile d'un écrivain. Lors de la seconde édition de 1827, devant le succès de son « Mémoire » déjà traduit en anglais et en allemand, l'auteur avoue que son livre est un roman historique et non les vraies mémoires du sergent Guillemard qui n'a ja-

mais existé. Il nous apprend qu'une partie des événements relatés, il les a lui-même vécus et pour les autres se sont des faits qu'il souhaitait qu'ils ne soient pas oubliés. Il a d'ailleurs été nommé lui même sergent en 1809 dans la marine impériale. En regardant l'année de naissance de son héros on se rend également compte qu'elle coïncide également à la sienne.

Dans un de ces chapitres, il raconte comment Robert Guille-mard a été fait prisonnier à la bataille de la Moscowa le 7 septembre 1812, puis exilé en Sibérie avec d'autres prisonniers français pour travailler dans une forge de Nijni-Taguil « zavode ».

Alexandre Dumas (1802-1870). En 1858 et 1859, durant un périple de 10 mois Alexandre Dumas va promener sa plume au rythme de ses pérégrinations de Saint-Pétersbourg à Astrakhan, en passant par Moscou, Nijni-Novgorod et Kazan, il fait plonger ses lecteurs au coeur de la Russie profonde : il les initie à l'oeuvre de Pouchkine et aux sagas finlandaises, il les emmène sur le champ de bataille de la Moskova ou à la foire de Nijni-Novgorod, chez les Arméniens, les Kalmouks et les Cosaques, il leur raconte avec un brio étincelant les principaux événements qui ont jalonné l'histoire de l'Empire des tsars, il leur présente les grands personnages qui en furent les acteurs, d'Ivan le Terrible à Pierre le Grand et à la Grande Catherine.

En 1859 il publiera deux récits de voyages « de Paris à Astrakan » et sa suite « le Caucase » mais également deux romans « La Boule de Neige » et « Sultanetta » rapportés eux aussi de Russie inspirés de légendes russes.

Avant de se rendre en Russie il avait déjà écrit un Roman sur ce pays qui le fascinait : « Le maître d'armes » (1840), dans lequel il retraçait le parcours d'un maître d'armes français Augustin Grisier (1791-1865), revenu d'un séjour de dix ans au pays des tsars, où il enseignait l'art de l'escrime aux jeunes aristocrates de Saint-Pétersbourg et de Moscou. Parmi ceux-ci figurait Ivan Alexélévitch Annenkov, qui fut déporté en Sibérie pour avoir participé à la conspiration de décembre 1825.

Victor Hugo (1802-1885). Il n'est pas possible de parler du XIXe siècle sans parler de Victor Hugo. Certes il n'a pas écrit particulièrement sur la Russie mais il a contribué, par le biais d'un seul poème, à assoire la légende dorée de Napoléon et à mythifier l'hiver russe.

Son « Il neigeait, on était vaincu par sa conquête... », l'Expiation, marquant la Retraite de Russie de Napoléon est publié dans le recueil de poésies « Les Châtiments » (1853). Ce seul poème a marqué et marque encore des générations d'écoliers

français. Les premiers vers donnent le thème: la terre russe est une terre hostile qui a raison de ses envahisseurs.

Théophile Gautier (1811-1872). Irascible voyageur, l'un de ces périple conduira Théophile Gautier en Russie en 1858. De ces souvenirs il consacrera plusieurs articles dédiés aux « Trésors d'art de la Russie ». Comme Alexandre Dumas la même année, il fait part au public français de ses impressions de voyages dans une série d'articles qu'il réunira ensuite dans un volume « Voyage en Russie » (1866).

Jules Verne (1828-1905). Si l'on se penche sur la bibliographie de Jules Verne outre « Michel Strogoff » (1876), on trouve au total neuf ouvrages plus ou moins connus qui traitent directement ou indirectement de la Russie : « Aventures de trois Russes et de trois Anglais dans l'Afrique australe » (1872)

« Michel Strogoff » (1876)

« Hector Servadac » (1877)

« Kériban le têtue » (1883)

« Robur le conquérant » (1886)

« Sans dessus dessous » (1889)

« César Cascabel » (1890)

« Clodus Bombarnac » (1892)

« Un Drame de Livoine » (1904)

Mais « Michel Strogoff » reste l'ouvrage qui a marqué toutes les générations de lecteurs de Jules Verne et aura contribué à encremer dans l'inconscient collectif des français les clichés sur la Russie. Une entreprise réussie de main de maître par l'un des seuls grands auteurs français qui consacre un livre dont l'action se déroule entièrement en Russie alors que lui même n'a jamais posé un pied dans ce grand pays.

Pierre Alexis Ponson du Terrail (1829-1871). Il fut le fournisseur de romans-feuilletons pour toute la presse parisienne pendant plus de vingt ans. C'est en 1857 qu'il entame la rédaction du premier roman du cycle Rocambole, héro récurant de son œuvre, qui contribuera à asseoir sa notoriété. La Russie apparaît dès le premier roman de cette saga, l'action du prologue débute en 1812, au cours de la retraite de Russie.

Au moins trois de ces romans consacrés à Rocambole parlent de la Russie :

« L'Héritage Mystérieux » (1857)

« Le Club des Valets de Cœur » (1858)

« La Résurrection de Rocambole » (1865)

Louis-Henri Bousсенard (1847-1911). Auteur aujourd'hui quasi oublié en France, Bousсенard connaît un grand succès en Rus-

sie, où une quarantaine de ses romans d'aventures sont traduits où il est fort justement comparé à Jules Verne. Quelques unes de ses œuvres parlent tout naturellement de la Russie :

« De Paris au Brésil par terre, à la poursuite d'un héritage » (1892)

« Les Français au Pôle Nord » (1892)

« Le Zouave de Malakoff » (1903)

On peut ajouter à cette liste quelques écrivains plus « récents », auteurs dont les œuvres, lors de leur sortie n'était pas encore ou très peu concurrencées par d'autres médiums tel la radio, le cinéma, la télévision ou internet.

Gaston Leroux (1868-1927). Il est devenu célèbre à la suite de son roman « Le Mystère de la Chambre Jaune » (1907) dans lequel apparaît pour la première fois son reporter détective fétiche « Rouletabille » qui se verra confier une mission en Russie dans son livre « Rouletabille chez le Tzar » (1912). Mais l'un de ses livres méconnus reste « L'agonie de la Russie Blanche », suites d'articles paru pour la première fois dans le journal parisien « Le Matin » et repris ensuite dans un ouvrage unique. Ces articles s'avèreront à posteriori prophétiques, sur la Russie du dernier Tsar, pays où Gaston Leroux, alors reporter, a effectué 3 voyages de 1897 à 1906.

On ne peut pas parler de Gaston Leroux, non plus, sans évoquer un autre de ses succès « Le Fantôme de l'Opéra » (1910).

Albert Londres (1884-1932). Grand reporter et écrivain il réussit à pénétrer en Russie en 1920 et il publiera « Dans la Russie des Soviets ». Il est considéré comme l'archétype du grand reporter, dont un prix porte son nom.

Blaise Cendrars (1887 -1961). Ecrivain d'origine suisse naturalisé français, il passa 3 ans de sa vie en Russie de 1904 à 1907 où il écrivit une œuvre de jeunesse qu'on a cru longtemps perdue : « La Légende de Novgorod, de l'Or gris et du Silence » (1907). Poète aguerri il écrivit par la suite sa très belle ode au transsibérien : « La Prose du transsibérien et de la petite Jehanne de France » (1913) extraits :

« ...Et nous allions, grâce au Transsibérien, le cacher de l'autre côté du monde. Je devais le défendre contre les voleurs de l'Oural qui avaient attaqué les saltimbanques de Jules Verne... »

Joseph Kessel (1898-1979). Ecrivain-reporter russe né en Lituanie naturalisé français, il écrivit notamment sur la Russie. Durant la première guerre mondiale, engagé volontaire, il effectua une mission en Sibérie. Il publia en 1922, un premier recueil, une série de nouvelles sur la Révolution Bolchévique « La Steppe

rouge ». La thématique de la diaspora russe revient régulièrement dans son œuvre : « Le Thé du capitaine Sogoub » (1926), « Les Nuits de Sibérie » (1928).

РЕЗЮМЕ. В статье Эрика Дешама анализируется эволюция образа России во французском читательском сознании. Этот образ возник еще в начале 19 века в приключенческой литературе и за время своего существования претерпел значительные изменения. Обращение к этому вопросу тем более актуально, что 2010 год – <Год Франции в России и России во Франции>. Анализируя произведения Вольтера, Жозефа и Ксавье де Местра, Жюль Верна, Александра Дюма, Теофиля Готье, Виктора Гюго и многих других французских писателей, автор выделяет четыре этапа развития стереотипов, связанных с образом России. Его эволюция начинается с довольно сурового образа таинственной страны, далекой и опасной, покрытой непроходимыми лесами, где повсюду разгуливают волки и медведи. Здесь есть место отважным героям, способным простым охотничьим ножом уложить огромного медведя, спасая подругу от неминуемой гибели. Следующий этап связан с формированием образа страны, где царит анархизм. Русская зима по-прежнему возникает в ряду образов, используемых французскими писателями, но рисуется теперь как аллегория войны, проигранной Наполеоном. Автор исследует также причины прочной ассоциации России с Сибирью, ставшей практически полным ее синонимом. Наконец, на последнем этапе образ России существенно меняется. И хотя это все еще далекая и не совсем понятная страна, но более открытая и готовая к контактам после многих лет изоляции и замкнутости на самой себе. Что не меняется, так это образ русской зимы, раз и навсегда закрепившийся во французском языковом сознании. Как только во Франции температура падает ниже нуля и держится на этом уровне около недели, французы тут же начинают говорить о ни с чем не сравнимых сибирских холодах. В конце статьи приводится библиография классических французских авторов, писавших о России.

М. ЗЕНТКОВСКА

Катовица, Польша

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С НАЗВАНИЯМИ КОНЕЧНОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ
(лапа, крыло, копыто, хвост)
В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Сопоставляются фразеологизмы, содержащие названия частей тела животных (млекопитающих и птиц), в трех славянских языках: польском, русском и украинском. В ходе анализа выявляются общие для всех языков направления метафоризации, восходящие к праславянским культурным стереотипам и магическим формулам, а также национально-специфичные направления семантизации окружающей действительности.

Ключевые слова: фразеологизм; русский язык; польский язык; украинский язык; славянская ментальность; соматизм; семантика.

MONIKA ZENTKOVSKA

Katowice, Poland

**COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
CONTAINING NAMES OF ANIMALS' LIMBS (PAW, PAD,
WING, HOOF, TAIL) IN RUSSIAN, POLISH AND UKRAINIAN**

Abstract: Compared are phraseological units containing names of body parts of animals (mammals and birds) in three Slavic languages: Polish, Russian and Ukrainian. In the course of analysis common features of metaphorization are singled out, they originate from pra-slavic cultural stereotypes and magic formula. Specific national trends in semantization of the surrounding world are described as well.

Key words: phraseological unit; the Russian language; the Polish language; Slavic mentality; somatism; semantics.

В статье мы будем рассматривать фразеологизмы, которые включают в свой состав названия *конечностей*, характерных для животных. Эти компоненты являются названиями *частей тела* млекопитающих, птиц, рыб, пресмыкающихся, насекомых

и др. Все единицы, которые являются какими-либо частями телосложения животных, входят в состав фразеологизмов, которые в речи приложимы к человеку. Они имеют различную семантику и могут определять человеческие отношения, эмоции, чувства, состояния, внешний вид, характерные черты и другое. Напомним о том, что понятие «животные» мы употребляем в работе в широком смысле – как «представители животного мира».

Во-первых, мы будем анализировать фразеологизмы, которые включают в себя лексику *лапа*. Понятие *лапа* уже по одному своему звучанию вызывает отрицательные эмоции, в контексте славянской ментальности слово это грубое. Его употребляют, чтобы подчеркнуть, например, некрасивость чего-то, неуклюжесть, неловкость, и, как результат, фразеологизмы с этой лексемой обладают явно отрицательным значением.

Первую группу с лексемой *лапа* можно назвать «отношение к другим». Среди единиц данной группы, прежде всего, следует выделить такие фразеологизмы, которые означают взяточничество: *dać komuś w łapę*, *дать в лапу*, *dostać w łapę*, *dostać co do łapy*, *posmarować łapę* (украинского соответствия мы не нашли). Все эти фразеологизмы указывают, с одной стороны, на человека, который кому-то что-то дает в виде взятки, например, деньги или подарки, с другой же – что есть люди, которые принимают взятки без угрызения совести.

В анализируемых нами языках существуют фразеологические единицы с тем же компонентом, семантика которых указывает на полное подчинение кому-либо, а также на зависимость от другого лица, управление кем-то, например, *(быть / оказаться) в лапах / под лапой*, *накладывать лапу*, *попасться в лапы*, *trzymać kogo w łapie*, *попадатися / попастися / ловитися / зловитися / пійматися у лапи*, *прибирати / прибрати до (своїх) лап*, *накладати / накладати лапу*. Польский фразеологизм *położyć łapę na kim*, означает принуждать кого-то к чему-либо, например, к выполнению несвоей работы. Выделим также фразеологизм *położyć łapę na szum*, в значении «кто-то чем-то завладевает».

Среди данных ФЕ есть и такие, которые указывают на то, что человек не только зависит от другого лица, но и не в состоянии спастись от него, тот все время его держит в своих руках, ограничивает его свободу. Это выражает, например, польский фразеологизм *wpaść / leżć itp. w czyje łapy*. Часть фразеологизмов подчеркивает то, что человек находится под чьей-то властью и в этом участвуют другие лица. Семантике таких фразеологических единиц соответствуют *wydostać kogo z czyich łap*, *вырваться из лап*, *вирватися / вирватися з лап*. В этом фразеоло-

логизме подчеркивается значение других, представляет, что человек не в состоянии спастись от кого-то без помощи других, они играют большую роль.

В эту же группу можно включить те фразеологизмы с лексемой *лапа*, которые означают «прислуживаться кому-то, просить о чем-то, угодничать». Такой семантикой обладают следующие фразеологизмы: *становиться / стоять на задних, ходить на задних лапках, być służycь na łapkach przed kim, lizać komu łapy* (украинского соответствия мы не нашли). Такие фразеологизмы относятся к описанию жестов, в первую очередь, действий животных, в данном случае - зайцев. У них лапы выдвинуты вперед, что ассоциируется с жестом просьбы о чем-то.

Надо обратить внимание и на то, что фразеологизмы с лексемой *лапа* применимы к описанию человека, а соотносимы при этом с «жестикуляцией» и поведением животных, что подтверждают приведенные выше примеры ФЕ. Можно вспомнить также фразеологизмы *spadać / spaść na cztery łapy, падать / упасть на четыре лапы*, использующие в этом случае прототипное поведение кошки – это с ней ничего не происходит, когда она падает с высоты на четыре лапы. Во фразеологии это применимо к человеку, которому удается выйти из опасных, сложных ситуаций без неприятных последствий.

Существуют также фразеологизмы *lizać / ssać łapę, лизать лапы, сосать лапу*, которые определяет крайнюю нищету, голод, безвыходную материальную ситуацию. Здесь тоже используются обычаи животных – кошки, медведя и других.

В следующую группу мы объединим фразеологизмы с компонентом *лапа*, семантически связанные с представлениями о внешнем виде человека. Фразеологизмы *гусиные лапки, курячі лапы*, которым адекватен польский *kurze łapki*, дает представление о том, что у человека вокруг глаз, в уголках, появились разбегающиеся морщинки. Кроме того, они подчеркивают возраст человека, уже старого, много пережившего на своем веку.

В эту же группу отнесем фразеологизмы *как курица лапой, pisać jak kura pazurem, як / мов / немов курка лапою*, которые означают, что человек пишет невыразительно, криво и косо, отчего трудно прочитать то, что он написал. Считается, что почерк человека определяет его характер, в данном случае человек нервничает.

В польском языке встречается фразеологизм *łapy jak u niedźwiedzia*, который указывает на то, что у кого-то большие, сильные руки. В этом фразеологизме следует обратить особое внимание на то, что фразеология использует не только назва-

ния частей тела животных, но и названия самих животных, чтобы подчеркнуть, например, необычность сложения человеческого тела, подчеркнуть черты сходства человека с животным.

Во фразеологии, как показывает наше исследование, используются и названия *конечностей птиц*, т.е. *крыло*, мн. *крыльях*, и *перо*, мн. *перья*, как часть и элементы птичьего крыла.

Фразеологические единицы с лексемой *крылья* имеют значение нежной опеки, заботливости о ком-либо, что связано с действиями, выполняемыми матерью-птицей в отношении своих птенцов. Мать охраняет птенцов от опасности, заслоняя своими крыльями, поэтому нередко данное значение проявляется в таких фразеологизмах, как *rozpostrzeć / rozpościerać / roztaczać, roztoczyć (opiekuńcze) skrzydła nad kim, простереть \ простирать крылья, укрыть крылами / крыльями / под своим крылом, під крилом*: кто-то заботится о другом, более слабом, стремится к тому, чтобы оградить того от плохого (даже от всего мира, что невозможно в реальности). Прежде всего, родители, как известно, окружают своих детей опекой, и эта опека нередко бывает навязчивой и избыточной.

Этот же фразеологизм может означать в языке «окружить кого-то опекой в трудных ситуациях, когда человек не в состоянии справиться со своими проблемами самостоятельно», «сочувствовать кому-то и помогать». Аналогичными значениями обладают и следующие ФЕ: *opiekuńcze skrzydła, osłaniać kogo skrzydłami, chronić się / garnać się / tulić się / uciekać / udawać się pod czyje skrzydła / pod opiekuńcze skrzydła, brać / wziąć / przyjmować / tulić kogo pod skrzydła, брати під крило*. В русском языке этим фразеологизмам соответствует фразеологизм *под крылышком*, *взять под свое крылышко*, *под материнским крылом / крылышком*, *спрятать под крыло / под крылом* и *спрятаться под крыло / под крылом*. В украинских словарях аналогов нам не встретилось, что, однако, не исключает наличия подобных ФЕ и в этом языке.

Этот же ряд фразеологизмов в процессе нашего исследования подтвердил одну из значимых черт, характерных для многих ФЕ: один и тот же фразеологизм сохраняет в своем семантическом ядре как отрицательное, так и положительное значение. Но в речи проявляется каждый раз только одно из них, подходящее к речевой ситуации – узуальному использованию данной устойчивой единицы.

Так, описанной группе можно противопоставить фразеологизмы *wydostać się / wyjść / wypaść spod skrzydeł / spod czyich skrzydeł / spod opiekuńczych skrzydeł*, которые означают то, что

некто пытается избежать чьей-то опеки. Та его мучит, не дает ему свободы – на каждом шагу его проверяют, контролируют, охраняют неизвестно от чего. При этом следует вспомнить о том, что такой человек, получив наконец свободу, начнет делать все, что было запрещено, скорее окажется на дурном пути.

В русской традиции этим ФЕ по смыслу соответствуют иные выражения, также связанные с представлением о птицах: *вылететь / вырваться из родного гнезда, улететь из (родительского) гнезда, покинуть родительское гнездо, оставить родное гнездо*. Человек пробует стать самостоятельным, независимым от кого бы то ни было, пытается жить по-своему, избавиться от контроля. В польском языке существует фразеологизм *rgóbować / porgóbować skrzydeł, чути крила за плечима*, который обладает той же семантикой, но, прежде всего, в деятельности литературной. В русской традиции похожей семантикой обладает ФЕ *проба пера*. А выражения *расправить крылья, розправляти крила* означают «успешно развернуться в какой-либо области деятельности». Фразеологизм *расправлять крылья* может выступать и в значении «начинать действовать самостоятельно, энергично, решительно; смело проявлять свои способности».

Понятие *крылья* используется в контексте общеславянской ментальности как знак свободы, не ограниченной ничем, что мотивировано и обусловлено тем, что птицы, при помощи крыльев, в состоянии пересекать пространства, ничем не ограниченные, безграничные просторы, где никто никому ничего не навязывает, нет ограничений в свободе движения, мышления и действия. Это выражают, в частности, такие фразеологические единицы, как *czuć / poczuć / mieć jakby skrzydła u gatiop, выросли крила, (по)чувствовать крылья за плечами*, что подчеркивают не только человеческую свободу и желание действовать, но и выражают такие чувства, как радость, счастье, подъем творческих сил.

Другие фразеологизмы, принадлежащие к этой группе, *ktoś / coś dodaje komu skrzydeł*, русское приблизительное соответствие – у кого-то *выросли крылья*, представляют результаты положительного влияния на кого-то, поддержку в начинаниях, веру в человеческие силы. Кроме того в этом случае присутствует оттенок приглашения к реализации своих идей, планов, мечтаний. На основании источников, которыми мы пользовались, не удалось найти соответствующих фразеологизмов в украинском языке.

Внимания заслуживают также те фразеологические едини-

цы с компонентом *крылья*, которые означают, что кто-то кому-то вредит, мешает, что-либо запрещает, не дает стремиться к своим целям, реализовать своих планов, мечтаний. Причиной такого поведения может быть, в частности, зависть. В эту группу входят следующие фразеологические единицы: *podrzęzać skrzydła, przycięć komu skrzydeł, złamać / obciąć / obcinać komu skrzydła, podciąć komu skrzydła, крылья обрезаны / подрезаны, обрезать / подрезать / подсесть крылья, підкізати крила*. Особенной силой негативной семантики обладает русское *укоротить крылья*, превратившееся затем в выражение *укоротить кого*, в чем.

Выше приведены фразеологизмы, которые указывают на то, что причиной неудачи данного лица является другой человек, его злонамеренная деятельность.

Однако среди этой группы выделяем и такие фразеологизмы, которые обладают той же самой семантикой, но при этом подчеркивают, что только сам человек виноват в своих неудачах. Причиной того может быть нехватка веры в свои силы, способности: *opalić sobie skrzydła, ktoś łamie / obcina (sobie) skrzydła, обжечь, или опалить, крылья / перья, зломати крила* – однако последнее в значении злого воздействия со стороны. В эту группу можно добавить фразеологическую единицу: *opuszczyć skrzydła*, которой полностью адекватно соответствует русский фразеологизм *опускать крылья* и украинский *опускати крила*. Они представляют, что человек уничтожает свой талант, с другой стороны, представляет, что у него слабая психика, нет сил отстаивать самого себя.

Рассматривая на основе источников, которые используются в данной работе, фразеологизмы с компонентом-соматизмом *крылья* мы обратили внимание на то, что среди них можно выделить группу таких, которые означают «начинать что-то», «вызывать у кого-то жажду действовать», например, *mieć skrzydła, przypiąć komu / sobie skrzydła, przypiąć skrzydła do ramion*. Эти же фразеологизмы обладают еще другим, переносным, значением – «полет фантазии».

Выделим также другую группу фразеологизмов с компонентом *крылья*, которые имеют значение «готовиться к быстрому бегу, а также быстро бежать», например, *(jak) na skrzydłach, нестись как на крыльях, як на крилах, jakby tu kto skrzydła przypawił, как крылья выросли, jakby kogo skrzydła niosły, (jakby) komu skrzydła (z ramion, u ramion) wyrosły, лететь как на крыльях, роснуть крила, виресли крила, нпр., uderzyć w skrzydła*.

Далее мы рассмотрим в этой работе фразеологические еди-

ницы с компонентом *перо*, которое является частью *крыльев*.

Большинство фразеологических единиц с этим компонентом связано с возможностью писания, развитием таланта, творческим подъемом, созданием каких-либо произведений.

В первую группу включим фразеологизмы, которые употребляются в значении легкого, вдохновенного писания, например, *бойкое перо*, которому в польском языке соответствует фразеологизм *mieć lekką rękę*, *владеть пером*, *brać się / jać się / wziąć się do pióra*, *parać się / pracować piórem*, *выйти из-под пера*, *володити пером*. Логично будет предположить, что употребление лексемы *перо* в этом случае связано с тем, что *гусиное перо* некогда было орудием писания, а потому теперь считается символом писательской деятельности.

Существуют фразеологизмы, которые означают «первый литературный опыт», например, *проба пера*. Надо при этом подчеркнуть также то, что понятие *перо* используется старинном магическом русском напутствии, которое употребляют в том случае, когда кому-либо предстоит ответственное дело, как пожелание счастья, успеха, удачи (перед экзаменом, важным жизненным событием). Это фразеологизм *ни пуха ни пера*, которому полностью в семантическом и функциональном отношении соответствуют польские *połamania piór*, *połamania nóg*.

К этой же группе можно отнести и фразеологические единицы, означающие «прекратить заниматься писанием, творчеством», например, *pióro wypada komu z ręki*, *coś wytrąca komu pióro z ręki*, *skruszyć / złamać / rzucić / odłożyć pióro*, *zawiesić pióro na kołku*, *złożyć pióro*. Русское *отложить перо* означает, однако, «перестать писать в данный момент, на короткий срок». Причины завершения писания при этом могут быть разными – самостоятельное решение человека либо вынужденное, по материальным причинам.

Среди фразеологизмов с лексемой *перо* особую группу составляют те, которые определяют человека со смешной, нелепой стороны, например, *ворона в павлиньих перьях* - говорится о человеке, пытающемся казаться более важным, значительным, чем он есть на самом деле. В эту группу можно включить также фразеологизм *porastać w złote i srebrne piórka*, иронически показывающий истинное материальное положение человека, делающего вид, что он очень богат.

Во фразеологии существует довольно обширная группа фразеологизмов, которые включают в свой состав компонент-соматизм *хвост*. Хвост представляет собой характерную *часть тела животного*. Хвоста у людей нет, однако фразеологизмы с

этой лексемой носят в описываемых нами славянских языках антропонимический характер.

Интересно и то, что часто фразеологические единицы, включающие компонент *хвост*, содержат и название какого-либо животного, например: *собаке / псу / коту / свинье / кобыле под хвост, пришей кобыле хвост, поцеловать кобылу под хвост, odwracać / wykręcać kota ogonem, тянуть kota за хвост, ruszyć rozumem / głową / językiem jak martwe (zdechłe) cielę, ogonem odziedziczyć krowie / końskie ogony, nie umieć psom ogonów wiąza, ktoś nie wypadł / nie wyszedł / nie wyskoczył / nie wyleciał sroce spod (z) ogona, зловив зайця за хвіст, військового цапа за хвіст скубни (от тобі и рукавиця), плюнь собаці під хвіст.*

Те же самые ФЕ с лексемами *хвост* и *кобыла* активны также и в украинской фразеологии: *приший-кобилі-хвіст, причепи ковилі хвіст* и др. Каждая из этих единиц обладает переносным смыслом, о чем речь пойдет ниже. Обратим внимание и на то, что в них выступают названия животных, традиционно человеку близких.

Фразеологизмы с лексемой *хвост* с точки зрения их семантики можно подразделить на несколько более мелких подгрупп.

В первую подгруппу включим фразеологизмы с компонентом *хвост*, которые связаны с представлением о близком расстоянии и означают, что кто-то кого-то догоняет, бежит за кем-то, все ближе приближается к кому-либо, следит за кем-то. Это фразеологизмы *висеть / повиснуть на хвосте, наступать на хвост, siedzieć komuś na ogonie, наступати на хвіст*. Стоит вспомнить, что тем же самым значением обладает фразеологизм *deptać komuś po piętach, наступать на пятки, наступати на п'яти*. В эту же группу условно можем добавить фразеологизм с *хвостиком*, который означает небольшое количество чего-либо, величину, меру – веса, пространства, времени.

Большую группу во фразеологии трех наших языков составляют фразеологизмы с единицей *хвост*, которые можно объединить в тематическую группу «отношение к другим людям».

В эту группу мы выделяем прежде всего фразеологизмы, которые представляют, что человек не считается ни с кем, ни на кого вообще не обращает внимания, например, *задирать / задрать хвост*, по аналогии с поведением *кобылы*. Полный аналог выражениям *задирать / задрать нос, и хвіст роспустив*. Характер человека – бодрый и оптимистичный – выражает в современном русском языке также специфическая сленговая ФЕ (*держать*) *хвост морковкой*.

Существуют ФЕ со значением «кто-то вредит другому, обижают его, задевает», это фразеологизм *наступать на хвост*, *наступати на хвіст*. Этот же фразеологизм обладает и другими значениями (которые были описаны нами выше), а также может указывать на то, что кто-то пытается воспользоваться результатами труда другого или его *подсиживает на работе* в расчете занять его место и должность. Данная ФЕ обозначает такую черту характера человека, как нечестность.

К этой же группе принадлежит фразеологизм *насыпать соли на (под) хвост*, что означает «вредить другому, наделать ему неприятностей, сильно досадить».

Многие фразеологизмы с компонентом *хвост* указывают на зависимость одного человека от другого (ограничение его свободы действия, поступков) и на то, что тот поставлен в неприятное, сложное положение, отчего чувствует смущение и неловкость, например, *прижимать хвост*, *поджимать / поджать хвост*, *гі, пес! ще й хвіст піджав*, *схилив хвіст та під міст*, *хвіст підігнув*.

Среди данных фразеологических единиц существуют и такие фразеологизмы, которые указывают на агрессивные черты характера человека, на его силу (сильно другого бьет, лупит), например, *и в хвост и в гриву*, либо подчеркивают неспособность человека ни к чему, его неловкость, например, *nie umieć psom ogonów wiązać*, либо умение лгать, менять смысл чего-либо на противоположный, например, *odwracać / wykręcać kota ogonem*. В украинском: *не обертай kota хвостом*. В русском аналога нет.

Сюда же можно отнести фразеологизмы *wlec się / iść, zostawać w ognie czego*, *быть / плестись / оказаться в хвосте*, с одной стороны, представляющие человека, медленно что-то делающего, флегматика, а с другой – не в состоянии ничего делать как надо.

Фразеологизмы *ruszyć rozumem, głową, językiem jak martwe (zdechłe) ciele ogonem*, с одной стороны, указывает на то, что человек с трудом мыслит, в результате чего можно прийти к выводу, что у него не все в порядке с головой.

В этой группе находится и фразеологизм *przyciąć komu ogon*, представляющий человека коварного, хитрого. В польском языке этот фразеологизм эквивалентом другой ФЕ – *wystrychnąć kogo na dudka*.

Среди фразеологизмов с лексемой *хвост* выделяем и такие, которые означают материальное положение человека, а также его статусное положение: *odziedziczyć krowie / końskie ogony*,

т.е. разбогатеть, в результате чего изменить свой статусу, может использоваться и в значении «получить наследство».

К этой группе принадлежат и другие фразеологизмы, которые указывают на статус человека, на его происхождение, предков. Это выражают фразеологизмы (*ktoś nie wypadł, nie wyszedł, nie wyskoczył, nie wyleciał sroce spod (z) ogona*, что означает «имеет хорошее происхождение».

Первый раз в ряду описываемых нами ФЕ появляются фразеологизмы, которые определяют способ говорения человека. Так, к примеру, в польском языке существует фразеологизм *spruścić ogon*, который значит «изменить способ говорения, способ выражения». В русском языке фразеологизм есть ФЕ *тянуть кота за хвост*, которая употребляется в случае, когда человек говорит медленно, скучно, неинтересно, либо просто морочит собеседнику голову.

На основании источников, которыми пользовались, мы не нашли эквивалентов для вышеприведенных фразеологизмов.

Итак, мы рассмотрели фразеологические единицы, которые включают в свой состав названия конечностей живых существ и прежде всего – представителей животного мира.

Такие ФЕ сгруппированы у нас в процессе исследования в меньшие, по сравнению с общим их числом, группы – в зависимости от своего значения и значимого слова-соматизма.

Такие фразеологизмы обладают специфической семантикой, поскольку помимо того, что включают соматизмы – названия конечностей тела животных, относятся, тем не менее, к человеку и определяют его характер, взаимоотношения с другими людьми, а также его физическое и эмоциональное состояния.

Наш лингвистический анализ выделил много общего во фразеологии данного типа, если сравнивать ее в языках русском, польском и украинском. Однако тот же анализ показал и определенные различия в речевом употреблении данных единиц и, подчас, их семантических оттенках.

ИСТОЧНИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

а) польские:

1. Bąba S. Dziamska G. Liberek J. Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego. – Warszawa, 1995.

2. Kardaka S. Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. – Warszawa, 1999.

3. Skorupko S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Т. 1-2. – Warszawa, 1985.

б) русские:

1. Жуков В. П. Лексико-фразеологический словарь. – М., 2007.
  2. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 2001.
  3. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М., 2010.
- в) украинские:
1. Олейник И. А. Сидоренко М. М. Українсько-російській, російсько-українській фразеологічний словник. – Киев, 1971.

И. В. КИРИЛОВА

Екатеринбург, Россия

СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ДЕМОНОЛОГЕМЫ

Аннотация. *Обобщаются различные варианты описания семантической структуры слова, связанные с выделением разного набора компонентов. Приводится алгоритм описания семантической структуры демонологемы, характеризующейся виртуальным денотатом, склонностью к образованию коннотативных (главным образом пейоративных) значений, важностью синтагматических компонентов семантики; использование алгоритма демонстрируется на примере нескольких демонологем.*

Ключевые слова: *лексическое значение; демонологема; диалект; семантическая структура; сема; ирреальный денотат; референт.*

I. V. KIRILOVA

Ekaterinburg, Russia

STRUCTURE OF LEXICAL MEANING OF DIALECT DEMONOLOGEME

Abstract: *Different variants of describing semantic structure of a word connected with singling out different set of components are summarized. The algorithm of describing semantic structure of demonologeme, which is characterized by a virtual denotate, disposability to create connotative (pejorative) meanings, importance of syntagmatic components of semantics; usage of algorithm is demonstrated on the basis of several demonologemes.*

Key words: *lexical meaning; demonologeme; dialect; semantic structure; seme; unreal denotate; referent.*

Семантическая структура слова объединяет в себе совокупность взаимосвязанных значений слова. Структура значения – это семантические компоненты, семы, семантические признаки, выделяемые в отдельном значении слова, у отдельного ЛСВ, и являющиеся структурными элементами этого значения [Стернин 1979: 73]. Вопрос о структуре лексического значения является одним из дискуссионных в лингвистической науке. Исследователи по-разному определяют как набор компонентов, входящих в его структуру, так и статус этих компо-

нентов. Так, И. В. Арнольд выделяет обязательный (денотативный) и факультативный (коннотативный) компоненты лексического значения. А. А. Уфимцева указывает на следующие компоненты в значении слова: 1. Типизированное представление о классе предметов, закрепленное за знаком, которое может быть приравнено к объему понятия; 2. Понятие с его отличительными признаками (сигнификат); 3. Номинативная референтная отнесенность (слова включают в семантику указание на конкретный единичный предмет) [Уфимцева 2002]. И. А. Стернин выделяет такие компоненты, как: 1. Денотативный (предметно-логическая часть значения); 2. Коннотативный (отражение в значении условий акта общения, отношения говорящего к предмету речи или участникам акта речи); 3. Селективный (отражение в значении правил употребления знака в языке); 4. Эмпирический (обобщенное представление о референтах знака) [Стернин 1979: 37-38]. И.М. Кобозева считает необходимым соотносить каждый компонент значения с особого рода информационным слоем. Исходя из этого, она выделяет четыре типа значений: 1. Денотативное значение – информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь. При этом денотаты бывают двух видов: актуальный (или референт), т. е. конкретный предмет или ситуация, которые имеются в виду говорящим в момент речи, и виртуальный, т.е. все множество объектов, которые могут именоваться данным выражением. Термином «денотат» И. М. Кобозева, как и А. А. Уфимцева обозначают именно виртуальный (потенциальный) денотат; 2. Сигнификативное значение – информация о способе отражения объектов или ситуаций в сознании говорящего. Сигнификат включает в себя свойства объектов, на основании которых они объединяются в класс и противопоставляются членам других классов; 3. Прагматическое значение – информация об условиях употребления выражения, т.е. аспекты коммуникативной ситуации, в которых оно используется. Данный компонент лексического значения включает в себя эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому, а также отношение говорящего к адресату; 4. Синтаксическое значение – информация об отношениях между данным выражением и другими языковыми выражениями в составе речевого отрезка. При этом автор исключает из структуры лексического значения коннотативный компонент, относящийся также к прагматике слова, аргументируя тем, что он включает в себя «отсылку не к индивидуальному пользователю знака – говорящему, а к языковому коллективу. Так что

говорящий, используя лексему, содержащую определенные коннотации, не выражает этим своей личной оценки обозначаемого объекта, как это было в случае оценки, входящей в прагматический слой лексического значения слова» [Кобозева 2004: 61–62, 92].

Л. М. Васильев структурирует значения и выделяет следующие типы их компонентов:

1. Эмпирический компонент – результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления, отражающий действительность одновременно в форме понятий и представлений;

2. Рациональный компонент – результат абстрактного понятийного мышления (причина – следствие);

3. Коннотативный компонент – результат логически слабого расчленённого отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением.

Кроме вышеназванных компонентов, Л. М. Васильев допускает возможность выделения еще следующих структурных элементов значения:

1. Лексический, словообразовательный и грамматический компоненты значения. Грамматические и словообразовательные значения могут быть только абстрактными, а лексическое и абстрактным и конкретным.

2. Эксплицитные и имплицитные компоненты значения. Эксплицитные (явно выраженные) – компоненты, которые имеют явное словообразовательное, формообразующее или синтаксическое выражение. Имплицитные (скрытые) – компоненты, которые не имеют самостоятельного явного выражения формальной лексико-грамматической структуры языка. Они выражаются синкретически, то есть с другими компонентами.

3. Синтагматические и парадигматические компоненты значения.

4. Доминирующие и зависимые компоненты значения (выделяются по характеру их отношения внутри семем).

5. Ядерные и периферийные компоненты значения. Ядерные образуют инвариантное значение семантического класса слов, периферийные же могут неограниченно варьироваться в его составе.

6. Идентифицирующие и дифференцирующие компоненты значения. Одни и те же компоненты значения по отношению к одной семантической парадигме выполняют идентифицирующую функцию, а по отношению к другой – дифференцирующую.

7. Обязательные и факультативные компоненты значения (выделяются по степени фиксированности, закреплённости за определёнными значениями) [Васильев 1990]. Классификация компонентов лексического значения Л. М. Васильева комплексно представляет структуру значения в разных аспектах, что, в частности, даёт возможность показать, как внеязыковые знания реализуются в языковых техниках.

На наш взгляд, в наименованиях нечистой силы можно выделить все компоненты структуры значения, перечисленные выше, если при этом учитывать специфику данного семантического поля. Особо следует отметить, что в структуре демонологемы мы не увидим денотата в традиционном смысле этого понятия, соотносимого с номинируемым объектом действительности, который доступен эмпирическому наблюдению. Применительно к сфере демонологии мы имеем дело с денотатом ирреальным, вымышленным, виртуальным, который является результатом активной «работы» мифологического (пралогического) мышления.

Если интерпретировать данную классификацию в соответствии с принятой нами интегральной теорией лексического значения, то компоненты семантической структуры демонологемы можно представить следующим образом:

1. **Выраженность – невыраженность.** Эксплицитный компонент значения имеет явное словообразовательное, формообразующее или синтаксическое выражение. Невыраженность, или имплицитный компонент не имеет самостоятельного явного выражения формальной лексико-грамматической структуры языка, а выражается синкретически, то есть с другими компонентами. Выраженность компонента значения находит свое отражение во внутренней форме слова (а через нее и в принципах номинации), в контексте, в идиомах. Например, *озерной* 'черт, живущий в озерах' [СРНГ, т. 23: 92] – эксплицитный компонент значения закреплён в прозрачной внутренней форме (ср. *озерной*← озеро + -н-) и через нее в принципе номинации: по месту обитания мифологического персонажа. *Полдней* 'домовой, появляющийся в полдень' [СРНГ, т.29: 43] – прозрачная внутренняя форма (ср. *полдней*← полдень + -ев-) актуализирует принцип номинации: по времени появления нечистой силы. Невыраженность компонента значения проявляет себя в метафорических наименованиях нечистой силы, а также в номинациях с затемненной внутренней формой. Ср. *коркотá* 'лихорадка' [СРНГ, т.14: 334] – имплицитный компонент отражается в затемненной внутренней форме, которая в современном

языке не указывает на мотив наименования, поэтому семантика данной демонологемы может быть выявлена только с использованием этимологического анализа (ср. Коркóта – ‘судорога’ [ЭСФ, т.2: 328]), который актуализирует принцип номинации: по симптому болезни.

2. Степень абстрактности – конкретности признака.

Степень абстрактности реализуют идентифицирующие семы. Например, в словарной дефиниции демонологемы это могут быть такие идентификаторы, как: «по суеверным представлениям», «по народным поверьям», «мифологический персонаж», «сверхъестественное существо» и пр. Ср. *носáк* ‘в суеверных представлениях – огненный змей, прилетающий по ночам в избы своих избранников и приносящий им хлеб и все, что необходимо в хозяйстве’ [СРНГ, т.21: 286]; *мокрúха* ‘сверхъестественное существо, которое оставляет мокрое место там, где посидит’ [СРНГ, т.18: 212]. Дифференциальные семы в свою очередь отражают степень конкретности признака. Например, место обитания, время появления, характер действий, совершаемых нечистой силой. Ср. *гнетóк* ‘дух, давящий по ночам спящих, вызывающий кошмары’ [СРНГ, т.6: 242] – дифференциальные семы конкретизируют следующие характеристики мифологического персонажа: 1) родовое включение понятия – *дух*, 2) время появления – *по ночам*, 3) совершаемые действия – *давящий спящих, вызывающий кошмары*.

3. Обязательность – необязательность.

Обязательными в структуре значения слова являются ядерные, доминирующие, понятийные компоненты. Необязательными выступают компоненты периферийные, зависимые, коннотативные. Например, *багáн* ‘добрый или злой дух, покровитель скота’ [СРНГ, т.2: 33] – ядерные компоненты: *дух, покровитель скота*, коннотативные – *добрый или злой*. В названиях нечистой силы в равной степени могут присутствовать и обязательный, и коннотативный компоненты. В некоторых случаях коннотация может быть обязательным компонентом, например, если в качестве номинации используется экспрессема или эмоционема, сами по себе уже представляющие оценку (часто сопряженную с экспрессией, интенсивностью признака), без дифференциальных сем. Например, *дурнóй, лихóй* ‘черт’ [СРНГ, т.8: 270, т.17: 78] – в данном случае для номинации выбираются общеоценочные лексемы, устойчиво ассоциируемые с отрицательной оценкой (т. е. единицы, в которых коннотации выходят на передний план, «затушеванная» денотативные семантические компоненты).

4. С точки зрения характера отношений между компонен-

тами выделяются **парадигматические** и **синтагматические** компоненты значения. Парадигматические компоненты могут реализовываться в родо-видовых, видо-видовых и др. семантических оппозициях. Например, демонологема *домови́к* 'добрый или злой дух, живущий в доме; домово́й' [СРНГ, т. 8: 119] имеет видо-видовую оппозицию на основе гендерного противопоставления: *домовик* – *домовиха*, *домовилиха* 'добрый или злой дух в образе женщины, живущий в доме' [СРНГ, т.8: 119-120]. Синтагматические компоненты реализуются в словосочетаниях. Например, *де́душка водяно́й* 'водяной', *де́душка дворово́й* 'домовой', *де́душка лесно́й* 'леший' [СРНГ, т. 7: 331] – главное слово *дедушка* реализует общее значение нечистой силы, а зависимые слова *водяной*, *дворовой*, *лесной* конкретизирует место обитания мифологического персонажа.

5. С точки зрения уровневой организации языка выделяются компоненты **лексические** (выраженные лексемой: например, *колдо́вка* 'колдунья' [СРНГ, т.14: 116], *болото́жник* 'род лешего или водяного, живущего в болоте' [СРНГ, т.3: 80]); **морфологические** (представленные словоформой: например, *онь́и*, *ёны́* 'нечистые духи' [СРНГ, т.23: 228] выражены словоформой местоимения 3-го лица, мн.ч.; *ненáш* 'черт, бес, нечистый' [СРНГ, т.21: 96] – морфолого-словообразовательная форма, образованная от мн.ч. притяжательного местоимения с помощью отрицательной приставки не-); **синтаксические** (представленные словосочетаниями: например, *коровья́ сме́рть* 'злое существо, убивающее коров' [СРНГ, т.14: 351], *железнозубы́й ере́тик* 'чудовище с железными зубами, живущее в глубине лесов и пожирающее случайно зашедших к нему путников' [СРНГ, т.9: 22], *лесно́й херувим*, *лесно́й хозяин*, *лесно́й дядя* 'леший' [СРНГ, т.16: 373], *невсе́я огнева́я* 'лихорадка' [СРНГ, т.20: 362], *коря́вый че́рт* 'бес, дьявол' [СРНГ, т.15: 41], *челове́к с при́былью* 'колдун' [СРНГ, т.31: 125].

Покажем, как указанные компоненты значения отражаются в структуре демонологемы.

Ба́нник, а, м. По суеверным представлениям — злой дух, живущий в бане [СРНГ, т.2: 95]. Ба́нник – дух, «хозяин бани» [РС: 30].

С точки зрения выраженности – невыраженности: эксплицитный компонент значения находит свое отражение в прозрачной внутренней форме (ср. *ба́нник* ← баня) и через нее в принципе номинации: по месту обитания мифологического существа. Имплицитный компонент значения в структуре не представлен.

С точки зрения степени абстрактности – конкретности. Идентифицирующая сема данной демонологемы – *по суеверным представлениям*. Дифференциальные семы: 1) родовое включение понятия – *дух*, 2) место обитания – *живущий в бане*, 3) отношение к человеку – *злой*.

С точки зрения обязательности – необязательности: обязательными в структуре демонологемы являются ядерные, понятийные компоненты: *дух, живущий в бане*; необязательным является коннотативный компонент, выражающий оценку существа – *злой*.

С точки зрения характера отношений между компонентами: парадигматические отношения проявляются в следующих семантических оппозициях:

- видо-видовые отношения на основе гендерных противопоставлений: *ба́нник – ба́нница, ба́нница 'дух бани в облике женщины'* [РС: 30];

- родо-видовые отношения иерархии: *ба́нный хозяин – ба́нник (банный хозяин выступает главным по отношению к обычным банникам)*.

С точки зрения уровневой организации языка: представлен лексический компонент, т.е. демонологема выражена лексемой.

Лягу́шка-коро́вница, ы, ж. Фантастическое существо в образе лягушки, в которую, по суеверным представлениям, превращается проклятая родителями или некрещеная девушка, живущее в воде и по ночам выходящее на землю, чтобы выдаивать коров (если дотронуться до лягушки-коровницы, она выпускает струю ядовитой жгучей жидкости белого цвета) [СРНГ, т.17: 258].

С точки зрения выраженности – невыраженности: эксплицитный компонент значения отражен во внутренней форме (ср. *коро́вница* ← корова) и в принципе номинации: объект, на который направлено действие мифологического существа. Имплицитный компонент в структуре значения отсутствует.

С точки зрения степени абстрактности – конкретности: в структуре значения присутствует идентифицирующая сема – *по суеверным представлениям*. Дифференциальные семы: 1) родовое включение понятия – *фантастическое существо*, 2) внешний вид – *в образе лягушки*, 3) место обитания – *живущее в воде*, 4) время появления – *по ночам выходящее на землю*, 5) функция – *выдаивать коров*, 6) генезис – *превращается проклятая родителями или некрещеная девушка*, 7) характерные особенности – *если дотронуться до лягушки-коровницы, она выпускает струю ядовитой жгучей жидкости белого цвета*.

С точки зрения обязательности – необязательности: обязательными являются ядерные, понятийные компоненты – фантастическое существо, в образе лягушки, живущее в воде и по ночам выходящее на землю, чтобы выдаивать коров. Необязательные, коннотативные компоненты явно не представлены, но толкование через такие слова как *про́клятая, некрещеная, жгучая, ядовитая* исключает возможность положительного восприятия образа. Поэтому, несмотря на то, что мы не находим прямой негативной оценки в толковании, слова, включенные в словарную дефиницию, свидетельствуют об ее отрицательной коннотации.

С точки зрения характера отношений между компонентами: парадигматические отношения представлены в оппозиции *корóвница* 'существо в виде лягушки, выдаивающее коров' [СРНГ, т.14: 354] – *лягúшка-корóвница*. В данном случае слово и словосочетание являются взаимозаменяемыми и представляют собой номинативные варианты. С точки зрения синтагматических отношений демонологема представлена словосочетанием, в котором главное слово *лягúшка* выражает общее значение нечистой силы, а зависимое слово *корóвница* – дифференциальный признак: объект, на который направлено действие.

С точки зрения уровневой организации языка: представлен синтаксический компонент, т.е. демонологема выражена словосочетанием: существительное + приложение.

Анализ семантической структуры диалектной демонологемы позволяет заключить, что сам набор компонентов в основном совпадает со структурно значимыми компонентами лексем литературного языка, однако конкретное наполнение семантическое денотативных и коннотативных компонентов отличается. Во-первых, «нестандартным» является сам денотат (в силу отмеченной выше специфичности обозначаемого); во-вторых, в сфере коннотаций на первый план выходят культурные (национально-культурные) компоненты значения и экспрессивность обозначений, в которых оценочные (чаще пейоративные) компоненты тесно связаны с собственно интенсивностью проявления оценочного признака; в-третьих, синтагматические компоненты значения (в составных наименованиях) являются неотъемлемой частью семантизации демонологемы, поскольку выступают в качестве актуализатора одного из системно значимых дифференциальных признаков (по которым осуществляется и структурирование семантического пол народной демонологии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.
2. Власова М. Н. Русские суеверия. – СПб., 2000.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2004.
4. Словарь русских народных говоров. – Л., 1965-1987.
5. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. – М., 2002.
7. Фасмер М. Этимологический анализ русского языка. – М., 1986.

Н. И. КОНОВАЛОВА, Д. Г. МУРАДЯН

Екатеринбург, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЛИНГВОВ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ**

Аннотация. Рассматривается ситуация билингвизма на примере людей, владеющих как армянским (родным для себя или предков), так и русским языками. Демонстрируется, что, как правило, один из языков в сознании билингва является доминирующим, «вытесняет» другой, хотя наблюдается и ситуация, признаваемая идеальной, – равное владение обоими языками, сопровождающееся метаязыковой рефлексией по поводу каждого из них, их сходства и различия.

Ключевые слова: билингвизм, языковая ситуация, речевая деятельность, коммуникативная компетенция, межъязыковая интерференция, русский язык, армянский язык.

N. I. KONOVALOVA, D. G. MURADIAN

Ekaterinburg, Russia

PROBLEMS OF RESEARCH OF SPEECH ACTIVITIES OF BILINGUAL STUDENTS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY LINGUISTIC SITUATION

Abstract: Situation of bilingualism is discussed on the basis of people speaking both Armenian (native for the person or his/her ancestors) and Russian. One of the languages is, as a rule, dominating in the mind of the bilingual person, it “forces out” the second, though the ideal situation may occur when both languages are equal, their usage is accompanied by meta-language reflection on both of them, their differences and similarities.

Key words: bilingualism; linguistic situation; speech activity; communicative competence; language interference; the Russian language, the Armenian language.

Современная языковая ситуация в России в целом и на Урале в частности характеризуется активными процессами межэтнического и, соответственно, межкультурного и межъязыкового взаимодействия. Если принимать широкое определение языковой ситуации как «языковое обеспечение коммуникации

в социуме» [Нещименко 2003: 15], то необходимо исследовать билингвизм (= мультилингвизм) как в аспекте формирования и развития базовых компетенций, так и в собственно функциональном плане, применительно к разным видам речевой деятельности и разным сферам общения.

В данной статье рассматриваются проблемы изучения естественного билингвизма в условиях активной межъязыковой интерференции¹. С использованием социолингвистических методов нами исследовалась речевая деятельность респондентов (жителей Екатеринбурга), назвавших в качестве родного² языка армянский, хорошо владеющих русским языком и в разных сферах общения пользующихся обоими языками. У подавляющего большинства участников опроса мать и отец – армяне, лишь у одного отец – армянин, мать – русская (единственный случай в данной группе, когда у человека реально более одного родного языка).

Всего в социолингвистическом опросе участвовало семнадцать человек разного возраста (от пятнадцати до сорока шести лет), обоого пола (муж. – 9, жен. – 8), неодинакового образовательного статуса (учащиеся средних общеобразовательных учреждений, студенты вузов, специалисты со средним специальным и высшим образованием), различных специальностей (технических, гуманитарных, естественнонаучных, педагогических). Все участники опроса родились в Армении, местами наиболее длительного проживания ими были названы: Екатеринбург, Россия (10 респондентов), Армения (3), Армения и Россия (4).

С целью изучения проявлений взаимодействия используемых билингвами в разных видах речевой деятельности языков, относящихся к одной языковой семье (индоевропейской), но к разным группам, нами были разработаны специальные социолингвистические листы-опросники по методикам, предложенным ведущими учеными-социолингвистами [Беликов, Крысин 2001]. Опросники включают несколько блоков информации: а) собственно паспортизацию, позволяющую определить «материнский» язык в его соотношении с «этническим» и «доминирующим» языками; б) метаязыковую рефлексию билингвов относительно степени владения армянским и русским языками в разных видах речевой деятельности; в) социокультурные параметры, определяющие условия необходимости обращения к одному из используемых билингвом языков (получение образования; общение с соседями, коллегами, одноклассниками и т.п.; просмотр фильмов, общение во время подвижных и компьютерных игр, использование СМИ и т.п.); г) «пилотную» ди-

агностику понимания идиоматики языковых единиц, что является показателем уровня «свободы» владения чужим языком и позволяет выявить стратегии межъязыковой интерференции на лексико-семантическом уровне [Коновалова, Мурадян 2010].

Степень сформированности речевых умений зависит от разных факторов, не случайно поэтому в социолингвистический лист были внесены вопросы, касающиеся спонтанного речевого поведения (подвижные и компьютерные игры, рассказывание анекдотов и т.д.), которое требует автоматизированного владения не только речевыми клише, но и разговорным синтаксисом и правилами синтагматики.

По вопросу «На каком языке общаетесь со своими близкими дома?» ответы распределились следующим образом: на своем родном, армянском – 3 человека (17,7%), на русском – 0, на армянском и русском – 14 (82,3 %).

С друзьями более 50% опрошенных разговаривают на русском и армянском языках, 29 % – на русском, 12 % - на армянском, русском и езидском³ языках; с соседями все общаются по-русски, на работе (или в учебном заведении) четыре человека (23%) говорят по-русски и по-армянски, остальные – только по-русски.

Приведенные статистические данные по анализируемой выборке свидетельствуют о проявлении двух отмечаемых в современной языковой ситуации потребностей: с одной стороны, – «потребности идентичности», с другой, – «потребности взаимопонимания» [Алпатов 2000: 11]. Суть этих потребностей, реализуемых билингвами (мультилингвами) в речевой деятельности, характеризуется следующим образом: «Потребность идентичности заключается в стремлении пользоваться в любой ситуации общения полностью “своим” языком, освоенным в первые два-три года жизни. ... Потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников любой ситуации общения желает без помех общаться со своими собеседниками» [Там же: 12].

Оценивая степень владения родным языком, почти 50% респондентов (в основном представители молодого поколения) отметили, что читают и пишут по-армянски плохо или с затруднениями, но хорошо говорят и понимают быструю речь. При оценке собственного уровня владения русским языком почти всеми опрошенными был выбран самый высокий из предложенных критерий «хорошо» по всем видам речевой деятельности на неродном языке (чтение, письмо, аудирование, говорение).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет диагностика

владения языковой идиоматикой. В соответствии с условиями опроса предлагалось привести выражения, с помощью которых можно охарактеризовать по-русски и по-армянски человека по его интеллектуальным, физиологическим, поведенческим характеристикам: как можно назвать человека (очень) умного / глупого, (очень) толстого / худого, рассеянного / собранного, здорового / больного.

Приведем примеры полученных ответов. Наиболее полную картину представляют ответы на первые два вопроса:

(очень) умный человек:

По-русски	По-армянски
Мозговитый, быстро и правильно отвечает на вопросы, ходячая википедия, умник, батон, ботаник, мозг, голова, вундеркинд, мудрый, семи пядей во лбу	Գերազանցիկ – образованный, Խելքով մարթ – толковый человек, Ուշիմ – внимательный, Խելք – толк, Խելքի կտոր – кусок толка, Գլուխ չի, ճեմարան – не голова, а гимназия, умный – Խելացի, мозг – Ուղեղ, голова – Գլուխ, Լազարանի ճեմարան – биб-лия Лазаряна ⁴

(очень) глупый человек

По-русски	По-армянски
Долго думающий, тупой, балбес, ишак, лодырь, идиот, даун, кретин, безмозглый, лось, дубина, баран, недалекий человек, без извилин, дуб дубом, как об стенку горох;	Խիշր- ուրբեշտ; Դրում – тыква, Դամբուկ – слива ⁵ , Քթի ծակ չունի – не имеет дырок в носу ⁶ ; Դանդալոշ (дан-далеж) – слово, характеризующее глупого, несообразительного человека. Точного перевода в русском языке не имеет; Խելքից թոփալ – хромой на мозги; Էշը ինչ գիտի, նուշը ինչս – откуда ослу знать, что такое миндаль, Լեզու չունի – не имеет языка; Հայվան – животное, Հավի ուղեղ – куриные мозги

Ответы на остальные вопросы по-русски вызывали затруднения и либо отсутствовали совсем, либо представляли собой только однословные ответы (не выражения), содержащие прямые характеристики типа: *спортсмен, непьющий, некурящий, молодец, закаленный* (о здоровом человеке), *костлявый, швабра, толстый, жирный, пухлый* (о худом или толстом). Более интересными представляются ответы на эти вопросы по-армянски:

(очень) толстый человек (мужчина / женщина)

Գնչ (гонч) – слово, характеризующее пухлого человека с

округлыми формами. Точного перевода в русском языке не имеет; Ձսերուկ կուկ տփած – проглотивший арбуз; любит много поест – Միրումե շատ ուտել

(очень) худой человек (мужчина / женщина)

Օծած մոմպաա – рассосанная конфета; Տանձի պղչ – веточка груши; (Здесь имеется в виду сосательная конфета, карамелька. Когда она уже почти съедена, она становится очень узкой, тонкой. Хвостик груши считается тонким, особенно на фоне крупного плода груши), Կաշի ու վուկոր – кожа да кости, Լորու փեղ – фасолевая палка (при выращивании фасоли используют тонкую высокую палку для поддержки фасольных веток, стелбюков), Փայտիկ – палочка для счета, Լուծկի – спичка;

рассеянный человек – լավա գլուխը չկորցրեց – хорошо, что голову не потерял, Վոնցվոր ձին գլխին խփած լինի – как будто конь по голове пнул, Միշտ մոռանոյս – постоянно забывающий;

собранный человек – Տեղը տեղին մատը – место, на месте человек;

здоровый человек – կաթ կերած մատը – наевшийся молока человек (здесь имеется в виду материнское молоко. Человек, в детстве долго питающийся материнским молоком, всю жизнь здоров и крепок), Բոխկի նման – похожий на редиску;

больной человек – Ազար կպած հավ – курица, которую задела болезнь животного (имеется ввиду человек, болеющий серьезной, редкой болезнью), Վոնձ վոր դիակ լինի (как труп), չոքիած – уставший, больной – չիվանդ

Анализ полученных ответов показал, что все стратегии, которые используют респонденты для языкового выражения смысла, можно свести к нескольким типам:

- ✓ нет ответа на одном из языков;
- ✓ вместо выражения приводится однословный ответ: *Գերազանցիկ* – образованный (об умном человеке), *спортсмен*, *непьющий*, *некурящий* (о здоровом), *Աննույլ* – ненормальный (о глупом) и т.п. Заметим, что часто слово выбрано неточно: *Դասարկած* – сложенный (о собранном человеке), *рентген* (об очень худом), *ишак*, *лодырь* (о глупом) и т. п.
- ✓ дословный перевод с русского на армянский и наоборот: *ձավի ուղեղ* – куриные мозги (о глупом), толстый – *Չաղ*, любит много поест – *Միրումե շատ ուտել* (об очень толстом);
- ✓ соотносительные русские и армянские идиомы, основанные на подобных образных переносах: *Էշը ինչ գիտի, նուրը ինչա* – откуда ослу знать, что такое миндаль (ср. рус. *разбирается*

как свинья в апельсинах), *ἰστέριος ῥομφιάς* – хромой на мозги (ср. рус. *мозги набекрень*), *Ἰκνωδὸς ψήδαυλὸς πύλη* – имеет вид мертвого (ср. рус. *краше в гроб кладут* – о больном человеке, который плохо выглядит), *Φηρὶ σπηλιζυνηρῆνιν πύλη* – имеет здоровье слона (ср. рус. *здоров как бык*), *Ἐπιήρ ῥεψήνυλ ἰρψυδ* – голова перхотью набита (ср. рус. *голова опилками набита*);

✓ использование безэквивалентной лексики и фразеологии, лишь в самом общем виде выражающей смысл: *Ἦοη* (дод) – слово, характеризующее тупого человека, точного перевода в русском языке не имеет; *Ἰυκῆηρ δαυήουλ ἡωίνγῶλε* – пройдешь через ушко иглы (ушко иглы считается очень узким отверстием, поэтому кто через него пройдет, тот очень худой, стройный); *Ἰυορ ψῆωλ ἡῆρшδ* – съевший сегодня лапшу (о рассеянном человеке. Данное выражение часто используется в адрес человека, уронившего что-либо. Это связано с тем, что человек в эту минуту напоминает образ лапши, то есть чего-то рыхлого, разваливающегося); *Ἰσῆρῆη* (тмбэлик) – слово, характеризующее пухлого, упитанного человека. Точного перевода в русском языке не имеет.

Все описанные выше стратегии, кроме последней, демонстрируют межъязыковую интерференцию на лексико-семантическом уровне, и лишь обращение билингвов к безэквивалентной лексике и фразеологии может свидетельствовать об осознании ими номинативных лакун в одном из используемых языков и относительно свободном оперировании знаниями в области обоих языков в речевой деятельности. В этом случае «работа» с чужим языком не тормозится процессом дословного перевода каждого выражения и подбором соответствующего эквивалента, а переводится в русло гештальтной речемыслительной деятельности. Оперирование смыслами, а не отдельными (конкретными) языковыми единицами характеризует более высокий уровень языковой и речевой компетенций. Заметим, что именно сформированность основных компетенций должна стать результатом изучения русского языка на базовом уровне [см.: Федеральный ... 2004: 11-15]: а) **коммуникативная компетенция** предполагает знание сфер и ситуаций речевого общения, компонентов речевой ситуации, владение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования языка в различных ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, прагматическим установкам, психологическим особенностям участников коммуникации; б) **языковая и лингвистическая (языковедческая) компетенции** включает знание о языке как знаковой системе и общественном явлении, его устройстве, развитии и

функционировании; владение нормами русского литературного языка и их соблюдение в речевой практике, обогащение словарного запаса и грамматического строя речи; формирование способности к анализу и оценке явлений и фактов; восприятие и порождение текстов различных функциональных разновидностей языка; в) **культуроведческая компетенция** – это осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, соблюдение норм русского речевого этикета в различных сферах общения, владение культурой межнационального общения.

Наше исследование подтверждает выводы психологов о том, что лучшим для изучения второго языка в плане формирования и развития базовых компетенций и коммуникативной активности является способ «языкового погружения». Методологической базой такого подхода стала одна из общепризнанных систем обучения инофонам (голландская), предполагающая совместное обучение в одном классе (одной группе) детей разных национальностей, говорящих на разных языках, в том числе и на языке, доминирующем в данном социуме. В результате обучения по данной системе инофоны легко «впитывают» чужой язык и культуру, быстро начинают понимать чужую (даже беглую) речь говорить, читать и писать на неродном языке.

Компетентностный подход к изучению билингвизма дополняется критерием коммуникативной активности, в котором, по мнению Г.Н.Чиршевой, следует выделить такие содержательные параметры, как «темпоральный – для установления степени регулярности пользования языками в общении и функциональный – для выявления сфер приложения каждого языка в речевой деятельности индивида (в быту, в школе, на производстве, в научной сфере и т.д.)» [Чиршева 2000: 10].

Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что наши наблюдения имеют лишь предварительный характер и нуждаются в дальнейшей верификации. Тем не менее, уже на данном этапе (с использованием полученного материала) можно говорить о некоторых тенденциях, обнаруживающихся в речевой деятельности билингвов.

Итоги проведенной нами диагностики речевого развития билингвов демонстрируют четыре стратегии усвоения неродного языка в плане сформированности основных компетенций с учетом интерференции в речевой деятельности билингва русского и армянского языков:

1. Переходный билингвизм, характеризующийся постепен-

ным (в течение нескольких поколений) вытеснением из речевой практики инофона родного (армянского) языка и заменой его доминирующим (русским) языком. Чем лучше инофоны овладевают чужим языком, тем меньше пользуются родным, что приводит к утрате соответствующих навыков. В результате второе-третье поколения людей, считающих своим родным армянский язык, отмечают в анкетах, что не умеют читать и писать по-армянски или делают это с затруднениями. Сохраняется лишь уровень бытового общения на родном языке со старшими родственниками.

2. Отрицательный билингвизм, при котором изучение (знание) второго языка отрицательно сказывается на владении родным языком. В этом случае более активное использование доминирующего русского языка «поддерживается» самой внеязыковой ситуацией: общение в школе, с соседями, в общественных местах (магазины, больницы, государственные учреждения и т. п.) осуществляется в основном на русском языке и подкрепляется средствами массовой информации, используемыми (за исключением единичных каналов радио и спутникового телевидения) русский язык в соответствии с законом о государственном языке РФ.

3. Положительный билингвизм, который становится основой более высокого уровня интеллектуальных способностей, в частности, в плане метаязыковой рефлексии билингва. Она проявляется в абстрактных (отвлеченных от конкретного значения) рассуждениях о форме как своего, так и чужого языка, в способности передавать смысл (концептуальное содержание) разными формами обоих языков, «уходя» от буквального, дословного перевода.

4. Сбалансированный билингвизм, характеризующийся в равной степени хорошим владением обоими языками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под **интерференцией** понимается неконтролируемое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия [Беликов, Крысин 2001: 32].

2. Здесь и далее мы будем использовать понятия «**родной язык**» и «**материнский язык**» как синонимы в значении 'язык, освоенный в раннем онтогенезе'. Ср. ситуацию, когда человек указывает в качестве родного язык, не имеющий отношения к его национальной принадлежности. Например, немец, родившийся в России, с детства усвоивший русский язык, использующий его во всех сферах общения и не знающий немецкого языка указывает в качестве родного – русский язык

(при этом отмечает свою национальную принадлежность по матери и/или отцу – немец).

3. Так называемый *езидский* язык – диалект курдского языка, на котором говорят представители этноконфессиональной группы курдов, которых армяне называют «армянскими цыганами».

4. Лазаревы (Лазарян) армянский дворянский род. Родоначальник Лазарь Назарович, переселившийся в 1747 из Персии в Россию. Его сыновья: Ованес (Иван) (1735–1801), содействовал переселению армян в Россию, вместе с братом Иоакимом (Екимом) (1744–1826), возглавлял армянские колонии в Москве и Санкт-Петербурге. Последний основал армянское училище в Москве (1815), преобразованное (1827) в Лазаревский институт восточных языков.

5. Такое выражение имеет место быть, поскольку слива не требует особого ухода при выращивании.

6. Не имеет естественного, т. е. того, что имеют все, значит несообразительный, не понимающий самого элементарного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000.

2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. – М., 2001.

3. Коновалова Н. И. Речевая психодиагностика: учеб. программа для студентов, обучающихся по профилю «Родной язык и психолингвистика». – Екатеринбург, 2010.

4. Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. – М., 2003.

5. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Ч. 1. Начальное общее образование. Основное общее образование / Министерство образования РФ. – М., 2004.

6. Чиршева Г. Н. Введение в онтобилингвологию: моногр. – Череповец, 2000.

В. Е. КОПЫЛОВА

Екатеринбург, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Излагается история становления фразеологии, которое в отечественной науке связано с именем В. В. Виноградова, перечисляются основные семантические и структурные характеристики фразеологизмов. Обосновывается важность фразеологии для недавно возникшей отрасли лингвистики – лингвокультурологии: фразеологизмы способны аккумулировать важнейшие концепты языковой картины мира.

Ключевые слова: фразеология; языковая картина мира; русский язык; национальный менталитет; концепт.

V. E. KOPYLOVA

Ekaterinburg, Russia

PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A REFLECTION OF LANGUAGE WORLD PICTURE

Abstract: History of formation of phraseology is given, which is connected with the name of V.V. Vinogradov, main semantic and structural characteristics of phraseological units are enumerated. The importance of phraseology for a new branch of linguistics Linguoculturology is stated: phraseological units can accumulate the basic concepts of language world picture.

Key words: phraseology; language world picture; the Russian language; national mentality; concept.

Фразеология привлекала внимание исследователей русского языка давно. Под различными названиями она объяснялась как в специальных сборниках, так и в толковых словарях начиная с конца XVIII в. Однако специально фразеологический состав русского языка стал изучаться сравнительно недавно.

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке относится к 40-м годам XX столетия и неразрывно связано с именем В. В. Виноградова, которым были поставлены и разрешены многие вопросы общего характера, позволившие создать базу для изучения устойчивых сочетаний

слов в современном русском литературном языке. Именно им впервые была дана синхронная классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности и были намечены пути и аспекты дальнейшего изучения фразеологизмов.

В настоящее время фразеология продолжает оставаться объектом многочисленных разноаспектных исследований. И, как следствие, в последнее десятилетие усилился интерес к рассмотрению фразеологического состава языка с точки зрения новой науки – лингвокультурологии, которая определяется «как отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2004: 9]. Лингвокультурология как одно из современных направлений лингвистики возникла в результате смены научной парадигмы в конце XX века. В основе этой науки лежит ключевое понятие «языковая картина мира», которое понимается лингвистами как отражение национального миропонимания и мировидения. Именно лингвокультурология сделала возможным рассмотрение фразеологии с точки зрения отражения в ней языковой картины мира.

Языковая картина мира является одним из способов структурирования знаний об объективной действительности. Под термином «языковая картина мира» учеными понимается выраженная с помощью различных языковых средств, системно упорядоченная, социально значимая модель знаков, содержащая информацию об окружающем мире. Языковая картина мира тесно связана с проблемой языка и мышления. Языковая картина мира – это вербально выраженный результат духовной активности человека как общественного существа. Она меняется с развитием самого человека и его представлений о мире в ходе всемирного исторического процесса.

В связи с этим фразеология, как фрагмент языковой картины мира, выражает материальную и духовную культуру народа. Исследователями не раз отмечалась национальная уникальность фразеологизмов в языковой картине мира того или иного народа, отражение в них элементов национального менталитета. Различие фразеологических единиц разных народов определяется религией и историей, обычаями и традициями, природными условиями и ценностными системами конкретной нации.

Национальное своеобразие мировосприятия той или иной этнокультурной общности коренится в образе жизни и психологии народа, отраженных в языке семантической структурой

языковых знаков. Например, для русских обязательным продуктом является хлеб, и поэтому в России большое разнообразие хлебобулочных изделий. Такое национальное своеобразие в еде нашло свое отражение и во фразеологии. Русские говорят: **«Хлеб всему голова; не лошадь ведет, а хлеб; хлеб да живот – и без денег живет».**

Предметом фразеологии являются фразеологические единицы, т.е. «устойчивые, воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, существующие в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [Шанский 1996: 26]; «образные выражения, устойчиво воспроизводимые в речи, выполняющие, как и слова, номинативную функцию в языке» [Фразеологизмы в русской речи 2007: 3].

Фразеологические единицы хранят и транслируют из поколения в поколение знания о выработанной в обществе системе обычаев, традиций, законов и обыденных представлений о мире. Все это позволяет ученым говорить о фразеологических единицах как средствах вербализации тех или иных концептов – ментальных образований, обобщенно-целостных мыслительных единиц, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы [Алефиренко 2002: 225-226].

Фразеологизмы довольно часто употребляются в нашей повседневной речи. Порой мы даже не замечаем, что произносим эти устойчивые выражения, — настолько они привычны и удобны. С этим связана способность фразеологизмов формировать самостоятельные высказывания, заменяя собой содержание целого предложения. Можно произнести тираду, что-нибудь вроде **«ты должен соблюдать необходимые нормы поведения для поддержания достоинства и репутации».** А можно обронить короткое — **«держи марку!»**, — и всем все станет понятно. Однако фразеологизмы бывают и длиннее. **«Становиться на задние лапки»** — это то же самое, что прислуживаться. Тем не менее, фразеологизм эмоциональнее, а значит, содержательнее: употребляя фразеологизм, говорящий, помимо прочего, сообщает еще и о своем отношении к событию, предмету или собеседнику, что является одной из главных особенностей фразеологических единиц.

Многие фразеологические обороты, как уже было отмечено, не только называют то или иное явление объективной действительности, но и указывают на определенное отношение говорящего к этому явлению. Причем выражение отношения может касаться как ситуации в целом, так и отдельного фрагмента

высказывания. «Фразеологизмы ... рождаются в языке не для того, чтобы называть какие-либо появившиеся предметы и явления, а для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названное словом понятие, характеризовать его, выражая отношение к нему, оценку его с точки зрения той социальной среды, в речи которой употребляется данная фразеология. То есть фразеологизмы удовлетворяют потребность носителей языка в выразительности» [Федоров 1972: 81].

Кроме того, большинство фразеологизмов функционирует в русском языке в качестве образных синонимов слов, обладающих какой-либо экспрессивно-стилистической окраской и способных передавать оценочную характеристику какого-либо явления или человека. Это может быть как положительная оценка – симпатия, одобрение, ирония («**не житье, а просто рай**» – жить в полном достатке), так и негативная – пренебрежение, нетерпение и даже неприязнь («**остаться на бобах**» – остаться ни с чем, при пиковом интересе).

Фразеологизмы относятся к наиболее сложной в семантическом плане группе языковых единиц. Одна из характерных особенностей фразеологизмов заключается в том, что общий смысл этих образных выражений невозможно понять, исходя из простой суммы значений составляющих их компонентов. Так, например, всем известное выражение «**собака на сене**» подразумевает позицию человека «ни себе, ни людям», а не то, что животное из рода хищных млекопитающих лежит или сидит на скошенной и высушенной траве для корма скоту.

Это объясняет тот факт, что зачастую фразеологизмы оказываются непонятными другим людям и поэтому воспринимаются буквально. Чаще всего буквальное восприятие фразеологических единиц связано с недостаточностью у говорящего/слушающего фоновых, контекстуальных знаний. Подобные знания – это всегда результат существования в определенной среде, принадлежности к ней, это те социокультурные сведения, которые характерны лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности.

Именно поэтому фразеологизмы, являясь отражением национальной культуры, представляют определенную сложность при переводе их на другой язык. Даже если фразеологизмы в разных языках оказываются сходными в смысловом плане, они могут иметь разную экспрессивно-стилистическую окраску, разную образную основу и выполнять разную оценочную функцию.

В связи с тем, что за последние десять лет значимость

фразеологизмов в современной речи (устной и письменной) в целом чрезвычайно возрастает, фразеологические единицы, отражая стереотипы культурно-национального мировидения, оказываются обязательной частью того культурного минимума, который необходим для адекватной коммуникации на русском языке. Употребление фразеологизмов оживляет общение, делает речь более яркой, эмоциональной, разнообразной и выразительной, наделяя ее убедительностью, красочностью, метафоричностью и образностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград, 1993.
2. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. – М.: Издат. центр «Академия», 2004.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Спец. лит., 1996.
5. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973.
6. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник / сост. Н. В. Баско. 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2007.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 7-е изд., испр. – М.: АСТ; Астрель, 2006.

С. Л. КУШНЕРУК
Челябинск, Россия

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТА:
ТЕКСТОВЫЕ МИРЫ ПРЕССЫ,
АДРЕСОВАННОЙ ЗАРУБЕЖНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ**

Аннотация. *С точки зрения теории текстовых миров анализируется образ президента России Д. А. Медведева на материале статьи британского онлайн-издания. Президент предстает передовым лидером, ведущим страну по пути инноваций и прогресса.*

Ключевые слова: *текстовый мир; язык СМИ; дискурс; дейксис; прецедентные имена.*

S. L. KUSHNERUK
Chelyabinsk, Russia

**CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF RUSSIAN PRESIDENT:
TEXT WORLDS OF THE PRESS ADDRESSED TO FOREIGN
READERS**

Abstract: *From the point of view of the theory of text worlds, the image of the Russian president Dmitry Medvedev is analysed on the basis of the British on-line article. The president appears a forward leader, driving the country to innovations and progress.*

Key words: *text world; language of Mass media; discourse; deixis; precedent names.*

Теория текстовых миров, в рамках которых мы проводим настоящее исследование способов конструирования образа российского президента, возникла в результате интеграции эвристик философии, логики, лингвистики текста, когнитивной психологии и теории литературы в конце XX века. Концепция учитывает роль контекстуальных факторов в лингвистическом анализе и предлагает их систематическое описание для создания теории текста и дискурса [Werth 1999]. Центральным является понятие текстового мира, который в общем виде понимается как ментальное образование, или «контекст, сценарий или тип реальности, возникающий в нашем сознании при чтении текста» [Semino 1997: 1].

Отношения между ментальными репрезентациями, возникающими в процессе создания текстового мира, носят иерархи-

ческий характер и рассматриваются в следующем порядке: I. *Дискурсивный мир* (контекст ситуации вокруг языкового события); II. *Текстовый мир* (концептуализация ситуации, находящейся в фокусе взаимодействия участников) и *производные миры* (отклонения от базовых параметров текстового мира по мере развития дискурса).

I. Материалом для настоящего исследования послужила публикация «*Dmitry Medvedev: Russia's hi-tech president*» в онлайн-приложении «*Russia Now*» [telegraph.co.uk/russianow], содержащем материалы о России, адресованные зарубежным читателям. Это международный проект, который имеет одновременное распространение в США, Великобритании, Франции, Индии, Болгарии, Бразилии, Италии и Аргентине. По мысли инициаторов, приложение должно создавать образ России, предлагая гражданам других стран увидеть, какие обновления происходят в стране в ответ на изменения общемировой ситуации, какие они, русские, на самом деле, и каковы культурные ценности необъятной загадочной державы. Другие параметры дискурсивного мира включают время выхода материалов (31 March 2010), виртуальные места (сайты газет, размещающих данную информацию, – *The Washington Post*, *The Daily Telegraph*, *The Economic Times* и др.), а также автора-участника – корреспондента РИА «Новости». В плане целеполагания дискурсивная ситуация отражает намерение автора содействовать созданию и тиражированию позитивного образа главы российского государства, идущего в ногу со временем.

II. Дискурсивная ситуация определяет концептуальное пространство, именуемое текстовым миром. Читатели создают ментальную репрезентацию на основе символического значения дейктических и референциальных элементов текста, которые указывают на время, место, участников и объекты, присутствующие в мире, а также их характеристики и взаимоотношения. Базовый текстовый мир создается во временной зоне настоящего, о чем свидетельствуют формы глаголов в *Present Simple*. Действующими лицами являются президент (*Dmitry Medvedev*), представители прессы (метонимич. *the press*), иностранный журналист (*a foreign journalist*).

Продвижение дискурса обуславливает отклонения от установленных параметров текстового мира, что ведет к последовательным переключениям в дейктические производные миры. Это маркируется различными средствами: 1) конструкциями с прямой речью: «*How is your relationship with president Putin*

developing?», «*When will you quarrel at last?»*.; 2) введением новых сущностей (*the war, global financial crisis, "waves" of unemployment, an upsurge of violence, two terrorist acts, the Soviet Union's communist elite*); 3) изменением пространственных координат (*in Georgia in August 2008, in North Caucasus, in Moscow, in the late Eighties, in 2007*); 4) апелляцией к феноменам, которые, благодаря широкой известности, можно считать универсально-прецедентными (*the war in Georgia in 2008, global financial crisis, Putin, Mikhail Gorbachev, Boris Yeltsin*).

Набор дейктических производных миров формирует короткие ретроспективные сцены, обозримые из настоящего, которые способствуют пониманию происходящих событий в терминах прошлого. Параллели с коммунистической эпохой позволяют высветить благоприятное разворачивание текущих событий. Концептуальное расширение, возникающее вследствие обращения к прецедентным именам *Mikhail Gorbachev* и *Boris Yeltsin*, должно способствовать лучшему пониманию существующих отношений между российскими президентом и премьером. Коммуникативные действия направлены на укрепление доверия к российским лидерам, осознавшим ошибки правителей советского и постсоветского времени, за счет дискредитации последних.

Формирование желательных читательских умозаключений преимущественно основывается на обращении к фонду универсально-прецедентных знаний. Это прогнозирует доступность обработки и понимания калейдоскопа дейктических производных миров, которые вносят значимый вклад в формирование модели мира массового нехарактеризованного зарубежного читателя, отличающегося самой неоднозначной системой политических оценок в отношении российского президента. Не прилагая серьезных когнитивных усилий, адресат формирует визитную карточку России – положительный образ современного лидера, ведущего страну по пути инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Semino E. *Language and World Creation in Poems and Other Texts*. – Longman: London and New York, 1997.

2. Werth P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. – London: Longman, 1999. 390 pp.

М. КРАВЕЦ

Катовица, Польша

ОСОБЕННОСТИ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

Аннотация. Рассматриваются лексические и грамматические способы негативной оценки, применяемые Ю. Олешей в романе «Зависть». Демонстрируется, что негативная оценка в романе почти всегда имплицитна, выражается в сравнениях, игре на значениях многозначных слов и т. д., положительная же, напротив, – эксплицитна.

Ключевые слова: Ю. Олеша; негативная оценка; сравнение; тавтология; художественный язык; стиль.

MALGOZHATA KRAVETS

Katowice, Poland

PECULIARITIES OF NEGATIVE EVALUATION IN THE NOVEL BY YU. OLESHA "ENVY"

Abstract: *Lexical and grammatical means of negative evaluation are discussed, which are used by Yu. Olesha in his novel "Envy". It is shown that negative evaluation in the novel is always implicit, it is revealed in comparisons, language game with words with several meanings and so on. Positive evaluation is, on the contrary, explicit.*

Key words: *Yu. Olesha; negative evaluation; comparison; tautology; language of fiction; style.*

Роман «Зависть» Юрия Олешы написан в 1927 году и представляет картину жизни и конфликтов интеллигенции послереволюционной Москвы, а именно – второй половины 20-х годов, когда советское правительство уже свернуло так называемый НЭП, новую экономическую политику. Уже успевшие привыкнуть к эфемерному изобилию столичных магазинов, москвичи снова столкнулись с проблемами и «дефицитом». Автор, благодаря разным стилистическим приемам, сумел создать поистине уникальную книгу этого времени, которую нередко называют вершиной русской литературы XX века. Своеобразный язык романа необычайным образом воссоздает специфическую картину

мира, состоящую из реалий новой советской действительности.

Неудовлетворенность теми изменениями, которые происходят в советской России после революции 1917-го года, чувство полной безнадежности в будущем и несбыточности каких бы то ни было мечтаний мастерски отражены писателем в его романе «Зависть». Именно поэтому, пожалуй, книга Ю. Олеши переполнена отрицательными эмоциями Николая Кавалерова и Ивана Бабичева, а также выражениями негативной оценки.

Приведенные нами далее примеры из текста [Олеша 1983] и представляющие собой высказывания главных героев романа мы будем анализировать, прежде всего, с семантической точки зрения и с учетом грамматических конструкций, которыми выражается в тексте и речи персонажа та или иная негативная оценка.

Как показывает структурно-семантический анализ текста, у Ю. Олеши выражение негативной оценки может быть заключено, в частности, в тех предложениях, где Андрей Бабичев явным образом сравнивается с кем-либо иным по тем или другим признакам, например:

«Он похож на большого мальчика-толстяка»

Через сравнение, содержащееся в именном сказуемом «похож», мы немало узнаем о лице, о котором идет речь, т.е. об Андрее Бабичеве. С одной стороны, появляется негативное представление о том, как он выглядит. При этом «похож» семантически равнозначен имени прилагательному «подобный», т.е. имеющий такие же точно свойства, признаки или черты, если речь идет о человеке. Лексемы «большой» и «толстяк» употребляются в речи для описания большого размером и тучного человека – так выглядит Бабичев. Поэтому можно говорить о своего рода тавтологическом элементе: понятие «толстяк» уже содержит в себе значение «большой человек», по размерам и объему. С другой стороны, сравнение Бабичева с «мальчиком-толстяком» может объясняться и тем, что он недотепа, он не в состоянии справиться с серьезной проблемой. Сравнение с мальчиком наводит на мысль о том, что Бабичев в жизни неопытен и, в частности, не имел интимных контактов с женщинами. Общая оценка такого типа имеет негативный характер.

И второй пример выражения негативной оценки путем сравнения:

«Он, оказалось, щеголь»

Андрей Бабичев «толстяк». Но при этом он «щеголь». Эта лексема, образованная в русском языке от названия птички

щегол, имеет исключительно переносный смысл: как щегол имеет пестрые перья, так и Бабичев выглядит *щеголом*, т. е. одевается модно. По сравнению с другими людьми, номенклатурный работник Бабичев, в его дорогом заграничном костюме, имеет вид франта. Но в этом содержится явно негативный оттенок, так как его элегантность - следствие только его исключительного служебного положения. У других просто нет возможности так одеваться.

Способом выражения негативной оценки Андрея Бабичева в романе также является сравнение его характера с профессиональными привычками *ключницы*:

«Он *мелочен, недоверчив и кропотлив, как ключница*»

В этом предложении, благодаря однородным именным сказуемым, выраженным краткими качественными прилагательными (*мелочен, недоверчив, кропотлив*), субъект речи, Кавалеров, очень точно описывает и поведение, и характер Андрея Бабичева, скупого хозяйственника. Так, по *Толковому словарю* Д. Н. Ушакова, при этом «званием мелочного человека называется тот, кто придает значение пустякам» [<http://dic.academic.ru>]. Лексема «*недоверчив*» характеризует Бабичева как человека, с большой осторожностью относящегося к другим, подозрительного и неискреннего. Прилагательное «*кропотлив*» характеризует данного героя романа как человека дотошного, педантичного до мелочей, скрупулезного в своей деятельности. И в этом следующий тавтологический элемент, любимый прием Ю. Олеши: «*мелочный*» – «*кропотливый*». → Бабичев человек приземленный, без полета, типичный советский чиновник, а недоверчивость и подозрительность – типичная черта для эпохи в целом.

Андрей Бабичев сравнивается в романе с «*ключницей*», т. е. с лицом женского рода, причем слово образовано от имени существительного мужского рода *ключник*. Все эти отрицательные черты бабы-ключницы характеризуют и Бабичева, ведущего себя так же.

Отрицательные эмоции Андрей Бабичев вызывает, в частности, когда ест. Еда занимает особое место в романе «*Зависть*» – для Бабичева это, в первую очередь, товар, запущенный в производство. Николай Кавалеров наблюдает за принимающим пищу Бабичевым и негативно его оценивает. В этом случае для выражения негативной оценки снова использовано простое именное сказуемое: «Он *обжора*». Употребление этого имени существительного общего рода отрицательно характеризует Бабичева: «*обжора*» – человек жадный до пищи, ненасыт-

ный, который есть слишком много, объедается за столом. В условиях скудности советской России это также указывает на то, что Бабичев - человек по тем временам богатый и может себе позволить обжорство. В трудные 20-е годы, уже после НЭПа, в магазинах продуктов было немного, не было и никакого выбора. Мало того, далеко не каждый мог позволить себе сытно пообедать. Негативная оценка «*обжорства*» в романе очевидна и всячески подчеркивается.

Андрей Бабичев питается часто, много и сытно. Еда не является для него только едой. Можно сказать, что этот человек за столом единоборствует с едой, стараясь одержать победу над ней. Николай Кавалеров, наблюдавший за обедающим Бабичевым, описывает отвратительную картину поглощения пищи: «Глаза его налились кровью, он снимал и надевал пенсне, чавкал, сопел, у него двигались уши». Из этого предложения однозначно следует, что Бабичев ест по-свински. Словосочетание «*глаза налились кровью*» подчеркивает то, что Бабичев во время еды нервничает, торопится, тратит на еду много физических усилий. → Бабичев не человек, а животное. Он ведет себя неприлично – обратим внимание на глагол «*чавкал*». Непереходный, несовершенного вида просторечный глагол является звукоподражательным глаголом и означает то, что Бабичев издает во время еды неприличные хлюпающие, хрюкающие звуки.

Грамматически лексема «*сопел*» имеет такую же характеристику, как лексема «*чавкал*». Однако семантически она несколько иная: «*сопеть*» значит «тяжело дышать из-за утомления, злости или усилия». → Еда в таком количестве утомляет даже «*обжору*» Бабичева. А то, что у Бабичева во время еды «*двигались уши*», объясняется тем, что Бабичев ест очень быстро и жадно, что дополняет, в глазах Кавалерова, комизм этой отвратительной невербальной ситуации.

Следующее предложение так же, как и предыдущее, подчеркивает то, что Бабичев очень любит хорошо поесть: «Он наелся до отвала». В этом простом предложении негативная оценка выражена наречием «*до отвала*». Оно означает то, что Бабичев наелся досыта, до границы возможного – так, что больше не лезет: «Потянулся к яблокам с ножом, только рассек желтую скулу яблока и бросил». Обычный советский человек в это время ест лишь то и столько, что и сколько ему дает государство (например, по карточной системе), или столько, сколько ему удастся «купить еды». В 20-е годы мало кто был в состоянии «обжираться» так, как это делает в романе но-

менклатурщик Бабичев.

Примером яркой негативной оценки будет описание отношения Андрея Бабичева к «Четвертаку» – столовой, которую он строит: *«Он заведует всем, что касается жранья. Он жаден и ревнив. Ему хотелось бы самому жарить все яичницы, пироги, котлеты, печь все хлеба. Ему хотелось бы рожать пищу»*. По сути своей каждое из этих выражений является в романе негативной оценкой. Уже первое предложение, несмотря на высокую оценку статуса самого Бабичева как ответственного работника, обладает отрицательной окраской: *«Он заведует всем, что касается жранья»*. Непереходный глагол несовершенного вида «заведует» свидетельствует о том, что герой руководит и управляет. Однако позитивная статусная сторона обесценивается грубым словом, отглагольным существительным «жранье», которое в тексте определяет «то, чем управляет Бабичев». Лексема, образованная от глагола несовершенного вида *жрать*, вульгарного по окраске, означает «есть много, жадно, имея при этом неприятный вид». → Бабичевский «Четвертак» способен удовлетворить лишь самые грубые, примитивные, животные потребности человека, а именно – чувство голода.

Негативная оценка снова заключается также в выражениях, в которых роль именного сказуемого играют краткие прилагательные: *«Он жаден и ревнив»*. «Жаден», как мы уже разбирали выше, означает то, что Бабичев – человек ненасытный и, можно сказать, алчный к еде и ко всему, что пищи касается. Поэтому важную роль играет определительное местоимение «самому» (*жарить, печь и рожать*), поскольку Бабичев все хотел бы делать лично, без чьей-либо помощи, а тем самым быть как можно ближе к этой самой «еде». В этом самоуверенности Бабичева, который считает, что никто лучше него самого ничего не делает, – в этом негативная оценка, усиленная в речи Кавалерова оттенком иронии. Несовершенный вид используемых глаголов подчеркивает длительность и незавершенность процессов, связанных со строительством «Четвертака». То же самое выражает и глагол несовершенного вида «рожать». Конечно, эта лексема могла бы быть синонимом слов *создавать, творить* что-либо. Но мы обратили особое внимание на этот глагол потому, что в устах Кавалерова он звучит вызывающе грубо: глагол «рожать» чаще всего употребляется в контексте рождения ребенка. В современном просторечии, применительно к какому-либо действию и результату, он же имеет значение «делать что с большой натугой, медленно и с трудом, бессмысленно долго, нужно» Употребление данной лексемы в словосо-

четании *«рожать пищу»*, тем самым, весьма негативно оценивает усилия Андре Бабичева как руководителя, снова подчеркивая то, что он за все хватается сам (→ недоверчив и самоуверен).

Подытоживая семантику всего фрагмента текста, сделаем следующие выводы:

а) Андрей Бабичев относится к еде как к промышленному товару, производственной необходимости → главное не сама пища (ее качество, вкус, полезность, питательность), а ее так называемое «валовое количество» (то, сколько ее будет выпускать пищевой комбинат);

б) он жаден в еде → сам ест много, даже чересчур много, со вкусом, разнообразно, однако его *«обед из двух блюд за четвертак»* весьма прост и примитивен: *«яичницы, пироги, котлеты, хлеб»* (голодный народ и за то будет благодарен);

в) он самоуверен, считает, что все делает лучше других → недоверчив, мнителен, за всем следит, все перепроверяет (потому что сам боится каких-либо ошибок, за которые могут привлечь к ответственности; типично для советского руководителя тех лет);

г) Андрей Бабичев – «баба» (о чем свидетельствует и его «говорящая» фамилия), он берется за женскую работу (*жарить, печь*), он женоподобен, у него «женские» руки → он «не мужчина», поэтому ему осталось только начать *«рожать пищу»*.

Негативную реакцию Кавалерова вызывает также неприятный смех Андрея Бабичева. Кроме того, Бабичева смешат ошибки других людей, а также всякие пустяки, что должно делать его фигуру еще более отвратительной: *«Он подзывает меня, давясь от хохота. Он ржет, тычет пальцем в лист. Я с ужасом внимаю ему. Это хохот жреца. Я слушаю его, как слепой слушает разрыв ракеты»*. Первое предложение дает представление о том, как внешне выглядит смех одиозного героя романа. Устойчивое выражение *«давясь од хохота»*, выраженное в данном случае деепричастным оборотом, может и не иметь негативной оценки, однако фрагмент текста в целом указывает именно на негативную оценку в описании Бабичева: он во всех своих проявлениях неприятен Кавалерову. Надо отметить в данном контексте также то, что «хохот» как вид смеха – это «очень громкий смех» и даже «грубое, демонстративное проявление эмоций», что свойственно Бабичеву (→ «большой начальник» может себе такое позволить).

Негативную оценку его манер в тексте выражает и непереходный глагол несовершенного вида *«ржать»*. Этот звукопод-

ражательный глагол в прямом значении, как и отглагольное существительное «ржание», передает звучание конского голоса, т.е. «звуки, издаваемые конем, лошастью». И это еще раз в тексте романа подчеркивает грубую, примитивную, «животную» натуру Бабичева. В переносном смысле, применимо к человеку, «ржать» - это тоже «разновидность грубого громкого смеха». То, что Бабичев заливается, закатывается смехом из-за того, что прочитал на листе бумаги, в каком-то официальном документе, также не характеризует его положительно.

О том, что смех Бабичева действительно режет уши, свидетельствует следующее выражение фрагмента: «Я с ужасом внимаю ему» → Бабичев внушает страх, его смех страшен. И страшен, видимо, потому, что от него зависят все и всё. При этом действие «тыкать пальцем» (в кого, во что) весьма грубо, бестактно и вульгарно, что свидетельствует о бескультуре Андрея Бабичева как ответственного руководителя и «большого начальника».

То же самое подтверждает и словосочетание с весьма экспрессивным несогласованным определением «хохот жреца», где лексема «жрец», по С. И. Ожегову, имеет два значения: 1) «служитель божества, совершающего жертвоприношения», а также в переносном значении 2) «человек, который посвятил себя служению чему-нибудь» [Ожегов, Шведова 2006: 195] → Чревоугодник Бабичев посвятил себя служению «колбасе».

Свидетельством в тексте того, что Кавалерову очень неприятны и смеющейся Бабичев, и его грубый и громкий «хохот», является развернутое придаточное предложение с семантикой сравнения: «Я слушаю его, как слепой слушает разрыв ракеты». Это сравнение, по форме и смыслу весьма неординарное, может быть мотивировано тем, что, при разрыве ракеты, очень много шума и грохота, а так как слепой не может увидеть то, что происходит, то его этот грохот ввергает в страх и смятение. Животное начало Бабичева подтверждается и другими деталями романа, например, во фрагменте: «Он на ходу совал швейцару тирольку и, выпучив глаза, бежал по лестнице, тяжелый, шумный и порывистый, как вепрь. "Колбаса!" – звучит во многих кабинетах. <...>»

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

а) у Андрея Бабичева очень грубый и неприятный хохот, это «животный» смех → Бабичев – не человек, а «животное» (свинья, конь, «вепрь»); и Николай Кавалеров боится его смеха, напуган такими его проявлениями;

б) «великий колбасник» чувствует себя «жрецом» → от не-

го так много зависит в советской пищевой промышленности, что он любого, нижестоящего, может *«подозвать к себе»*, как Кавалерова.

Николай Кавалеров, разгадавший действительный характер и намерения Андрея Бабичева, пишет ему в романе письмо. В письме Кавалеров при этом прямо прибегает к оценочным высказываниям в адрес своего «благодетеля» с выраженной негативной окраской: *«Но оказалось, вы просто сановник, невежественный и тупой, как все сановники, которые были до вас и будут после вас. И, как все сановники, вы самодур»*. Кавалеров, называя Бабичева устаревшим словом *«сановник»*, что уже само по себе несет негативную окраску, оценивает того, снова употребляя однородные согласованные определения *«невежественный»* и *«тупой»*.

Первое сочетание слов – *«невежественный сановник»* – свою негативность концентрирует в семантике качественного прилагательного *«невежественный»* (человек примитивный, не обладающий какими-либо знаниями, возможно, даже довольно безграмотный и не слишком образованный). Второе сочетание – *«тупой сановник»* – характеризует Бабичева как человека неумного, твердолобого и, похоже, тугодума, т.е. как тупицу и дурака. Однако оба сочетания определений со словом *«сановник»* включает в себе своего рода семантическую антонимию: эти слова не сочетаются и как бы противоречат друг другу: сановник, как человек на высоком посту, должен быть образованным, грамотным, разбирающимся во многих вопросах.

Тем самым оба определения крайне экспрессивные, негативно окрашенные и грубые, с точки зрения узуального употребления → а потому в данных противопоставлениях Николай Кавалеров подчеркивает свою негативную оценку Андрея Бабичева – как человека, не соответствующего, в силу своих личных качеств, занимаемому посту.

В следующем предложении – *«И, как все сановники, вы самодур»* – Кавалеров не только подмечает отрицательную черту конкретного чиновника Бабичева, но также обобщает – таковы все те, кто занимает высокие посты в советской России. При этом имя существительное *«самодур»*, употребленное в речи Николаем Кавалеровым (и образованное как сложное слово: *сам* + *дурить*, т.е. «делать все, что взбредет ему в голову, не считаясь с другими»), описывает Бабичева в ряду остальных советских сановных лиц как не считающегося с мнением и желаниями других людей. Они для него просто не существуют. Тем самым, что следует подчеркнуть, Николай Кавалеров нега-

тивно оценивает этой и предыдущей фразами не только самого Бабичева, которому адресовано письмо, но также всех партийных «сановников» в целом → Благодаря этому мы получаем представление о поведении любого партократа, занимающего в этом государстве значительный пост.

Следует обратить внимание на то, что в письме, направленном Андрею Бабичеву, несколько раз появляется одна и та же фраза, имеющая в романе и речи Кавалерова особое значение: «*Вы – барин*». Употребление данной лексемы могло бы быть в тексте нейтральным. Так, по В. И. Далю, «барин - это человек высшего сословия, дворянин» [Даль 1998: 78]. Но в советской России больше нет сословий. И в письме, в котором субъект речи, Николай Кавалеров, открыто оскорбляет номенклатурного работника Андрея Бабичева, эта лексическая единица несет в себе явно негативную оценку.

Негативная оценка заключается не в прямом значении самой лексемы, а в ироническом ее употреблении субъектом речи: Николай Кавалеров насмехается над Бабичевым. Подчеркивает его тупость. Неоднократное употребление данной фразы в письме служит для усиления негативной экспрессии и переносного значения единицы: советский чиновник ведет себя не по-советски, он белоручка, ленивый бездельник, лишь изображающий бурную деятельность на благо страны. Все это входит в переносное значение лексической единицы «*барин*».

Субъект речи, каковым является Кавалеров, отрицательно оценивает в целом Андрея Бабичева – в данном случае, как своего непосредственного врага и противника. Высказывание состоит из перечисления ряда имен существительных с негативным значением и играющих в данном контексте роль бранных лексем: «*А я воюю против вас: против обыкновеннейшего барина, эгоиста, сластолюбца, тупицы, уверенного в том, что все сойдет ему благополучно*».

Кавалеров в письме объявляет Бабичеву «*войну*», обзывая его при этом разными словами, звучащими в устах Кавалерова и в данном контексте как бранные, оскорбительными. Для начала он называет ненавистного противника «*обыкновеннейшим барином*». Превосходная степень имени прилагательного с суффиксом *-ейш-*, выступающего в роли согласованного определения к уже знакомому нам оценочному имени существительному (*барин*) → В этом случае превосходная степень определения и само сочетание слов подчеркивают насмешку субъекта речи над тем местом, высоким постом, которое занимает в советском государстве Андрей Бабичев.

При этом семантика лексемы «эгоист» крайне важна для общего смысла данного высказывания: по С. И. Ожегову, «эгоист - это человек, который отличается эгоизмом, себялюбец» [Ожегов, Шведова 2006: 906] → Бабичев только изображает, что весь с головой ушел в работу, думает только о людях (как накормить весь народ), хороших продуктах для рабочих (новый сорт колбасы), строительстве комбината «Четвертак». А на самом деле его интересует лишь он сам – его высокий пост, почет и сила власти, номенклатурные привилегии («прекрасная квартира», вещи и продукты из партийного «распределителя»), что вполне типично для советского чиновника.

Кавалеровское определение Бабичева как «сластолюбца» имеет двойное значение. Так, прямое значение этого устаревшего слова – «человек, любящий сласти» и, соответственно, «любящий вкусно поесть». Переносное значение того же слова – «распутник, человек разгульного образа жизни» → Бабичев не только любит вкусно поесть, но и вообще привык к «сладкой жизни», какую ведут в советской России представители партийной и хозяйственной номенклатуры, так называемые «ответственные работники».

«Тупица» как определение Бабичева уже объяснялось нами в связи с анализом предыдущего примера из текста. Кавалеров не сомневается в том, что Бабичев неумный человек, дурак, которого все принимают за умного и знающего специалиста. Негативная оценка объекта речи усиливается тем, что тот «уверен в том, что все сойдет ему благополучно» → Полная безнаказанность партийных работников – одна из наиболее характерных черт советской действительности.

Если рассматривать далее письмо, которое Кавалеров пишет Бабичеву, то становится ясно, какие чувства движут в первую очередь Кавалеровым: «Я хочу выразить вам свои чувства. Собственно, чувство-то всего одно: ненависть. Я вас ненавижу, товарищ Бабичев. Это письмо пишется, чтобы сбить вам спеси. С первых же дней моего существования при вас я начал испытывать страх. Вы меня подавили. Вы сели на меня».

Главное чувство, как мы видим, это чувство «ненависти», острое чувство вражды к Бабичеву. Здесь же Кавалеровым дается мотивация написания письма к Бабичеву – мотивация выражена устаревшим фразеологизмом «сбить вам спеси». Кавалеров тем самым как бы хотел призвать Бабичева к порядку, повлиять на него в положительную сторону, указать ему на его недостатки → Но, как следует из того же контекста, Бабичев – человек надутый и чванливый, как типичный для советского

государства «большой начальник».

Отрицательная оценка фигуры Бабичева усиливается также следующим выражением – «*при вас я начал испытывать страх*». Отсюда можно сделать вывод о том, что до момента знакомства с Бабичевым Кавалеров не знал чувства страха, никого никогда не боялся. Поэтому негативное по отношению к Бабичеву мотивировано в тексте тем, что тот вызывает у окружающих страх – своим положением, своею властью и вседозволенностью (о которой мы говорили раньше) → Видимо, Бабичеву нравится то, что его все боятся, нравится вызывать страх, даже у беззащитного Кавалерова.

Рассмотрим теперь следующее предложение: «*Вы меня подавили*». Это означает, что Бабичев *подавляет* своего протеже и всех окружающих своим номенклатурным величием, что мы заметили еще на материале нашей второй главы («*возле него смыкался круг*»). В этом примере, как и в предыдущем, негативная оценка заключается в недосказанности этого выражения, в том, что остается как бы за пределами текста романа → Страх перед Андреем Бабичевым ввергает Кавалерова в депрессию, приводит в мрачное, тоскливое настроение.

Последнее предложение – «*Вы сели на меня*» – надо понимать, конечно, не буквально, а в переносном смысле. Непереходный глагол совершенного вида «*сесть*», употребленный в выражении, не обозначает того же самого, как если бы, например, «*сесть в кресло*». Более того, с точки зрения общего контекста, скорее, именно Кавалеров «*сидит на шее*» у Бабичева. Однако сам Кавалеров ощущает эту ситуацию совсем иначе → Здесь выражение «*сесть на меня*» равнозначно по значению фразеологизмам «*смешать с грязью*» или «*задавать головоломку*», т.е. Кавалеров, попав в полную зависимость от Бабичева, испытывает постоянное на себя давление. Чувство вынужденной подчиненности унизительно.

Итак, можно сделать несколько выводов:

а) негативная оценка в тексте Ю. Олеши может быть также выражена посредством переносного значения того или иного выражения → поэтому речь Кавалерова не только использует переносные значения слов, но также нередко содержит намеки, аллегории, ассоциативные метафоры и сравнения;

б) через описание актуального состояния субъекта речи, Кавалерова, опосредованно в тексте создается негативный портрет Андрея Бабичева, поскольку отрицательные черты его характера проявляются прежде всего в его отношении к подопечному, а также к другим, окружающим его, людям.

В письме к Бабичеву Николай Кавалеров не только негативно оценивает своего корреспондента, но также описывает то, как чувствует себя в присутствии замечательного «колбасника»: *«Вы стоите в кальсонах. Распространяется пивной запах пота. Я смотрю на вас, и ваше лицо начинает странно увеличиваться, увеличивается торс, – выдувается, выпукляется глина какого-то изваяния, идола. Я готов закричать»*. Кавалеров рисует в письме негативный образ своего неприятеля, описывая Бабичева *«стоящего в кальсонах»*. Кальсоны считаются нижним мужским бельем, следовательно, принадлежат к самой интимной части гардероба, при посторонних в таком виде показываться неприлично → Бабичев не стесняется своего жильца: он его просто презирует и не считает за человека. И в этом уже таится негативная оценка данного персонажа.

От Андрея Бабичева *«распространяется пивной запах пота»*, что вызывает весьма неприятные ощущения у Кавалерова и, как результат, его негативную оценку «чистюли» Бабичева → Человек, занимающий столь высокую позицию в обществе, должен соблюдать элементарную гигиену. Однако в этом случае возникает вопрос – не показная ли была его чистоплотность, отмечавшаяся до сих пор тем же Кавалеровым?

Так, в первой главе мы рассматривали как пример позитивной оценки то, что Бабичев употребляет – видимо, дорогой импортный – одеколон. Но теперь в тексте романа появляется противоположная информация: от Бабичева дурно пахнет, он, по свидетельству Кавалерова, даже смердит → Поэтому мы, наверное, можем назвать Андрея Бабичева лицемером.

Николай Кавалеров чувствует себя при номенклатурном работнике Бабичеве униженным и оскорбленным, «задавленным» непомерным величием своего патрона. Он чувствует себя так, как чувствовал бы себя маленький человек рядом с великаном. И это тоскливое ощущение в тексте начинает приобретать гротескный характер, в речи субъекта мы наблюдаем сильное преувеличение, гиперболизацию – *«ваше лицо начинает странно увеличиваться, увеличивается торс»* → Кавалеров чувствует себя рядом с ним бесполезным и ничтожным, причем не только по величине: Бабичев вырастает в глазах за счет статуса, всемогущества и силы, утопая при этом в своем собственном величии.

При жизни он как бы заранее превращается в скульптуру, огромный памятник самому себе – *«выдувается, выпукляется глина какого-то изваяния, идола»*. Появляется ощущение, будто Кавалеров оказался вдруг перед изваянием своего врага –

перед идиолом, которому можно поклоняться, на которого можно молиться. Конечно, этим «идолом» является Бабичев. → Бабичев богоподобен. Впрочем, сравнение Бабичева с идиолом является откровенной насмешкой со стороны Кавалерова. Однако в романе Бабичев ведет себя так, как будто он действительно идол, эталон советского номенклатурщика.

При виде такого величия Бабичева Кавалерова, по его собственному определению, настолько охватывают страх и трепет, что он «готов закричать» – конечно, это из-за воображаемого страшного лица Бабичева. → Но, может быть, это вырывается крик восторга при виде вождя? Или «ура!» – как крик ликования? Иронический подтекст Ю. Олеша оставляет как бы за пределами своей книги, на усмотрение читателей...

Заклучим анализ этого фрагмента текста короткими выводами:

а) Андрей Бабичев ведет себя как идол → он чувствует себя Богом, верит в свое всемогущество;

б) Бабичев лицемер → тем самым все его «положительные» черты, что служили в прошлом основанием для позитивной оценки его фигуры, сводятся на нет;

в) он вызывает страх у людей → поэтому он должен вызывать у них такую же ненависть, как у Кавалерова.

С отрицательной стороны мы узнаем Андрея Бабичева и тогда, когда речь в романе идет о способе его говорения. Заметим, что приводимый ниже пример в тексте заключен в скобки и как бы исполняет роль ремарки, поскольку Кавалеров, ведущий беседу с Бабичевым, в этот момент не говорит, а только думает. Однако даже мысли его о Бабичеве заключают в себе негативную оценку: «(Он никогда не говорит со мной нормально. Как будто ни о чем серьезном я не могу его спросить. Мне всегда кажется, что в ответ от него я получу словицу, или куплет, или просто мычание)». В первом предложении в контексте нашего структурно-семантического анализа семантически важно определительное наречие «нормально». Оно должно бы означать то, что говорить так, как следует, не отклоняясь от принятой нормы. Но в тексте Ю. Олеша, однако, есть отрицание: «он никогда не говорит со мной нормально» → в разговоре между собой Кавалеров и Бабичев не соответствуют шести максимам выделенных Дж. Личем [Leech 1983]. Нарушаются все языковые нормы правильного общения. И нарушаются они, судя по ремарке Кавалерова, прежде всего со стороны Бабичева – это он занимает высокое место в партийной и хозяйственной иерархии советской России, а потому ему все

дозволено (с людьми он не считается, на что мы не раз обращали внимание в нашем исследовании).

Очень важным с семантической точки зрения является также следующий фрагмент предложения: «*ни о чем серьезном я не могу его спросить*». Кавалеров, в своем внутреннем монологе, оскорблен тем, что Бабичев не относится к нему серьезно, т. е. практически не считает его за человека. Для номенклатурщика Бабичева такие, как Кавалеров, – не более чем ничтожество.

Особое место во внутренней речи Кавалерова занимают предполагаемые «ответы» Бабичева на любые его вопросы: боится, что тот просто отделается от него «*пословицей*», «*куплетом*», «*мычанием*». Чтобы лучше понять смысл кавалеровского высказывания, рассмотрим семантику каждого из этих слов. Так, «*пословица*» выражает некую общую мысль, произвольно привязанную в речи к определенной ситуации, в устах Бабичева это какое-нибудь безликое мнение. «*Куплет*», по С. И. Ожегову, «строфа песни, лирического стихотворения» [Ожегов, Шведова 2006: 314], т. е. нечто легкомысленное и не относящееся к сути конкретного разговора. «*Мычание*» – это «издавание непонятых, нечленораздельных звуков», которое свидетельствует о том, что Бабичев не интересуется смыслом беседы, не слушает и не отвечает, уклоняется от участия в ней, т. е. презирает Кавалерова, считает его недостойным своего внимания. Все эти лексемы свидетельствуют о том, что Бабичев относится к Кавалерову несерьезно и считает его глупее себя.

Интерес представляет также фрагмент текста «*в ответ от него я получу <...>*», поскольку в русской традиции часто «*получают в ответ*» оскорбительное слово или даже пощечину. Из рассмотренного нами фрагмента текста можно сделать вывод: Бабичев, в беседе с Кавалеровым, не соблюдает элементарных правил хорошего тона, презирает и унижает последнего → Речевые ситуации поэтому всегда создают в романе недоразумения и межличностные конфликты.

Негативной оценкой Андрея Бабичева в романе Ю. Олеши является само его поведение. В подобных примерах из текста оценка выражается не прямо, а косвенно, через описание тех или иных его поступков и проявлений. Таким примером будет негативное отношение Бабичева к своему брату Ивану, обычно проявляющееся бурно, с раздражением: «Тогда Бабичев снова вскакивает и со сжатыми кулаками вылетает на балкон. Определенно бушуют деревья».

Из текста следует то, что Бабичев – человек несдержанный и вспыльчивый, что вряд ли характеризует его как хорошего

советского руководителя. Интересен в этом плане непереходный глагол несовершенного вида «*вскакивать*»: Бабичев нервно срывается с места, куда-то бежит. Аналогично характеризует его и глагол «*вылетать*»: на балкон он также выскакивает неожиданно, давая выход гневу, бешенству, злости – по отношению к брату. О последнем говорит сам его вид, а также агрессивная жестикуляция – «*сжатые кулаки*», что означает прежде всего угрозу и ненависть: всемогущий Бабичев угрожает своему жалкому брату.

Последнее предложение фрагмента аллегорически подчеркивает в тексте то, что Бабичев действительно нервничает, злится и бесится. Выражение «*определенно бушуют деревья*» как бы усиливает аффективность злобы, которая терзает в этот момент Бабичева.

Сделаем из этого выводы:

а) отношение Андрея Бабичева к брату Ивану более чем холодное. → Бабичев брата ненавидит, нервничает и злится при его появлении («несоветский» брат Иван не вписывается в идеальную жизнь советского хозяйственника и члена правительства);

б) сама природа (*бушующие под балконом деревья*) передает враждебные чувства номенклатурного работника Бабичева к родному брату (он презирает, стыдится брата, избегает его общества).

Итак, говоря о языковых особенностях произведения, следует отметить, что негативная оценка в тексте данного романа часто выражается рядами сравнений, выраженных, к примеру, одушевленными именами существительными, которые содержат в себе сильный отрицательно-семантический заряд. Мы заметили также то, что негативность выражений оценки бывает в тексте заключена не в прямом, а в косвенном смысле высказываний героев, особенно это касается речи субъекта, Николая Кавалерова, который, описывая свои чувства и эмоции, представляет одновременно и негативную оценку Андрея Бабичева. Позитивность в романе «Зависть» выражена всегда, напротив, ярким, очевидным для читателя способом. А негативность оценки может быть также скрытой, в речи неявной.

Исследуя выражения негативной и позитивной оценки в романе Юрия Олеши, мы также обратили внимание на ряд характерных стилистических особенностей художественного языка автора. Так, язык романа «Зависть» весьма необычен и, мы бы сказали, сильно отличается от языка писателей того же, послереволюционного, периода. Ю. Олеша употребляет, напри-

мер, целый ряд лексем, заимствованных из области науки и техники. Он смотрит на предметы, на людей, на их окружение в советской жизни с новой перспективы и таким же образом это описывает. Кроме того, следует подчеркнуть то, что Юрий Олеша – это мастер ассоциаций. Все значимые в тексте лексемы, а также целые выражения, не только важны, но и имеют какое-то дополнительное, неявное значение, часто бывая как бы с двойным дном. При этом главный герой романа, Николай Кавалеров, является в какой-то степени выражением «alter ego» самого писателя. А к новой эпохе Ю. Олеша относится двойственно, и более того – весьма критично, скептически и иронично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leech G. Principles of pragmatics. – London, New-York 1983.
2. url: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/858190>.
3. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. – М.: Изд. «Цитадель», 1998.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2006.
5. Олеша Ю. Зависть. – М.: Художественная литература, 1983.

Д.О.МОРОЗОВ

Екатеринбург, Россия

**АПРИОРНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК:
РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФИКЦИЯ**

Аннотация. Сопоставляются лингвопроекты авторов разных стран и народов (*ро, сольресоль, «звёздный язык» Хлебникова*). Устанавливаются общие черты априорных искусственных языков, доказывается их сходство с родным языком создателя.

Ключевые слова: искусственный язык; лингвопроект; философский язык; футуризм; синонимия; полисемия.

D.O.MOROZOV

Ekaterinburg, Russia

A PRIORI ARTIFICIAL LANGUAGE: REALITY OR FICTION

Abstract: Linguistic projects by the authors from different countries and nationalities (*ro, solresol, "star language" by Khlebnokov*) are compared. Common features of a priori artificial languages are singled out, the similarity with the native language of the creator is proved.

Key words: artificial language; linguistic project; philosophical language; futurism; synonymy; polysemy.

В данной работе речь пойдет о проектах международных искусственных языков, имеющих графическую и звуковую форму выражения (так называемых «пазилалиях»), конкретнее – о проектах, традиционно именуемых априорными. По классификации, известной с начала XX века по трудам Г. Мока и в первую очередь Л. Кутюра и Л. Ло, к априорным языкам относятся такие, элементы которых не заимствованы из естественных. В расширенном варианте Монро-Дюэна [Barandovská-Frank 1995] выделяются полностью априорные и частично априорные языки, причем первые характеризуются следующими чертами: выдуманный (то есть не взятый из существующих наречий, пускай даже в преобразованном, фонетически искаженном виде) корнеслов; схематичное (без исключений) словообразование посредством выдуманных аффиксов; каждый частеречный класс слов имеет специфические формальные черты (еди-

ное окончание и т. д.). В число полностью априорных входят философские языки, у которых лексика разбита по тематическим группам, причем первая буква (или слог) слова выражают родовое, предельно абстрактное значение, а последующие буквы (слоги) уточняют его (пример из проекта Дж. Уилкинза 1668 г.: De – элемент, Deb – огонь, Deba – комета, Debi – молния [Кузнецов 1987: 60]). Классическим примером подобного рода считается ро (Ro; разрабатывался с 1904 по 30-е гг. американцем Э. П. Фостером) – во многих обзорных работах по интерлингвистике он фигурирует как единственный представитель априорных на всех уровнях языков [Кузнецов 1976; Кузнецов 1991; Harrison 2002]. В настоящей статье предпринимается попытка выяснить, во-первых, можно ли считать ро безоговорочно априорным образованием, во-вторых, каковы общие свойства априорных языков. Для этой цели ро сопоставляется со сходными лингвопроектами разной степени разработанности: сольресоль (конструировался французом Ж.-Ф. Сюдром между 1817 и 1862 гг.) и «звездный язык» В. В. Хлебникова. Все авторы означенных искусственных языков не знали о труде друг друга, тем интереснее сравнить результаты их усилий. Хлебников привлекался постольку, поскольку он представляет редкий пример создателя априорного проекта (по вопросу классификации и места «звездного языка» в ряду многовековых интерлингвистических экспериментов см. работу [Гофман 1935]), открыто заявлявшего о своей опоре на материал национального языка.

Фонетика в большинстве случаев не попадает в ясное поле сознания авторов и заимствуется ими из родного языка (исключением является сольресоль, в котором строевыми элементами, аналогичными фонемам, выступают ноты и их односложные названия – до, ре, ми и т. д.). «Азбука ума», представленная в разрозненных статьях поэта, набор смыслоносущих согласных букв (одновременно фонем и морфем), обобщенная А. Г. Костецким [Костецкий 1975], совпадает с русским алфавитом, включая такие специфичные символы, как Ж, X, Ц, Ч, Ш, Щ. Сходным образом в ро встречаются звуки английского языка, произносительно трудные для иностранцев: диграф *dh* читается как *th* в слове *this*, *th* – как *th* в *thick*, *aw* – как *ow* в *owl*, *ay* как *y* в *my*; буква *w* читается как в английском, *q* обозначает носовой звук, соответствующий английскому диграфу *ng* в словах типа *sing*. Поначалу Фостер руководствовался даже специфичными английскими правилами чтения: так, продиктованное английской орфографией написание *u* в закрытом слоге из словаря ро 1919 г. в варианте 1921 г. заменяется на фонетическое:

Ро-1919	Ро-1921	Транслитерация	Перевод
bedup	bedap	бэдап	обмакивание
beduv	bedav	бэдав	мытьё

Звукобуквенный состав родного наречия кажется авторам естественным и подходящим для целей международного общения. Что касается ударения, то Хлебниковым «орфоэпические и интонационные стандарты оставлены на будущее» [Григорьев 2000: 112]. В ро ударение может приходиться на любой слог слова, логическое выделение элементов предложения также полностью зависит от желания говорящего. Зато руководства сольресолья содержат недвусмысленные указания насчет ударения (длительности звучания нот при музыкальном исполнении): от выделенного слога, например, зависит частеречная принадлежность лексемы (а у существительных к тому же – категории рода и числа). И Фостер, и Хлебников не задумываются, таким образом, над фонетическим составом своих проектов, опираясь исключительно на родной язык, равно как над вопросами акцентологии (это в какой-то мере оправдано, поскольку их занимают прежде всего проблемы семантики, однако сужает круг потенциальных носителей языка до соплеменников и людей с исключительными фонетическими способностями).

Грамматические значения (равно как и способы их выражения, вопреки распространённому мнению) также заимствуются авторами из родного языка. Хлебников не успел разработать грамматики «звездного языка», ограничившись формулировкой значений основных строевых элементов, однако, приводя в статье «Художники мира!» перевод русского предложения на свой незавершенный лингвопроект, использовал существительные в родительном падеже и противительный союз «но» (отмечено В. П. Григорьевым [Григорьев 2000: 113]; Фостер, как будет показано ниже, также заимствовал без изменений служебные слова). Вероятно, при детальном описании «звездный язык» перенял бы у русского слова служебных частей речи и многие грамматические категории (например, падежа). Во всяком случае, такова ситуация в сольресолье и ро, при том что их авторы утверждали, будто много лет потратили на изучение различных языков в целях выявления универсальных значений, в том числе грамматических, необходимых и достаточных для человеческого общения (приведем страстно-метафоричное высказывание Фостера: «...на протяжении многих лет с приснопамятного мгновения мой ум был непрерывно занят решением поставленной проблемы. Для этого пришлось анализировать слова и предложения, изучать грамматики раз-

личных языков, стараться проследить этапы, преодолевавшиеся человеческим сознанием на пути создания орудия для выражения мыслей, пытаться отвергнуть ошибки и неточности и собрать воедино положительные явления языка, дабы создать на их основе наречие, которое могло бы гибко и гармонично облекать мысли, как идеально подобранная одежда, ведь мысли жаждут точных слов, в которые им было бы удобно облачиться» (перевод наш. – Д. М.) [Foster 1919: 2]). В сольресоле, например, есть определенный артикль (отсутствие артикля равнозначно употреблению неопределенного), а в ро – и определенный, и неопределенный артикли (форма их – **at**, **ap** – отлична от английских *the*, *a/an*, но значение эквивалентно). Вот еще некоторые наиболее явные сходства ро и английского:

– одна и та же основа в зависимости от контекста может употребляться и в качестве существительного, и в качестве глагола;

– у существительных есть падеж, соответствующий русскому родительному принадлежности, причем о нем сигнализирует окончание (в английском – **s**, в ро – **e**);

– перед инфинитивом употребляется особая частица (что не встречается практически ни в одном проекте искусственного языка для международного общения): **ap kecav** = *a walk* = прогулка, **eb kecav**=*to walk*=гулять;

– в настоящем времени может использоваться основа инфинитива без частицы: **at radac kecav**=*the boy walks*=мальчик гуляет (при том, что в ро существует глагольное окончание настоящего времени, **-el**, и Фостер спорадически использует его: **ad habel ap selab**=*he has a hope*=он надеется (дословно – имеет надежду));

– в ро представлены все времена английского языка (в том числе в страдательном залоге), причем, за исключением неопределенных и совершенных, имеющих особые окончания, в ро при образовании сложных временных форм, как в английском, используются вспомогательные глаголы и причастия (прошедшего и настоящего времени);

– в вопросительном предложении обязательно употребляется глагол-связка.

Как видно, с точки зрения грамматических значений и наиболее абстрактных правил образования грамматических форм ро ничем не отличается от английского. Изменения касаются разве что звукобуквенной формы показателей (например, вспомогательных глаголов, причастий; в ро невозможна омонимия между формами простого прошедшего времени глагола и

его причастий прошедшего времени, что обычно для английского) да некоторых частностей (у глаголов в ро отсутствуют категории лица и числа, выражаемые в предложении подлежащим; в ро во избежание путаницы вопросительный вспомогательный глагол отличается от утвердительного). То же самое относится к сольресолою: даже рода в нем, как во французском, два – мужской и женский (характерно, что в англоязычном переводе «Грамматики сольресоля» [Rice 1997] Гаевского упоминаются три рода, причем средний выделяется только по семантическому критерию).

Как ни странно, зависит от родного языка и лексическая категоризация. Фостер, подобно энциклопедистам XVIII в., мечтал создать язык, с помощью которого "крестьяне смогут судить о сущности вещей лучше, чем это делают ныне философы", потому что "этот язык зависит от истинной философии, ибо перечислить все мысли людей невозможно иначе, как только подчиняя их порядку и так их различая, что они будут ясными и простыми" (письмо Декарта аббату Мерсенну; цит. по [Свадост 1968]); автор ро характеризовал замысел своего проекта сходным образом: «...создание подобного языка может начать новую эпоху в истории человечества, поскольку данное достижение сделает знание легко доступным и чудодейственным образом подхлестнет развитие науки и вызовет новые открытия» (перевод наш. – Д. М.) [Foster 1919: 2]. Более того, автор лингвопроекта обладал мессианским самосознанием, утверждая, что язык, основы которого он закладывает, в будущем вытеснит все прочие наречия и оставит без работы всех нынешних преподавателей иностранных и мертвых языков: «Можно сколько угодно сочувствовать наборщикам, но когда появился линотип, они должны были либо научиться пользоваться им, либо уйти, так что когда априорный язык завоеует всеобщее признание, профессор-латинист должен будет либо выучить его, либо найти себе другую работу... ро обязательно победит» (перевод наш. – Д. М.) [Foster 1921: 31]. Фостер утверждал, что в ро каждое слово соответствует наиболее абстрактной идее, имеющей выражение в каждом языке, и данных идей необходимо и достаточно для нормальной коммуникации. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется: количество предлагаемых автором универсальных идей соответствует количеству слов английского языка. Трудно объяснить, чем различаются следующие синонимы, кроме сочетаемости (очевидной, кстати, только людям, говорящим на английском с детства): **ceb** – part; **cedab** – component; **cefab** – constituent; **cegab** – ingredient; **refabo** – possi-

ble; **refado** – probable; **yubo** – possible; **yuco** – probable; **rejab** – bound; **rejad** – limit. Число подобных примеров можно увеличить. В других случаях лексема *ro* переводится многозначным английским словом; как правило, сам Фостер, создавая тексты на *ro*, пословно переводил с английского, и некоторые единицы философского лингвопроекта, вопреки заявленным принципам (одно слово – одно значение), оказывались неоднозначными: **rulacar** – pressman (журналист; печатник, работник типографии; прессовщик), **rupab** – paper (бумага; статья; газета; официальный документ); **risav** – sanity (нормальная психика; здравомыслие). Возможны случаи явной избыточности, синонимии, когда два слова не различаются по значению: **ticalo** – old; **tifo** – old. Иногда синонимия объясняется тем, что лексема попадает сразу в несколько тематических групп (например, вышеприведенные пары **refabo/yubo** и **refado/yuco** относятся к следующим категориям: **re** – мыслительный процесс (в том числе такие операции, как доказательство и допущение вероятности), **y** – модальность, утверждение, сомнение). Фостер, занимаясь языковой семантикой, видимо, в силу отсутствия языкового чутья не заметил очевидного: пересекаемости тематических групп. В большинстве случаев он стремился включить слово в состав конкретной категории, однозначно научно каталогизировать понятие, что приводило к занятным казусам: с **po** начинаются лексемы, связанные с едой и напитками, употребляемыми людьми (**pofam** – молоко; **polaf** – батон), однако основной напиток – вода (**bedac**) – попадает в класс, относящийся к агрегатному состоянию вещества (в сольресоле 1866 г., кстати, «вода» и «еда» входят в одну тематическую группу, а в варианте 1902 г. тематически объединяются слова «вода» и «хлеб»), а огородные растения, употребляемые в пищу (**luga**; **lugbap** – горох), относятся к классу слов, обозначающих растения. Логика *ro* оказывается неуниверсальной, противоречивой, не всегда устраняются такие «пороки» естественного языка, как полисемия и синонимия, вопреки всем усилиям автора лингвопроекта.

То же самое относится и к сольресолу. Из-за ограниченности числа элементов и их сочетаний (семь нот позволяют образовать 7 односложных слов, 49 двусложных, 336 трехсложных, 2268 четырехсложных и 9072 пятисложных, итого 11732 лексемы) Сюдр встал перед необходимостью «уплотнять» семантику слов, объединять в одном лексическом значении несколько близких: **solla** означает *обычно, непрерывно, всегда, бесконечно*, **refasi** – *отвечать* (на вопрос), *отвечать* (говорить в от-

вет на реплику собеседника), *откликаться, возражать*, **ladomido** – *устанавливать, основывать, учреждать, вводить* (правила). Однако зачастую автор, видимо, под влиянием французского языка, не чувствует семантической общности лексем и подбирает каждой из них самостоятельное слово: **f'adosido** – садоводство, огородничество (*jardinage, horticulture*), **f'adore-dore** – земледелие (*agriculture*); **ladorela** – *продавать, сбывать в розницу*, **ladoresi** – *продавать оптом*. В других случаях Сюдр конкретизирует значение каждого синонима, что противоречит принципу экономии, требующему отбора наиболее абстрактных, универсальных идей, и приводит к появлению избыточных с точки зрения данного принципа лексем. Так, по-разному именуется Иисус Христос: **d'osolmi** – Иисус Христос как Бог, как второе лицо Троицы; **d'olasolol** – Избавитель, Иисус Христос как Искупитель, избавивший человечество от первородного греха. Различаются глаголы со значением предвидения: **misirela** – *предчувствовать, предвидеть, предсказывать*; **misi-resi** – *гадать, предсказывать будущее; предвещать, пророчествовать*; **dofasire** – *предвидеть, предусмотреть*. Два первых слова объединяются значением «предвидеть (будущее)». Однако первое означает интуитивное, неосознанное, ненамеренное предвидение, второе – проявление пророческого дара, осознаваемого и используемого намеренно. Последняя лексема связана с проявлением предусмотрительности, умением прогнозировать, предвидеть что-либо на основе логических умозаключений, и семой рациональности противопоставлена остальным. Подобные примеры весьма многочисленны; приведем еще два: **fasifa** – *желать (проявлять свою свободную волю)*, **domisire** – *желать (претендовать на что-либо)*, **mifala** – *желать (страстно стремиться к чему-либо)*; **resolfa** – *копать (о земляных работах вообще и связанных с возведением оборонительных насыпей в частности)*, **solsisolsol** – *рыть, выкапывать могилу*.

Не может избежать Сюдр и элементарной национальной ограниченности: так, в его проекте существуют слова **lafasoldo** – *наличные деньги*, **lafasolla** – *франк*, **lafasolsi** – *сантим*, однако названий других валют не предусматривается (а между тем предполагалось, что язык будут использовать прежде всего путешественники). Национально-специфичны и зачастую непереводаемы на другие языки наименования, связанные с административным делением страны, структурой власти, министерствами, этикетными формулами, учебными заведениями (у современных французов, живущих в республике, думается, некото-

рые историзмы данных групп тоже могут вызвать трудности при восприятии): **s'ifaresol** – округ, департамент (фр. *département*), **s'ifarela** – провинция, местность, область (*province*); **s'ilasoldo** – военное министерство, **s'ilasolre** – министерство военно-морского флота и колоний, **s'ilasolmi** – министерство просвещения, **s'ilasolsi** – министерство изящных искусств; **s'iresolfa** – Ваше превосходительство (*Votre Excellence*), **s'iresolla** – Ваше высокопреосвященство (*Votre Eminence*), **s'iresolsi** – Ваше преосвященство (*Votre Grandeur*); **s'idomimi** – школа искусств и ремесел, **s'idofafa** – консерватория, **s'idosolsol** – политехническая школа, **s'idolala** – педагогический институт, **s'idosisi** – центральная школа. Таким образом, нельзя сказать, что «сольресоль делает выражение мысли кратким и предоставляет простой, ясный, верный и точный перевод, совершенно понятный всем народам» (перевод наш – Д. М.) [Rice 1997]. Более того, тематические группы слов, представленные в сольресоле и ро, произвольны и неуниверсальны, в отборе и группировке лексики проявляется тенденциозность, авторы создают своего рода идеологические манифесты, отражающие их личные взгляды и взгляды общества, в котором они живут (а это, напомним, противоречит декларировавшимся ими, в особенности Фостером, принципам объективности и всеобщности). В сольресоле в обширном разделе религиозной лексики (уже его внушительный объем свидетельствует о религиозности автора) упоминаются следующие религии: христианство, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм и язычество. Вся богословская и богослужебная лексика при этом описывает христианство (есть слово для обозначения Евангелия, но нет названий Корана и Торы, и т. д.). Таким образом, буддизм, индуизм, даже православие остаются за пределом кругозора говорящего на сольресоле, а авраамические религии характеризуются только понятиями, общими с христианством (молитва, пост, ангел). Палиндромная антонимичная пара к слову «Бог» свидетельствует, что речь идет именно о христианском Боге: **d'omisol** – Бог; **s'olmido** – Сатана (заметим в скобках, что включение данной лексемы в группу трехсложных, содержащих самую необходимую и частотную в речи часть словаря, за пределами основного массива религиозной лексики, представленного четырехсложными единицами с повторяющимися нотами, начинающимися на **do**, указывает на важность этого слова для автора лингвопроекта), – а лексема для обозначения языческого божества отсутствует. То есть на сольресоле можно написать католический богословский трактат, но

нельзя охарактеризовать политеистическую религию! Соседство слов, относящихся к атеистам, с лексемой, означающей заблуждение, является явно оценочным и пропагандистским: **resoldo** – сомневаться в существовании Бога; **resolre** – заблуждаться, ошибаться. В ро в группе религиозной лексики нет даже слов, называющих другие авраамические религии, кроме христианства, хотя присутствует наименование православия; антоним, образованный путем инфиксации, тоже указывает, что слово «Бог» неприменимо к божеству политеизма: **Suva** – Бог; **Suvna** – Сатана.

По политическим взглядам Сюдр был монархистом (или пытался предстать таковым в глазах Наполеона III, которого знакомил со своим лингвопроектом и на поддержку которого рассчитывал). Поэтому слово «демократия» соседствует у него с единицами, обозначающими отрицательные понятия – смуту, междоусобицы: **s'isollare** – демократия; **s'isollafa** – отсутствие согласия, анархия, смута; **sisollasol** – вносить разногласия, расстраивать единство; **s'isollasi** – мятеж, бунт. Фостер не дегоризации слов, относящихся к политике, опирается не на прямое значение, дает не объективную, а оценочную номинацию: **vijab** – хитрость, **vijad** – дипломатия, **vijalar** – политик. Естественно, внешнеполитическая деятельность государства и политика вообще вовсе не обязательно связаны с «хитростью», обманом.

Еще одним серьезным недостатком категоризации является обособление неполнозначительных слов (приставок, союзов, местоимений и т. п.). Конечно, в естественном языке предельная абстрактность семантики, сводимой к грамматическому значению, позволяет выделить подобные единицы в отдельный класс, однако специфика философского языка состоит в конкретизации значения, в движении мысли от общего к частному в пределах одной тематической группы; потому естественно было бы встретить предлоги среди слов, связанных с пространством и временем, союзы – среди лексем, обозначающих мыслительные операции, и т. д. В ро неполнозначительные слова начинаются с гласных: с **а** – местоимения и артикли, с **е** – формы глагола «быть» (вследствие возможности использоваться в качестве вспомогательного глагола или глагольной формы в составе сложного времени данные единицы относятся к неполнозначительным, хотя логичнее было бы включить их в группу со значением «бытие, существование, жизнь»), с **і**, **о** – предлоги, с **и** – союзы. В сольресоле артикль, предлоги, союзы, ме-

стоимения, а также часто употребляемые слова (включая этикетные формулы, например: **simi** – *доброе утро/день*; **solsi** – *спасибо*; **sisol** – *сударь*) состоят из одной, двух либо трех нот, краткостью отличаясь от основного лексического массива.

Влияние родного языка не ограничивается семантической сферой. Фостер заимствует в видоизмененном виде из английского даже иные некорневые морфемы: в ро представлен суффикс со значением деятеля **-ar** (ср. англ. *-er*) и окончание множественного числа **-z** (в английском аналоге *-s/es* часто произносится звук [z]). Симптоматично, что английские существительные *pluralia tantum* оказываются таковыми же в ро: **hepatz** = *winnings* = *выигрыш*; **pufabz** = *ashes* = *пепел*; **velakz** = *resources* = *денежные средства*. В ро существует приставка и инфикс **n** с отрицательным значением (**era** – *будучи*, **nera** – *не будучи*; **sikab** – *любовь*, **siknab** – *ненависть*), причем антонимичность приписывается согласному под явным влиянием английского слова *no* – нет.

У всех рассматриваемых авторов основными носителями смысла оказываются согласные звукобуквы, гласные же факкультативны и в основном служат целям эвфонии. В сольресоле гласные буквы названий нот на письме могут опускаться (исключение составляет «соль») (**sol**, **so** в сокращенной записи), которую иначе можно было бы перепутать с «си»), аналогичные явления допустимы и при произнесении. Хлебников исходил из следующих предпосылок: «1. Первая согласная простого слова управляет всем словом – приказывает остальным. 2. Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку рассудка» [Хлебников 1987: 628]. Это, по мысли поэта, характеризует и всякий естественный язык (в том числе русский, причем значения звуков мыслятся общими для всех человеческих языков), и чаемый философский «звездный». Отталкиваясь от значений одинаково начинающихся русских слов, Хлебников формулировал семантику согласных звуков и намеревался в дальнейшем использовать их в качестве самостоятельных единиц (корневых морфем), минимизировав, логически упорядочив и интернационализировав словарный запас: «все виды обуви будут называться *Че* ноги, все виды чашек – *Че* воды, ясно и просто» [Хлебников 1987: 628]. Основное отличие «звездного языка» от русского и всякого другого состоит с точки зрения поэта не в значении звукобукв и не в их иерархии в составе слова, а в замене неисчислимого количества корней естественного языка обозримым набором семантических

элементов «звездного». К сожалению, работу над своим лингвопроектом Хлебников не завершил, ограничившись установлением значений мельчайших единиц, и мы не имеем возможности судить, как эти идеи реализовались бы на практике.

Интересно, что в дальнейшем Хлебников рассчитывал использовать для различения слов чередования гласных: «относительно *О* и *Ы* можно сказать, что стрелки их значений направлены в разные стороны и они дают словам обратные значения (*войти* и *выйти*, *сой* – род и *сый* – особь, неделимое; *бо* – причина и *бы* – желание, свободная воля)» [Хлебников 1987: 629]. Сходный принцип семантизации гласных на основе противопоставления фонологических пар реализован в ро, где антонимы различаются буквами **i** и **o** (что, видимо, наваяно противопоставлением английских предлогов *in/on*): **ob** – за, сзади, **ib** – перед; **lib** – жизнь, **lob** – смерть; **mi** – крик, вопль, **mo** – визуально воспринимаемое выражение эмоций; **ticalo** – старый, **to-calo** – новый; **giro** – дорогой, **goro** – дешевый. Возможны и более длинные ряды чередований: **hip** – молить, упрашивать, **hop** – давать, даровать, жаловать, **heb** – получать; **hub** – терять.

С. Н. Кузнецов в качестве апостериорных элементов в ро приводит названия рек, где последний слог воспроизводит начало исходного слова: **Buraga** – Ганг, **Burajo** – Иордан, **Burale** – Лена, **Burevo** – Волга [Кузнецов 1976: 61]. Подобным образом создаются и названия стран и континентов: **Drade** – Европа, **Draderu** – Россия, **Dradespa** – Испания (при этом, конечно же, за основу берутся собственные имена в английском написании: *Europe, Russia, Spain*) [Foster 1913: 29]. Однако в реальности число апостериоризмов куда больше и не ограничивается онимами. Начальный элемент английских эквивалентов (от одной буквы до целого слога; Фостер предпочитает сохранять графический облик заимствуемого компонента) присутствует на конце многих слов ро, и, особенно при наличии ряда единиц одной тематической группы, это трудно считать совпадением: **hex** – обменивать (**exchange**), **mirak** – ключ (**key**), **pofac** – кофе (**coffee**), **pofam** – молоко (**milk**), **pojам** – варенье (**jam**), **polaf** – батон (**loaf**), **porac** – сливки (**cream**), **posag** – сахар (**sugar**), **posal** – соль (**salt**), **posam** – горчица (**mustard**), **posap** – перец (**pepper**), **posav** – уксус (**vinegar**).

В случае с предлогами и союзами чаще совпадают финали лексемы ро и ее английского эквивалента: **ud** – и (**and**), **uf** – если (**if**), **ur** – или (**or**), **ut** – что (**that**), хотя возможны и другие варианты: **ub** – но (**but**), **uth** – или (первая часть составного союза; **either**). Одно слово заимствуется из английского вообще

без изменений: **in** – в, другое – с минимальным графическим изменением: **of** – с, со (убрать книгу со стола; англ. *off*). В предлоге **ov**, соответствующем английскому *of*, последний звук меняется на звонкую пару (вероятно, к моменту создания слово **of** уже существовало в ро).

Нередко начальный элемент английского (или латинского) эквивалента повторяется в начале слова ро. Так, формы глагола «быть» (по совместительству нередко – временные окончания) начинаются с **e**, как латинские глаголы *existo*, *esse*, оставившие след во многих европейских языках. Показатель инфинитива настоящего времени, **eb** (от него при помощи окончания **-a** образуется инфинитив: **eba** – быть, существовать) является прочитанным задом наперед английским (*to*) *be* – «быть». Палиндромия используется авторами лингвопроектов для видоизменения единиц естественных языков не только в ро (например, волапюкское *nam* (рука) восходит к латинскому *man-us*). Показатель предпрошедшего времени **ed** тождествен типовому английскому окончанию причастия, участвующего в образовании предпрошедшего.

Слово ро **hab** (иметь) удивительным образом напоминает английский глагол **have** и латинский **habeo** (а также немецкий **haben**). Соответственно, с буквы **h** в ро начинаются все слова, имеющие отношение к обладанию, приобретению, дарованию/сдаванию в аренду, потере, желанию/просьбе. Таким образом, Фостер действует так же, как Хлебников: взяв за основу какое-либо слово естественного языка, расширяет его значение и приписывает получившуюся семантику первой букве (слогу) данной лексемы. Элемент **li**, начинающий слова, связанные с жизнью/здоровьем, соотносится с английскими словами **life** (жизнь), (*to*) **live** (жить); от него по правилам ро образуется начальный слог с антонимичным значением (смерть/болезнь) – **lo**. Лексемы, имеющие отношение к звукам (в том числе музыкальные термины), начинаются с **mi** (ср. англ. *music*). Слово **murma** (мышь) напоминает и английское *mouse*, и латинскую форму косвенного падежа *muris*. Вот еще некоторые подобные соответствия: **ri** – то, что связано с сознанием, разумом (память, вера, наука) – англ. *reason* (к интеллектуальной деятельности имеют отношение и другие слова, начинающиеся с этой буквы: **re** – мышление/восприятие органами чувств, **ro** – язык, **ru** – символы, печатные издания; возможно, слово **ra** (человек) тоже подчеркивает разумность людей и основывается на наименовании *homo sapiens*); **sa** – эмоциональность – англ. *sensibilities* (некоторые прочие слова на **s** тоже относятся к эмоциям:

sebac – счастье, **siba** – дружба); **ta** – время – англ. *time* (другие первые слоги с **t** тоже связаны со временем: **te** – продолжительность, **ti** – момент времени, **to** – медленность, отдых, остановка, **tu** – недолгое время); **ye** – да – англ. *yes* (соответственно, **y** получает различные модальные значения – утверждения, сомнения, вероятности: **ya** – подтверждать, **yi** – точно, несомненно, **yo** – утвердительный, **yudo** – точный); **zax** – ноль – англ. *zero* (с **za** начинаются названия и всех прочих чисел, равно как математических операций: **zavnad** – кубический корень); **va** – воля, **ve** – желание, **vi** – воля на работе, **vo** – общая воля, **vu** – взаимная воля, согласие, ограничение воли – лат. *voluntas*. Кроме того, **w** – начальная буква вопросительных слов – совпадает с первой буквой самых частотных английских вопросов: *who* (кто?), *when* (когда?), *where* (где?), *why* (почему?), *what* (что?).

Даже в сольресоле, где в качестве строевых элементов используются ноты, их выбор может быть обусловлен близкими по звучанию к названиям нот словами естественных языков. Так, определенный артикль **la** напоминает французский **le**, а нота **si**, обозначающая согласие (да, согласен, охотно), думается, возникла под влиянием испанского или итальянского слова, соответствующего русскому «да».

В итоге получается, что человек, создавая новый язык, не может избежать влияния родного (или других, хорошо известных ему), даже если очень хочет этого, подобно Сюдру и Фостеру. Создать полностью априорный язык не удалось ни одному из авторов проанализированных лингвопроектов, причем апостериоризм распространялся не только на фонетику и лексическую семантику, но проявлялся также в материальных заимствованиях из родного языка. Если верить искренности Фостера, в ро заимствования эти можно признать неосознанными, и тем ярче демонстрируют они неспособность человека абстрагироваться от родного языка. Хлебников, «дистиллировавший» значения букв из русских слов, возможно, дал в своих статьях, посвященных проблеме «звездного языка», самую объективную картину процессов, происходящих в сознании человека, стремящегося создать априорный философский искусственный язык: под влиянием родного наречия те или иные звуки неизбежно ассоциируются с определенной семантикой. Все рассмотренные лингвопроекты являются, таким образом, смешанными, априорно-апостериорными. Но принципиально важно другое: авторская «слепота», неумение объективно, непредвзято взглянуть на собственный лингвопроект и дать ему несубъ-

ективную оценку. Всегда существует зазор между проектом и его воплощением, между учебным и строго научным описанием искусственного языка, что создает дополнительные трудности для исследователей: необходимо не «верить авторам на слово», а критически анализировать их труды, сопоставляя декларировавшиеся и явно прописанные принципы лингвоконструирования с реально действующими, имплицитными характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман В. Языковое новаторство Хлебникова // Звезда. 1935. № 1. С. 209–236.
2. Григорьев В. П. Будетлянин. – М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Дуличенко А. Сольресоль // Наука и жизнь. 1995. № 3. С. 90–93.
4. Костецкий А. Г. Лингвистическая теория В. Хлебникова // Структурная и математическая лингвистика. – Киев, 1975. Вып. 3. С. 34–39.
5. Кузнецов С. Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков // Проблемы интерлингвистики: Типология и эволюция международных искусственных языков. – М.: Наука, 1976. С. 60–70.
6. Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1987.
7. Кузнецов С. Н. Краткий словарь интерлингвистических терминов // Проблемы международного вспомогательного языка. – М.: Наука, 1991. С. 171–228.
8. Свадост Э. Пионеры универсального языка в XVII веке // Как возникнет всеобщий язык? – М.: Наука, 1968. URL: <http://www.nightskate.tk/09-25.htm> (дата обращения: 02.11.2010).
9. Хлебников В. В. Творения. – М.: Советский писатель, 1987.
10. Barandovská-Frank Vera. Klasifikado kaj konstrukriterioj de planlingvoj. – San Marino: Akademio Internacia de la Sciencoj, 1995. URL: <http://www.cs.uni-paderborn.de/extern/fb/2/Kyb.Paed/INT/04-int.htm> (дата обращения: 12.10.2007).
11. Foster E. P. Ru Ro: Outline of Universal Language. – Marietta, Ohio: World-Speech Press, 1913. URL: <http://ia341212.us.archive.org/2/items/rurooutlineuniv00fostgoog/rurooutlineuniv00fostgoog.pdf> (дата обращения: 01.11.2010).
12. Foster E. P. Dictionary of Ro, the World Language: Ro-

English and English-Ro. – Marietta, Ohio: World-Speech Press, 1919. URL: <http://ia341218.us.archive.org/3/items/dictionary-rowor01fostgoog/dictionaryrowor01fostgoog.pdf> (дата обращения: 01.11.2010).

13. Foster E. P. Roap: English key to Ro, the World Language. – Waverly, W. Va.: The Ro Language Society, 1921. URL: <http://taliesin.nvg.org/mirrors/Roap1921.pdf> (дата обращения: 01.11.2010).

14. Gajewski B. Grammaire du Solresol. – Paris, 1902. URL: www.ptialaska.net/~srice/solresol/solresol.htm (дата обращения: 18.12.2006).

15. Harrison R. K. A system of classifying constructed languages. 2002. URL: <http://www.rickharrison.com/language/l-types.html> (дата обращения: 02.11.2010).

16. Langue Musicale Universelle, inventée par François Sudre. – Paris: 1866. URL: <http://www.ifost.org.au/~gregb/solresol/sudre-book.pdf> (дата обращения: 11.10.2010).

17. Rice S. L. [transl.] Grammar of Solresol, or the Universal Language of Francois Sudre by Boleslas Gajewski, Professor. – Paris: 1902 [transl. in 1997]. URL: <http://www.ifost.org.au/~gregb/solresol/sorsoeng.htm> (дата обращения: 11.10.2010).

М. С. ПЕСТОВА

Екатеринбург, Россия

**ЭМОТИВНОСТЬ И ОЦЕНОЧНОСТЬ
КАК ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОННОТАЦИИ
ДИСФЕМИСТИЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ПОСТРОЕННЫХ НА ГИПЕРБОЛЕ,
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В результате анализа фразеологизмов, дающих негативную оценку человеку в английском и русском языках, выделяются основные эмосемы (презрительная, пренебрежительная, неодобрительная, ироническая, нейтральная, шутливая, одобрительная), которые могут лечь в основу построения единой системы эмоционально-оценочных помет при фразеологизмах в словарях.

Ключевые слова: эмотивность; коннотация; фразеологизм; гипербола; дисфемизм; русский язык; английский язык.

M. S. PESTOVA

Ekaterinburg, Russia

**EMOTIVITY AND EVALUATION AS KEY COMPONENTS OF
CONNOTATION OF DYSPEHEMISTIC PHRASEOLOGICAL UNITS
BASED ON HYPERBOLE IN RUSSIAN AND ENGLISH**

Abstract: As a result of analysis of phraseological units with negative evaluation of a person in English and Russian main emotive semes are identified (contemptuous, neglecting, disapproving, ironical, neutral, joky, approving), which can lay the foundation of integrated system of emotional evaluative signs in phraseological dictionaries.

Key words: emotivity; connotation; phraseological unit; hyperbole; dysphemism; Russian, English.

Исследования, посвященные способам воздействия на общественное сознание, зачастую связаны с исследованием манипулятивных технологий и методов преимущественно в области психологии (Доценко 1996; Грачев, Мельник 1996, 2002), политологии (Кара-Мурза 2002, 2004; Прокофьев 1999). В области лингвистики исследования, связанные с изучением механизма манипулирования общественным сознанием, пока не

представлены широко, что представляется нам необоснованным по той причине, что манипуляция в большинстве случаев осуществляется с помощью средств языка и, таким образом, является лингвистической проблемой.

Действительно, человеку свойственно подвергаться воздействию и воздействовать самому на других представителей своего социума. Дисфемистичные фразеологические единицы, построенные на гиперболе, в английском и русском языках, заведомо представляют собой негативную, неблагоприятную, вызывающую антипатию систему оценок, представляют собой, как правило, преднамеренную замену эмоционально и стилистически нейтрального слова с целью эмоционального воздействия на реципиента.

В своей кандидатской диссертации «Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы» И. С. Курахтанова формулирует подробную трактовку термина «гипербола». Гиперболой она называет «лингвистический прием намеренного, образного, нереального преувеличения большой (или преуменьшения малой) меры актуального для говорящего признака предмета, явления или действия, служащий одновременно как для интенсификации меры признака, так и для передачи индивидуального эмоционального и эстетического восприятия этого признака» [Курахтанова 1978: 11].

По мнению А.П.Чудинова, «гипербола – образное словопотребление, преувеличивающее какой-то предмет или признак, хотя и не предполагающее введения слушателя в заблуждение» [Чудинов 1998: 101].

Под фразеологическими единицами, построенными на гиперболе, нами понимаются фразеологизмы, прототипы которых представляют собой намеренное искажение реальности. В рамках реализации механизма гиперболы противопоставляются две далеко отстоящие друг от друга меры признака – реальная и преувеличенная.

В качестве основных компонентов дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, мы рассматриваем признак, интенсивность которого является денотатом плана выражения, реальную и гиперболическую меру признака. Контрастное сопоставление двух далеко отстоящих друг от друга мер признака приводит к нарушению реальных взаимоотношений явлений действительности. Столкновение гиперболической меры признака с реальной приводит к переосмыслению связей и оценок явлений реальной действительности, так

или иначе зафиксированных в тезаурусе воспринимающего индивида. Так, фразеологизм «*волк в овечьей шкуре*» (о лицемере, человеке, прикрывающем свои дурные намерения, действия маской добродетели) обыгрывает образы двух животных: волка, известного нам хищника, и овечки – существа кроткого характера. Противопоставление далеко отстоящих друг от друга по своей сути образов в данном случае позволяет говорящему сделать акцент на интересующих его характеристиках и, таким образом, создать третий образ, образ существа, характеризующегося своей подлостью, двуличием, корыстными намерениями.

Многоаспектность фразеологического значения, его усложненная информативность, дополнительная оценочная нагрузка на сегодняшний день представляют собой важные и дискуссионные задачи современной лингвистики.

В формировании фразеологической семантики, рассматриваемых нами фразеологических единиц, задействованы механизмы как рационального, так и чувственного познания действительности, при помощи чего осуществляется ее основная функция передачи субъективной информации об объекте номинации и выражения отношения к нему субъекта.

Зачастую за основу анализа фразеологического значения лингвисты берут концепцию структурности лексического значения, разработанную лексикологами. Тем не менее, фразеологическое значение представляется нам по сравнению с лексическим достаточно специфичным. Фразеологическое значение основывается на комплексе лексем, передающем представления о предметах или явлениях действительности, в то время как значение слова формируется на основе совокупности морфем. Речь идет об относительной целостности семантики фразеологизма; общеизвестен факт того, что слова в ее составе утрачивают (или ослабляют) свое значение. Членимость внешней и внутренней форм фразеологической единицы указывает на ее готовность к речевой актуализации, в то время как форма слова характеризуется своей монолитностью [об этом см. Алефиренко 1980; Мокиенко 1989; Телия 1996].

Денотативный макрокомпонент в структуре фразеологических единиц способствует выявлению предметной отнесенности знака, вызывая в человеческом сознании предметное представление. Сигнификативный макрокомпонент определяет соотнесенность фразеологизма с представлением или понятием как носителем каких-либо свойств, качеств и имеет более высокую степень абстрактности. Денотативный и сигнификатив-

ный компоненты взаимодействуют и образуют единое предметно-логическое содержание фразеологизмов.

Значение фразеологических единиц, построенных на гиперболе, возникает в результате нарушения сочетаемости смысловой связи объекта и указываемой гиперболической меры признака. В основе лежит механизм контрастного сопоставления реальных признаков исходного денотата и признаков денотата, являющихся их гиперболической абстракцией.

Признавая важность денотативного компонента значения как ведущего в составе значения слова и вторичного в семантическом содержании фразеологизма, мы рассматриваем коннотацию как комплекс сигналов, направленных на эмоциональное воздействие на реципиента. Коннотативный аспект значения дисфемистичных фразеологических единиц, характеризующийся пейоративной оценкой описываемого объекта и выделяющий их на фоне прочих языковых единиц, подлежит более детальному рассмотрению.

Высокая значимость коннотативного аспекта в значении фразеологических единиц отмечается многими исследователями. Нельзя не согласиться с мнением, что под основной задачей коннотации следует понимать "эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам" [Шаховский 1994: 21].

В процессе формирования плана содержания фразеологических единиц, построенных на гиперболе, действуют как понятийный (абстрактно-логический), так и эмоциональный центры. Обозначая высокую интенсивность меры признака, гиперболическая языковая форма вызывает ассоциации причинно-следственного характера.

При этом акцент ставится не на объективном определении выделяемого признака, а на интенции говорящего передать весь спектр испытываемых им супрасубъективных чувств с целью эмоционального воздействия на слушающего. Эмоционально возбужденное состояние говорящего в момент употребления дисфемистичных фразеологических единиц, основанных на гиперболе, определяет его неспособность воспринимать и отражать окружающую действительность иначе, как гиперболически.

Двуплановость семантической структуры фразеологизмов, построенных на образном переосмыслении, придает высокую значимость микрокомпонентам коннотации и коннотации в целом. При этом нужно отметить тот факт, что коннотация рассматриваемых нами гиперболических фразеологических единиц

не может играть ведущую или ведомую роль в семантической структуре фразеологизмов. Коннотативный компонент наряду с сигнификативно-денотативным создает значение фразеологических единиц, а также и помогает выделить их на фоне прочих языковых единиц.

Коннотативный макрокомпонент значения дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, характеризуется высокой образностью, интенсивностью, экспрессивностью, пейоративной оценочностью своего значения и их использование, таким образом, является эффективным способом эмоционального воздействия на слушателя/читателя. Рассмотрим оценочный и эмотивный компоненты коннотации подробнее.

Б. А. Ларин отмечает «добавочную оттеночность» в качестве специфики фразеологического значения. По его мнению, «в языке сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма "значений" отдельных слов» [Ларин 1977: 36]. Идеи «нового смысла», «приращения смысла», «семантической добавочности», «добавочной оттеночности» чаще всего выдвигают и отстаивают именно те фразеологи, которые изучают функционирование фразеологических единиц в художественной или живой речи [Мелерович 1979].

Семантика предлагаемых к рассмотрению фразеологических единиц предполагает участие механизмов как рационального, так и чувственного познания действительности, что, несомненно, оптимально способствует осуществлению ее основной функции – передаче субъективной информации об объекте номинации и выражения оценочного отношения к нему субъекта.

Структура оценочности как компонента коннотации является эксплицитной или имплицитной оценкой субъекта, представленного лицом или социумом, с точки зрения которого даётся оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также «точка отсчёта», включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы [см. Телия 1986]. Структуру оценки могут также составлять как оценочные критерии, так и мотивировки, классификаторы, указывающие на аспект оценки, различные интенсификаторы и деинтенсификаторы [Вольф 1978: 34].

Основу любой оценки, на наш взгляд, составляет интеллектуальный (логический) подход. Соответствие объекта оценки имеющимся в сознании реципиента стереотипам вызывает положительную оценку, а несоответствие им – отрицательную. Лингвисты признают тот факт, что «в разных цивилизациях и в разные эпохи понятие добра и зла, отрицательного и положи-

тельного мыслятся неодинаково. Члены одного общества расценивают одно и то же явление индивидуально, хотя существует общепринятая точка зрения, в связи с которой положительная или отрицательная оценка входит в структуру значения ФЕ» [Соколова 1981: 80].

Г. Г. Соколова предлагает не ограничиваться двузначной системой оценки (+/-) – «положительное» – «отрицательное», а говорить о трёх типах оценки – отрицательной, положительной и ситуативной, поскольку в рамках даже одного общества возможны различные оценки явлений. Данная система оценки представляется оптимальной в отношении дисфемизированных фразеологических единиц, построенных на гиперболе.

В ряде работ (см. Ю. М. Скребнев, Р. Холдер), связанных с исследованием таких явлений, как эвфемизация-дисфемизация утверждается, что дисфемизмы представляют собой нечто большее, чем просто нарушение правил коммуникации. Любое слово может выступать как в виде эвфемизма, так и дисфемизма вследствие использования его в качестве замены другого термина. Действительно, лексика сниженного стиля может функционировать как эвфемизм в среде определенных социальных групп, так же как и представлять собой нейтральную оценку в определенных речевых ситуациях [Обвинцева 2003: 34-35]. Интересным представляется высказывание Р. Холдера: «то, что эвфемизм для мужчины – дисфемизм для женщины» [Holder 1995: viii].

Рассматривая фразеологическую номинацию положительной и отрицательной оценки, Н.Н. Пряхина указывает на то, что «...оценочное отношение носителей языка к предметам, действиям, явлениям внеязыковой действительности всегда детерминировано нормой какого-либо качества, признака предмета (нейтральная оценка). Отклонения от нормы в ту или иную сторону вызывают положительную или отрицательную оценки» [Пряхина 1988: 74].

По отношению к языку эмоции, с одной стороны, являются частью объективной действительности и поэтому могут быть отражены в языке, а с другой стороны, «участвуют в формировании языковой картины мира», они «инструмент отражения самих себя и других объектов действительности, специфичен и момент их неотторжимости от отражающего субъекта» [Шаховский 1987: 7–8].

Деление физиологических эмоций на положительные и отрицательные, как правило, сводится к их обозначению в языке в качестве положительно-эмотивных и отрицательно-эмотив-

ных, что, к сожалению, не находит своего отражения в соответствующих словарных пометах.

Действительно, являясь важным компонентом коннотации фразеологических единиц, эмотивность отражается во фразеологических источниках посредством употребления словарных помет. В настоящее время учеными не выделяется ни одной общепризнанной классификации эмотивных помет. Так, в русскоязычных словарях не соблюдается единства в определении принадлежности словарных помет к отрицательной или положительной оценке, в силу отсутствия надежной системы их классификации, а в англоязычной лексикографии и фразеологии недостаточно разработаны пометы эмотивной отрицательной оценки и полностью отсутствуют пометы положительной оценки. Отрицательная оценка обозначается пометой *derog.* (= *derogatory*). Некоторые фразеологические единицы с отрицательной эмосемой помечаются как *impol.* (= *impolite*), *taboo* и *vulg.* (= *vulgar*).

Анализ обширного практического материала фразеологических единиц, построенных на гиперболе, позволил нам придти к выводу о целесообразности рассмотрения шести базовых эмосем – презр., пренебр., неодобр., ирон., нейтр., шутил., одобр. Предлагаемая шкала эмотивности носит биполярный характер с градациями в сторону положительной и отрицательной оценочности значения. Человеку присуще стремление к восхищению внешними качествами человека и одобрение факта соответствия социальной норме. Предметом осуждения являются различные негативные состояния, низкие интеллектуальные способности человека, его действия и поступки, отклоняющиеся от нормы. Человеку свойственно называть не своим именем того, кто заслуживает порицания. Стилистическая функция дисфемистичных фразеологических единиц обратна той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятие в более резкой и грубой форме, — обычно нелитературной форме, — по сравнению с тем словом, которое закреплено за данным понятием.

По мнению А. В. Кунина, распределение фразеологических единиц на положительную и отрицательную оценки свидетельствует об антропоцентрической направленности исследуемых фразеологизмов.

“Явное преобладание слов с отрицательной оценочностью связано, по-видимому, с тем, что положительность воспринимается как само собой разумеющееся. Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением недостатков и ошибок. По-

этому-то для него столь значительно и так стойко отражено в языке". [Кунин 1996].

Однако, если словарная помета *эвфем. или эвф.* стала уже привычной, крайне редко можно встретить словарную помету *дисфем., или дисф.* что может быть обусловлено ситуативностью/контекстуальностью использования фразеологических единиц в качестве дисфемизмов. Дисфемистические фразеологические единицы могут квалифицироваться как таковые только в определённом контексте. Нередки случаи, когда при изменении параметров контекста дисфемистичность фразеологических единиц снимается. Однако при условии регулярной воспроизводимости фразеологических единиц в качестве дисфемизмов, это в сравнении с эвфемизмами не фиксируется в лексикографических источниках.

На наш взгляд, это может также объясняться прежде всего тем, что стилистическая природа фразеологических единиц еще не описана в степени, необходимой для адекватной фиксации основных компонентов их коннотации во фразеологических словарях.

Фиксирование пейоративной оценки фразеологических единиц, основанных на гиперболе, во фразеологических словарях, на наш взгляд, возможно только лишь при условии их регулярного использования в речи в качестве дисфемизмов. Отследить данный факт представляется возможным посредством обращения к этимологической основе фразеологизмов, а также посредством обращения к компонентному составу фразеологических единиц. Анализ семантики компонентов фразеологических единиц показывает, что положительная, отрицательная или нейтральная оценочная сема лексем одного или нескольких компонентов фразеологизма отвечает, как правило, за наличие положительной, отрицательной или нейтральной оценочной семы всего фразеологизма.

Фразеологическая единица «*утопить кого-либо в ложке воды*» имеет значение «причинить большую неприятность кому-либо по какому-либо незначительному поводу». Отрицательная оценочная сема слова «утопить» вызывает явное неодобрительное отношение к называемому действию. Таким образом, сема неодобрения в совокупности с отрицательной оценкой находит свое отражение в значении всего фразеологизма и может выступать в речи в качестве дисфемизма в ряде ситуаций речевого общения.

Этимологически компонент *dog* фразеологических единиц *to lead a dog's life, to go to the dogs, to die like a dog, to throw it*

to the dogs не воспринимался как нечто положительное. Собаки не считались домашними животными, их кормили непотребными остатками со стола. Вести собачью жизнь, умереть как собака, – изначально означало вести тот образ жизни, который не представлял особой значимости [Hendrickson 2004: 214–215]. На сегодняшний день негативная, пренебрежительная оценка отнюдь не изменилась, что позволяет говорить о возможности введения словарной пометы *дисф.* в отношении подобных фразеологических единиц.

Е. Ф. Арсентьева отмечает основные недостатки фразеографического отражения коннотативного компонента в одноязычных и многоязычных словарях:

«1. Противоречивость, спорность информации относительно функционально-стилистической маркированности некоторых фразеологизмов;

2. Отсутствие или неполнота и непоследовательность фиксации эмосем и семы экспрессивности;

3. Смешение функционально-стилистических и эмотивных маркеров» [Арсентьева 2006: 127].

Действительно, оценочный и эмотивный компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц могут носить окказиональный характер; некоторые фразеологизмы способны терять свои узуальные семы, приобретать новые в зависимости от контекста или речевой ситуации и, таким образом, вносить определенную степень противоречивости. Тем не менее, выработка лингвистами единой системы классификации эмотивных помет, как в русскоязычных, так и англоязычных словарях с целью определения принадлежности словарных помет к отрицательной или положительной оценке безусловно будет способствовать формированию единого подхода к разграничению функционально-стилистических маркеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): моногр. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.

2. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. 172 с.

3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 182 с.

4. Баринова А. В. Дисфемизм, или Какофемизм // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недоче-

ты: энцикл. слов.-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. – М., 2005. С. 119.

5. Курахтанова И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы: дис. канд. филол. наук. – М., 1978. 202 с.

6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. 381 с.

7. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1956. № 198. Вып. 24. Серия филол. наук. С. 200–224.

8. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка – Ярославль, 1979. 80с.

9. Обвинцева О. В. Эфвемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дис. канд. филол. наук. – М., 2003. 276 с.

10. Резанова А. Н. Классификация дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам. Обоснование принципа классификации.

11. Соколова Г. Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. – М., 1981. С. 54–80.

12. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. 288 с.

13. Чудинов А. П. Практическая риторика: учеб. пособие. – Екатеринбург, 1998. 107 с.

14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 192 с.

15. Яскевич. А. А. Модификация формы слова как способ создания эфвемизма и дисфемизма: труды Конгресса // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», 20-23 марта 2007 года. – М.: МГУ. С. 160.

16. Holder R. W. A dictionary of euphemisms. – London: Oxford University Press, 1995. 470 p.

17. The QPB Encyclopedia of Word and Phrase Origin. Robert Hedrickson. Facts on File. 822p.

Л. М. ЦОНЕВА

Велико-Тырново, Болгария

ИГРЫ С ИМЕНАМИ ПОЛИТИКОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИА-ТЕКСТЕ

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования имен собственных в современном публицистическом тексте. Их употребление часто сопряжено с языковой игрой, причем использование внутренней формы имен политиков и их фонетических созвучий с другими словами связано с выражением иронии по отношению к референту.

Ключевые слова: медиатекст; прецедентное имя; языковая игра; публицистический стиль; ономастика; антропоним.

L. M. TSONEVA

Veliko-Tyrnovo, Bulgaria

GAMES WITH POLITICIANS' NAMES IN MODERN MEDIA TEXT

Abstract: Peculiarities of functioning of proper names in a modern publicistic text are described. Their usage is often combined with language game, while the usage of inner form of names of politicians and their phonetical assonance with other words is connected with ironical attitude to the referent.

Key words: media text; precedent name; language game; publicistic style; onomastics; anthroponym.

Современная лингвистика все чаще рассматривает различные языковые единицы и явления сквозь призму языковой игры, уделяя специальное внимание их скрытым эстетическим возможностям, их нетрадиционному, творческому использованию в речи [Норман 1987:168]. Языковая игра (ЯИ) в широком смысле сегодня толкуется как сознательное «манипулирование языком», построенное на необычайном использовании языковых средств [Санников 1999:37], как лингвистическое изобретательство, проявляющееся на всех уровнях языка и не всегда связанное с отклонениями от нормы [Ремчукова 2005:23].

Активность игрового можно считать важной характеристикой различных функциональных стилей, и это обуславливает актуальность исследования сущности и функций ЯИ в разных

лингвистических направлениях.

ЯИ в художественном тексте, как подчеркивает Т. А. Гридина, «принимает разнообразные формы, вырабатывает собственную сложную “технику”, связанную с эстетической сущностью произведения искусства и индивидуальностью творческого почерка его создателя» [Гридина 2008:5].

Игра языком – естественная черта разговорного стиля, располагающего своим кругом игровых форм, проявляющихся прежде всего в устной речи [Земская 1983].

Очень широко использует разнообразные проявления ЯИ и публицистический стиль (ПС), который включает их в свою новую коммуникативную стратегию для образно-экспрессивного моделирования содержания, нередко – с ярко выраженным комическим эффектом, в том числе в «серьезных» изданиях и жанрах.

Предметом внимания в настоящей работе являются особенности некоторых из проявлений ЯИ в ПС, а также изменения в них, наметившиеся в публицистике как явления динамическом за почти десятилетний период времени после выхода в свет нашей монографии “Езиковата игра в съвременната публицистика” [Цонева 2000, 2002]. Источником материала для анализа являются медиа-тексты, опубликованные в последние несколько лет в центральных изданиях разной политической направленности – российских: «Аргументы и факты» (АиФ), «Московский комсомолец» (МК), «Труд», «Российская газета» (РГ), «Литературная газета» (ЛГ), «Огонек» (Ог.), «Итоги» (Ит.), «Новое время» (НВ), «Комсомольская правда» (КП) и др.; болгарских: «Сега», «Труд», «Монитор», «Стандарт», «Капитал», «Тема» и др.

Наше внимание направлено на проявления ономастической игры, определяемой Т. А. Гридиной как «разновидность ЯИ, в основе которой лежит способность говорящих к актуализации ассоциативного потенциала имен собственных с целью создания особого мотивационного контекста их восприятия» [Гридина 2001]. Отметим здесь, что в работе анализируется прежде всего ономастическая игра, а переплетение, сочетание различных проявлений ЯИ, какое можно видеть и в некоторых из данных ниже примеров, заслуживает отдельного исследования.

Собственные имена (СИ) относятся к тем единицам языка, которые авторы медиа-текстов активно вовлекают в ЯИ, что связано как с особенностями самого ПС, так и с особенностями СИ. В ономастическую игру включаются все виды СИ, например, топонимы: *Мир трясет от беспробудного пхеньянства* (МК); *Припеваючи «куршевелился» и глава строительной*

компании Е. Спиренков (АиФ); Е, след като не можем да станем Швейцария на Балканите, може би надеждата ни е да станем **Диоксингапур** на Балканите (Сега).

Активнее всего участвуют в ономастической игре антропонимы, или личные имена (ЛИ), которые могут включаться в разные ее конкретные проявления. Ниже рассмотрим коротко некоторые из них, отмечая при этом, что они бесспорно заслуживают более подробного изучения.

Проявления ономастической игры вообще и в медиадискурсе в частности имеют свои специфические особенности. Так, важной особенностью игры с ЛИ можно считать то, что в ней «мишенью» является референт, и через игру с именем косвенно выражается отношение к его носителю. Это отношение в медиа-тексте, как правило – ярко негативное, часто – ироническое, в то время как в разговорном и художественном стилях отношение к референту, выраженное через игру именем, может быть и нежным, любовным и т. д. [см., например: Эпштейн 2006].

Кроме того, в разговорном стиле обыгрывание имени демонстрирует близость между участниками общения, желание пошутить, и в нем используются, как правило, формы ЯИ (фонетические игры, «веселая грамматика» и т. п.), которые из-за их «непритязательности» можно отнести к балагурству [Земская 1983: 175]. Проявления ЯИ в публицистике, однако, чаще всего сложнее, и их скорее всего следует отнести к остроумию.

Публицистика «эксплуатирует» очень активно экстралингвистический потенциал ЛИ, аккумулирующих существенную по объему неязыковую информацию об объекте и его среде, которая при определенных условиях функционирования ЛИ становится элементом их контекстуального языкового значения [Ратникова 2003: 11]. Поэтому для понимания механизма обыгрывания СИ и эффекта от него нужны общие для автора и адресата внетекстовые (фоновые) знания о референте имени, об его месте в социуме, об особенностях его характера и поведения, о конкретных его действиях и т. д. Так, окказиональное слово *Доганленд* в следующем примере образовано от фамилии болгарского политика Ахмеда Догана, лидера партии ДПС, владельца роскошных дорогих особняков: *Спалните в "Каза Домини" приличат на султански будоар, а **Доганленд** в центъра на бедното село Дръндар е като изваден от приказките за Рапунцел* (Тема).

Отметим в связи с этим важную роль в ПС тех СИ, которые можно определить как ключевые имена (КИ) – имена субъектов, актуальных для общества в целом, имена «героев нашего

времени» [Цонева 2007]. Активность КИ в ЯИ обусловлена не столько их лингвистическим, сколько их богатым экстралингвистическим ассоциативным потенциалом – для них особенно важны знания о референте, о связанных с ним ситуациях, действиях, отношениях и т. д., которые, естественно, можно найти в более широком словесном или несловесном контексте.

К КИ можно отнести имена людей, актуальных для социума в целом и находящихся в центре общественного сознания (разумеется, с «пиками» активности в рамках определенных отрезков времени). Такими можно считать имена политиков, известных экономистов и бизнесменов, иногда – террористов, артистов, спортсменов и т. д., редко – известных ученых или писателей. Круг КИ непостоянен – он может включать имена людей, актуальных для общества в течение сравнительно долгого времени, а также имена людей, прежде всего политиков, появившихся на политическом «небосклоне» на короткое время или появляющихся там периодически.

К важнейшим признакам КИ, как и ключевых слов вообще [см. Шмелева 1993; 2009] относятся их частотность, в том числе в медиа-текстах и прежде всего в их заглавиях, а также их частотность в качестве «материала» для обыгрывания. Обыгрывание СИ, с другой стороны, – важный показатель социальной значимости его носителя. Важно отметить, что значимость многих актуальных для общества политиков – «с обратным знаком», поскольку они нередко становятся популярными в связи с политическими или экономическими событиями, имеющими негативный отзвук (к тому же, как известно, деятельность политиков редко встречает одобрение в обществе). Именно «отрицательная популярность» становится поводом для обсуждения в медиа-текстах этих субъектов и их действий, их иронизирования, осмеивания и т. д., в том числе и формами ЯИ.

Центральное место в списке КИ, естественно, занимают имена ведущих «действующих» политиков – президента, премьер-министра, членов правительства, лидеров политических партий и т. д. (*В. Путин, Д. Медведев, Ю. Лужков, В. Жириновский* и т. д.; *Б. Борисов, Г. Пырванов, А. Доган, Ц. Цветанов* и т. д.). Реже объектом игры становятся имена политиков прошлого, как правило, в связи с важными годовщинами или конкретными событиями.

Проанализированный нами материал позволяет отметить, что в медиа-текстах чаще всего обыгрываются фамилии политиков, реже – имена, прежде всего в тех случаях, когда имя безошибочно относится к одному референту (например, *Силвио*

(Берлускони), Юлия (Тимошенко), Бойко (Борисов) и др.) или воспринимается как странное или необычное (например, Барак (Обама). Ср.: *От СДС трябваше да дундурка до дясното си коляно останки от **муравейщина** и остатъчен костовизъм* (Труд) – выделенный окказионализм образован от редкого и довольно странного для болгарского языкового сознания имени Муравей (Муравей Радев – министр финансов в прошлом); **Лютфизацията** е заразила и «Труд», който обаче до нищо ново не се е добрал (Сега) – окказионализм образован от имени Лютфи (Лютфи Местан – депутат, этнический турок).

Среди русских политиков первое место по частотности включения его имени в разные формы ЯИ как в русских, так и в болгарских медиа-текстах занимает В. Путин в его качестве президента несколько лет назад и премьер-министра сегодня: *Вдоль по **Путинскому** (АиФ); Тверь – **путингу** дверь (НВ); О такой мелочи, как обязательное переименование города на Неве в **Санкт-Путинбург**, говорить не стоит (КП); Вот приедет **Путин** – рассудит (МК); Уволнението на Иво Инджев – мирис на **путинщина** (Дневник); В помощ на Ехуд Барак – нашата оферта за още един **путинизъм** (Сега)*

Примеры обыгрывания имен болгарских политиков в русских текстах отсутствуют в нашей картотеке.

«Любимая мишень» болгарских СМИ – премьер-министр Бойко Борисов, что связано не только с его ключевой ролью в болгарской политической жизни сегодня; неизбежно подвергаются иронизированию и осмеиванию и его фигура, особая манера говорить, склонность к самолюбованию, любовь к спорту и т. д., в том числе, и очень часто – через обыгрывание его имени. Ср.: **Бойкофренията**, любезни ни читателю, е в апогея си преди Нова година (Новинар)

Среди ЛИ зарубежных политиков «лидером» обыгрывания как в русском, так и в болгарском языке является имя нынешнего президента США Барака Обамы: **Обама** без обмана (Ит.); Маккейна опять **забараковали** (МК); От хижины Тома до **Барака Обамы** (АиФ); **Обамафорията**, изглежда, си има граници (Капитал)

Не так давно это место занимал Д. Буш. Ср.: *Как в психиатрии есть отдельные отрасли – шизофренология, эпилептология и другие, так и в политологии, по-видимому, скоро появится особый раздел – **бушефрения** (АиФ); В средата на финансовата криза и в края на 8-годишната **бушокрация** Обама успя да възроди вярата на уморените и наплашени американски граждани (Стандарт); **Буш-ваканция** в София (Тема)*

В связи с этим можно говорить не только о подвижности в составе КИ, но и о том, что включение СИ в ЯИ (хотя и в меньшей степени, чем в разговорном стиле) зависит и от некоторых чисто субъективных черт референта – внешности, особенностей характера, речевого поведения и т. д. В этом смысле можно отметить имена политиков, которые особенностями своей внешности, характера или действий, «напрашиваются» на ЯИ – это не только Д. Буш, но и С. Берлускони, В. Жириновский, В. Черномырдин, Ю. Тимошенко, Б. Борисов, президент Ж. Желев, министр финансов С. Дянков и т. д. Наоборот, «скучные», безличные субъекты реже становятся объектом игры, как, впрочем, и героями анекдотов (вспомним многочисленные анекдоты прежних лет о Л. Брежневе и Т. Живкове, нередко иронизирующие как раз яркие субъективные качества двух политиков).

Игра с именами первых лиц в государстве отличает современную публицистику от публицистики прошлого – именно эти номинации там максимально регламентированы, в них не допускаются отклонения индивидуально-авторского характера и возможна только превосходная степень признака [Какорина 1996:176]. В современных СМИ (и не только оппозиционных) нет недосыгаемых личностей или «священных коров», поэтому объектом игры, как мы уже отметили, часто являются президент, премьер-министр и другие официальные лица. Такая, по мнению И.Э. Ратниковой, «десакрализация» антропонимических знаков – показатель разрушения старых социальных мифов и создания новых [Ратникова 2003:38]. И если лет десять назад так или иначе проявлялась «инерция» прошлого, когда в именах первых лиц были недопустимы проявления индивидуально-авторского, то в последние годы как раз в таких именах проявляются неограниченные возможности игрового для иронизирования, осмеивания, дискредитации референта.

Имена политиков включаются в различные формы ЯИ. Основанием для включения, как мы уже отметили, чаще всего являются как негативно воспринимаемые обществом действия или события, в которых участвует референт, так и отношение к нему «в принципе», а также некоторые субъективные качества личности политика.

При использовании СИ в ЯИ в медиа-тексте обычно приходится говорить о сложном переплетении экстралингвистических и лингвистических элементов их смысла. Что касается КИ, нужно подчеркнуть, что в них экстралингвистическое актуально всегда – именно от него зависит включение имени в ЯИ, и даже в тех случаях, когда определенная форма ЯИ безусловно «экс-

плуатирует» лингвистический потенциал самого имени, всегда можно найти связь, иногда довольно отдаленную или сложную, с экстралингвистическими знаниями о субъекте, о действиях и ситуациях, связанных с ним. «Игра ради самой игры», «просто игра» (хотя и, по мнению Й. Хейзинги, любая игра имеет цель), встречается реже в ПС, прежде всего в юмористических жанрах; она характерна, например, для разговорного стиля, где референт СИ, включаемого в ЯИ, чаще всего известен в рамках семейного социума, поэтому экстралингвистический потенциал его имени слабее.

Лингвистический потенциал ЛИ (к которому относятся фонетический облик, структура, лексическая мотивированность, как и сложный комплекс вербальных ассоциаций, нередко разный у разных людей) определяет в немалой степени «направление» их игрового использования, т. е. их участия в определенных формах ЯИ. В связи с этим можно сказать, что для некоторых ЛИ просто неизбежно их обыгрывание именно определенным образом. Ср., например, каламбуры с именем болгарского политика Надежды Михайловой: *Уви, и със и без **Надежда да надежда** май няма (Сега); И на последния седесар му е ясно, че единствената **надежда** на СДС сега се казва **Надежда** (Монитор); **Надежда** напред, **Надежда** назад – и все няма **надежда** (Сега).*

Как сравнительно редкие для медиа-текста можно определить различные *фонетические игры*, например, созвучия-рифмовки, которые можно считать одним из результатов влияния разговорного стиля на публицистику: *Ким Чен **Ир** на весь **мир** (МК); Между **Маком** и **Бараком** (АиФ); **Буш** уже не **дюж?** (АиФ); **Блэр** – не **пэр** (Ит.); *Кой ще ни **спаси** от Соломон **Паси** (Сега).**

Эффект игрового проявляется очень ярко и в игре с *фразеологией*, самой частотной разновидностью которой является замена компонента стандартного состава фразеологизма новым, в данном случае – именем политика. Видоизмененные фразеологизмы, как и все нестандартные формы языка, экспрессивнее исходных, они более «гибко» приспособляются к условиям контекста [Цонева 2007 а]. Ср.: *Шкура **неубитого Саддама** (Власть); Вот тебе, бабушка, и «**Зурабов** день» (Труд); *Какой-нибудь артист сыграл злодея (или стерву) – с него, как с **Жириновского** вода! (Ог.); Царят дава, **Панайотов** – не (Труд); *Гладен **Цецо** кабинет сънува (Монитор).***

Одна из самых активных форм ЯИ в последние годы – *цитация* (обозначаемая, как известно, и как логозпистема, прецедентный текст, интертекстуальное включение и т. д.), к кото-

рой относят использование фрагментов, в том числе трансформированных, из других текстов. Ср.: *Пусть сильнее грянет кризис* (Ит.); *Кризису все отрасли покорны* (Компания)

И если у О. А. Лаптевой в 1996 г. складывалось впечатление, «что на наших глазах развертывается состязание в том, кто больше и лучше отыщет и “ввернет” такие цитаты» [Лаптева 1996: 152], то сегодня нет сомнений, что это состязание в самом разгаре. Многочисленные фрагменты из “чужих” текстов (прежде всего трансформированные) включаются в новый текст, занимая место чаще всего в заглавии. ЛИ, в частности имена политиков, активно участвуют в подобных трансформациях – они заменяют компоненты исходного фрагмента, обеспечивая связь с содержанием текста, создавая эффект неожиданности, игры. Ср.: *Саддам в Ираке больше чем поэт* (МК); *Ширак большой, ему видней* (Ит.); *Народу, наверное, захотелось бы спросить, а почему же власть бросилась спасать «рядового Абрамовича», а не посоветовала ему продать для оплаты долгов английский «Челси», лондонские особняки или часть яхт?* (АиФ); *А Костов отгоре през синия дим гледа на всичко тих, невъзмутим* (Сега)

Обратим внимание и на *графическую игру*, о которой С. И. Сметанина пишет: «Суть графической игры – в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [Сметанина 2002: 204].

К ней можно отнести, например, выделение шрифтом или цветом тех элементов, которые таким образом актуализируются, включаясь в каламбур: *Щеше ли иначе управлението на КОСТов да ни преседне като кост на гърлото?*; *Щеше ли семейство СОКОЛови да хвърчи за наша сметка през далечни морета чак до Канада и обратно?* (168 часа)

На параграфемике рассчитывают и единицы, которые можно определить и как паронимическую аттракцию, и как окказиональные слова, образованные от СИ (*Саддам, Буш, Паси*) и апеллятивов (*мазохизм, пушечный, спаситель*). Ср.: *САДДАмазохизм* (МК); *БУШечное мясо* (АиФ); *Соломон – СПАСИтеля!* (24 часа) Обратим внимание здесь на интересные примеры с графическим выделением фамилии *Буш* в одной из последних монографий, посвященных ЯИ [Ильясова, Амири 2009:70].

Как подчеркивает Т. В. Попова, разного типа графодериваты обнаруживают в наши дни «лавинообразный рост», а сферы их употребления значительно расширены – это не только СМИ, но и реклама, Интернет и т. д. [Попова 2009:150-151].

К самым активным формам ономастической игры следует отнести образование *оказиональных слов* – типичного проявления игрового. Имена политиков часто становятся основой *оказиональных дериватов*, а иногда – и целых серий (или касакадов) таких слов. Ср.: *То есть предлагается гуманный вариант: разделить большое **зуробовладение** на два маленьких **полузуробства**, но самого Михаила Юрьевича пополам пока не резать* (АиФ).

Подобные дериваты, как правило, остаются в рамках *оказионального*, но в сравнительно редких случаях *оказиональные производные* становятся элементом языковой системы, являясь примером *языкотворческой функции ЯИ* [Цонева 2000: 23]. Таким является слово *доганизация*, появившееся в 2009 г. в дискурсе выборов и ставшее частью болгарской политической лексики: *Яне свиква митинг срещу **доганизацията**; Искам да благодаря на всички политически сили, които използват подобна терминология като **«доганизация»**, защото те много ми помагат* (Стандарт).

Бесспорные «герои» *оказионального словообразования* в проанализированном нами материале – премьер-министры России и Болгарии. Основой игровых производных чаще всего становятся, как можно было уже видеть, фамилия Путин и имя Бойко: *А как оценяват седемлетната **«путиниану»** академическите аналитици?* (АиФ); *Полная **запутина*** (НВ); *Рейтингът на **бойковистите** тръгна рязко надолу* (Монитор); *2007 стана годината на **бойковизацията*** (Новинар); *Изборите се оказаха не пропорционални, не мажоритарни, а **бойкоцентрични** в степен, която изненада дори ГЕРБ* (Новинар).

Среди имен зарубежных политиков в русских и болгарских текстах лидирует имя Барака Обамы: *То есть напечатанните **«обамабаксы»** будут выплескиваться из американской экономики, растекаться по миру и сеять глобальную инфляцию?* (Ит.); *За сто дний президентства нового американского лидера **обамомания**, которой заболела страна, еще не пошла на убыль* (Ит.); *Относно глобалната **обамизация*** (Сега); *Ренесанс или **«Обамагедон»?*** (Тема).

Чаще всего ЛИ политиков становятся основой производных существительных, образованных по продуктивным моделям с суффиксами *-ист, -ец, -изм, -щина, -ация, -ка* и т. д.: *Выше знамя **берлусконизма!*** (Ит.); *Под знаменем **марксизма-зюганизма*** (АиФ); *И большинство, как черт ладана, избегает ассоциировать себя с **«каспаро-немцовцами»*** (АиФ); *Генерал-кметът тутакси изкусно вплете личната си болка (**антистанишевизъм**) в тържествената си реч* (Сега); *Служителите от*

Белия дом отричат, че Мишел Обама страда от "**хиларизъм**" (Монитор); Дали **бушизмите** му не са прекалено втръснали вече на всички? (Тема).

Окказиональных глаголов, производных от имен политиков, намного меньше, но они нередко очень эффектны. Ср.: **Кондолизируй** это (Ит.); Депутаты **зурабят** министра (МК); Израелският министър на отбраната Ехуд Барак **путинизира** имиджа си! (Сега); Бря, израелският адаш на Миротворния американски президент хич не **се баракизира** (Сега); Татарчев четири години се **татарчи** (Дума).

Интерес представляют и окказиональные слова, образованные путем композиции или контаминации [об их разграничении см. Цонева 2000, 2002]. Ср.: Условия успеха **путиномики** (АиФ); **Микропутиномика** – это удобство топменеджера госкорпорации (НВ); Высшая добродетель в **Хиллариленде** – лояльность (Профиль); Азербайджан или **Алиевландия**? (Тема); **Обамафорията** умира на Изток (Капитал).

В таких словах содержится экспрессивно выраженное отношение к референту имени, усиленное, как в данных ниже примерах, ближайшим контекстом, а также внетекстовыми знаниями о нем. Ср. яркий болгарский пример: *Ако нещо не е наред с тези три признака на демокрацията, ние всъщност в демокрация ли живеем? Или в демократура? А може би в тоталитария? А това, в което ни предстои да живеем, как ще се нарича – **Бойкотура**?* (Новинар)

Отметим и новообразования, которые нельзя отнести к продуктивным моделям и в которых ярче всего проявляется творческий характер подобных единиц: «Наивысшая степень новизны присуща окказиональному слову, созданному "ex nihilo", не по модели» [Ханпира 1972:252]. Ср.: *Оппозиция **выкорчевана**, ее лидеры **измельчали**, «**ухакамадились**»* (АиФ); *Притеснихме се, че отдавна не сме **бойкочели** нищо, но «Труд» ни **борисоуспокои*** (Сега).

Толкование некоторых игровых образований небесспорно. Так, в данном ниже примере можно говорить о звуковой и семантической близости не только с определенным исходным словом (*Обама*), но и со словом-стимулом (*обмануть*), а также с различными ассоциациями, которые можно найти в широком невербальном контексте: **Обаманутые** ожидания (МК).

Подобные образования имеют, как правило, комический эффект, в связи с чем Е. А. Земская относит их к «веселому словообразованию» [Земская 2007], хотя, как нам кажется, многие из них можно толковать и как паронимическое сближе-

ние, о чем идет речь ниже.

Специального внимания заслуживает и *каламбур* – одна из самых ярких форм ЯИ. Каламбур обычно считают лексико-семантическим явлением, хотя в нем семантику трудно можно разграничить от словообразования, синтаксиса, прагматики. В связи с этим В. З. Санников отмечает, что анализировать тонкую игру значений в каламбуре – сложное, почти безнадежное дело (посвящая тем не менее этому анализу интересные работы) [Санников 1995:62].

Проанализированный нами материал позволяет убедиться в том, что сказанное В. З. Санниковым справедливо и для ономастического каламбура, в котором весьма интересным образом сочетаются особенности СИ с особенностями медиа-дискурса [Цонева 2009].

Для создания каламбура исключительно важны лингвистические параметры восприятия СИ. Отметим еще раз, что комплекс вербальных ассоциаций СИ отличается сложностью и его нелегко описать достаточно исчерпывающе – это ассоциации, обусловленные фонетическим обликом, структурой, лексической мотивированностью слов и т. д.

Важной особенностью ономастического каламбура можно считать и то, что он не может строиться на разных значениях одного многозначного слова, как это часто бывает в каламбуре с апеллятивами. Ср.: *В столице полно львов. Светских (АиФ); Чем ближе зима, тем острее мы чувствуем тепло – если не душевное, то которое идет от котельной (МК)*

Основой ономастических каламбуров может быть омонимия, чаще всего омонимия ЛИ и нарицательного, на базе которого оно возникло. Ср.: *Надежда Михайлова все по-осезаемо се превръща в надежда за Косово (Сега)*.

На омонимии русских фамилий (политиков А. Лебеда и Ю. Чайки) и апеллятивов-названий птиц основаны каламбуры в данных ниже примерах. В них контекст направляет внимание на возможность понимания СИ как нарицательных, благодаря включению в него слова *орел* в метафорическом значении: *Лебеда пытаются убедить, что он не орел (Общая газета); Теперь Ю. Чайка – орел (АиФ)*.

Именно в контексте, благодаря включению в него слов, ассоциативно связанных с СИ, реализуется актуализация его внутренней формы и в следующем примере, где рассчитывается на «птичьи» ассоциации: *А Лебедь рвется в облака (АиФ)* – заглавие текста об успешной политической карьере ген. А. Лебеда.

К паронимазии можно отнести многочисленные случаи специального столкновения слов с формальной, в том числе незначительной, отдаленной, близостью, в рамках ограниченного контекста. Ср.: *Всичко това **Олимпи** пръв от колегите си заявил в специална декларация за конфликт на интереси, с което е изкачил своеобразен **Олимп** спрямо обичайните български шуру-баджо-братовчедски практики* (Сега)

Вполне обоснованно каламбуры, в которых сталкиваются слова со случайной формальной близостью, определяют как «паронимическую аттракцию». Так можно определить, например, заглавие текста об успешной политической карьере британского политика Тони Блэра, где использована формальная близость имени *Тони* с русским глаголом *тонуть*: **Нетонущий Тони** (Ит.)

Естественно, основания для подобного объединения слов с отдаленным формальным сходством можно искать как в языковом контексте, так и во внетекстовых ситуациях. Ср.: *Испанците май ги бива само да се гонят с бикове по улиците на Памплона или да се замерят с домати. И този **саботьор Саботеро** се опитва да разложи коалицията ми, като изтегли мижавото си контингентче!* (Сега) – пример из фельетона *Носталгия*, написанного «от имени» президента США Д. Буша в связи с выводом военного контингента Испании из Ирака. В нем фамилия испанского премьер-министра *Сапатеро* (исп. *Zapatero* этимологически связано со словом *zapato* – «обувь») специально «искажается», сближаясь со словом *саботер*, чтобы подчеркнуть, что он саботирует военную коалицию.

Так что СИ могут претерпевать «для нужд каламбура» определенные трансформации, зависящие не только от самого имени, но и от контекста – именно он реализует потенции, содержащиеся в самом имени.

Благодатная почва для создания каламбуров, основанных на раскрытии внутренней формы слова или так наз. *этимологизации*, – СИ с ясной внутренней формой, сохранившие семантическую связь с производящей основой, словом или словосочетанием. Их нередко определяют как «говорящие имена» – их внутренняя форма является своеобразным «сигналом» о действиях, а также о внешних или внутренних качествах референта. Таких примеров много: **Строев** – в **строю!** (МК); **Зачем Грызлов грызет козлов?** (АиФ); **Депутатът от СДС Чародей Чернев хич не се връзваше с недотам чародейните действия на политическата му сила отпреди 3-4 години** (Труд); **Стоян Ганев не стои на едно място и си опровергава името непрекъснато** (Се-

га); **Петканов** действия в **петък**, **Първанов** – **пръв**, **Бойко Борисов** – **готов за бой и борба** (168 часа)

Этимологическая «регенерация» в таких случаях осуществляется указанием на этимологическое родство слов, чаще всего путем объединения в контексте СИ и словообразовательно связанного с ним апеллятива. Ср. примеры, в которых фамилия **Путин** связывается со словом *путь*: **Путин** открывает **новый путь** (МК); **Путина** спросят о **путях спасения** (АиФ) Кстати, в некоторых текстах (как правило, в оппозиционных изданиях) можно найти и довольно смелые аналогии фамилий политиков; например, в тексте *Путь Путина* фамилия **Путин** связывается со словами *путь*, *путо* и даже с ненормативными словами (НВ 2007/46).

Очень интересны каламбуры, в которых «высвечивание» внутренней формы СИ происходит благодаря включению в контекст слов, ассоциативно связанных с ним (это могут быть синонимы, антонимы, слова одного семантического поля и т. д.). Например: **Громов грянул в конце года** (МК).

Этимологизация СИ в тексте может быть как научно обоснованной, так и «мнимой», игровой, и в таких случаях она близка к паронимии. Во многих подобных примерах контекст подчеркивает игровую направленность, связывая СИ не с реальной производящей или родственной основой, а с другой, ложной. Ср. примеры, в которых «эксплуатируется» внешняя близость СИ с глаголом: *Какво му **коства** на **Костов** още една излагация сред стотиците други?* (Сера).

Множество подобных примеров, как нам кажется, дает основание говорить, что поиск мотивации формы в содержании и употреблении слов, «переворачивание наизнанку» знакомых слов – одна из активных тенденций в современной публицистике [Стоянов 1999:176].

Можно заметить, однако, что в иноязычных именах на практике происходит «переворачивание» незнакомых слов, поскольку они, как правило, не мотивированы для адресата. И если при игровой этимологизации «своих» имен связь с родственными словами может быть как реальной, так и мнимой, игровой, то в иноязычных эта связь чаще мнимая. Ср. болгарские примеры – с фамилией *Гайдар*, которой в контексте приписывается родство со словом *гайда* (рус. *волынка*), и с фамилией *Шматко*, которая связывается с разговорным болгарским глаголом *шматкам се* (рус. *бездельничать, слоняться без дела*): *Първият демократичен премиер и баш реформатор на Русия се наричаше, че и още се нарича, Егор Тимурович **Гайдар**. Ама да*

не помисли някой, че той свири на **гайда** или е играл по чужда **гайда** (Сега); От руска страна до София се **пошматка** министър на енергетиката с многозначителното име **Шматко** (Сега).

Нередко средством оживления внутренней формы иноязычных имен (как правило – незнакомой) является их перевод, который делает «видимой» связь СИ с исходными словами, так что каламбур становится способом «оживления» не только ясной, но и утерянной или неизвестной внутренней формы. Так, включение в каламбурную этимологизацию фамилии французского политика *Сеголен Руаяль* (*Ségolène Royal*) обусловлено значением самого слова (фр. *royal* – королевский), и именно на это значение направляется внимание. Однако, при отсутствии у читателей «сигналов» об этом значении, используется перевод для раскрытия внутренней формы слова. Ср.: *Но кто знает – может, к выборам картина поменяется? И президентом республики станет женщина с **королевской** фамилией (именно так переводится «**руаяль**»)?* (МК).

Наряду с вербальными ассоциациями в подобных случаях можно найти еще более сложные внетекстовые ассоциации. Ср. пример из текста под заглавием оксюморонного характера *Принцесса Республики*, где значение слова *королевский* противопоставляется значению слова *республиканский*: *Ей вменяют в вину отсутствие четкой предвыборной программы,... и, конечно, не обходят стороной ее фамилию. Не к лицу представителю партии трудового народа **республиканской** Франции быть «**руаяль**»* (Ит.) Так что два последних примера позволяют снова обратить внимание на сложное сочетание в КИ лингвистического и экстралингвистического (к последнему относится, разумеется, и сама актуальность в определенный период данного СИ в ПС, обусловленная участием С. Руаяль в президентских выборах во Франции).

В качестве заключения отметим, что за рамками нашего анализа остались не менее интересные формы ономастической игры – метафорическое употребление имен политиков, прозвища и перифразы с игровым эффектом, окказиональная сочетаемость и т. д. Все они, как и упомянутые выше «именные игры», занимают важное место в коммуникативной стратегии современных СМИ, и это обуславливает необходимость их дальнейшего исследования с привлечением материала из разных языков, что могло бы способствовать осмыслению как феномена языковой игры, так и собственных имен как лингвокультурного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. № 20 (2001). Вып. 4. URL: proceedings.usu.ru.
2. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь. – М., 1983
4. Земская Е. А. Веселое словообразование // Логический анализ языка. Языковые средства комизма. – М., 2007. С.642-655.
5. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М., 2009.
6. Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996. С. 169-181.
7. Лаптева О. А. Стилистические приемы создания иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М.: Наука, 1996. С. 150-157.
8. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Минск, 1987.
9. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI вв. // Лингвистика креатива. Коллективная монография. – Екатеринбург, 2009. С. 147-176.
10. Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. – Минск, 2003.
11. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М., 2005.
12. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // ВЯ. № 3. 1995.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
14. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – СПб.: Изд. Михайлова А., 2002.
15. Стоянов К. Обществениите промени (1989-1996) и вестникарският език. – София, 1999.
16. Ханпира Э. Оказионалните елементи в современной речи // Лингвистические исследования. – М., 1972.
17. Цонева Л. Езиковата игра в съвременната публицистика. – Велико Търново, 2000, 2002.
18. Цонева Л. Ключевые имена времени в публицистиче-

ском стиле // Stylistyka XVI. Styl i czas. – Opole, 2007. С. 423–443.

19. Цонева Л. Фразеология в языковой игре // Активные процессы в современной лексике и фразеологии. – М., 2007а С. 237-242.

20. Цонева Л. Каламбури със собствени имена в българската публицистика // Състояние и проблеми на българската ономастика, т. 9. – В. Търново, 2009. С. 490-510.

21. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. – Киев, 1993. кн.1. С. 33-38.

22. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2(28). 2009. С. 63–68.

23. Эпштейн М. Любовные имена. Введение в эротонику. Статья-поэма // Октябрь. 2006. № 7.

А. Э. ЧЕКАНОВА

Екатеринбург, Россия

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РАЗВИТИЯ СЛОВЕСНО-ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Аннотация. Выделяются черты развитого словесно-логического мышления, характеристики, которыми обладает ученик, перешедший с эмпирического уровня мышления на абстрактный, теоретический (способность выделить существенные и несущественные признаки, свойства, отношения рассматриваемого объекта).

Ключевые слова: словесно-логическое мышление; система образования; обучение; теоретическое мышление; понятие.

A. E. CHEKANOVA

Ekaterinburg, Russia

KEY ELEMENTS OF VERBAL-LOGICAL THINKING DEVELOPMENT OF SENIOR PUPILS AND STUDENTS

Abstract: Features of verbal-logical thinking are specified, characteristics which a pupil acquired having passed from empirical to abstract, theoretical level of thinking (ability to single out meaningful and meaningless signs, qualities, relations of the discussed object).

Key words: verbal-logical thinking; educational system; teaching; theoretical thinking; concept.

Ключевыми элементами развития словесно-логического мышления для нас являются те элементы, которые это развитие обеспечивают. Для того чтобы их выявить, необходимо определить место развития в системе образования и описать структуру этого развития.

В педагогике существует триада понятий: обучение, воспитание и развитие. Реализация каждого из понятий в образовательной практике требует собственного методического аппарата.

Понятие обучения разработано в науке достаточно объемно и детально. В самом обобщенном виде обучение делится на традиционное (в основе которого лежит передача знаний от

преподавателя к учащемуся, на базе которых вырабатываются умения и навыки) и нетрадиционное (к которому, как правило, относится все, что не соответствует традиционным способам обучения).

Далее о соотношении обучения и воспитания приведем слова Ю. К. Бабанского: «В содержании обучения превалирует формирование научных представлений, понятий, законов, теорий, специальных общеучебных умений и навыков. Этот процесс одновременно содействует решению задач воспитания и развития, формируя диалектико-материалистическое мировоззрение обучающихся. В содержании воспитания превалирует формирование убеждений, норм, правил, идеалов, социально значимых отношений, установок, мотивов, способов и правил общественно ценного поведения идейно-политического, нравственного, трудового, эстетического и гигиенического характера».

Процесс воспитания одновременно влияет и на образованность личности, служит непосредственным фактором стимулирования активности школьников и студентов в учении.

Говоря более обобщенно, можно утверждать, что оба процесса одновременно влияют на сознание, деятельность, отношения, волю и эмоции личности. Но процесс обучения формирует сознание личности, а через него и другие названные параметры, опираясь в свою очередь на уровень их сформированности. Процесс же воспитания, прежде всего, обращен к отношениям, действиям и эмоциям личности, опираясь на которые он весьма сильно влияет на ее поведение.

Процесс обучения, как правило, протекает в строго оформленной учебной группе – классе, по определенному учебному плану, по строго очерченным программам. Процесс воспитания в условиях общеобразовательной школы не столь строго регламентирован. Он имеет лишь рекомендательное примерное содержание. Протекает этот процесс в ходе общественной, политической, культурно-массовой, спортивной, художественной, трудовой деятельности, которая в значительной степени определяется общественными потребностями, интересами коллектива и их членов» (цитируется по Новикову).

Что касается развития, в этом вопросе необходимо обратиться к работам Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова, Л. В. Занкова, Б. Д. Эльконина.

С. Л. Рубинштейн сформулировал шкалу уровней развития мышления, которая на сегодняшний день считается общепринятой. В ней выделяется три основных уровня – наглядное мыш-

ление (наглядно-действенное (сенсомоторное), наглядно-образное, наглядно-ситуационное; эмпирическое мышление (опытное, основанное на систематизированном и обобщенном содержании опыта, понятийное и объяснительное, на уровне суждений и умозаключений, включающем критерий истинности); теоретическое (осознанное мышление, при котором осознается не только содержания понятий, но и формы своей мысли, т. е. логичности или нелогичности мысли на уровне умозаключений, гипотетическое, где различается действительное, возможное и необходимое, а рассуждение реализуется как проверка и доказательство гипотез), целенаправленное мышление, при котором рассуждение основывается на принципах, правилах и целях).

В рамках теоретического мышления В. П. Беспалько выделяет следующие уровни абстракции, представляющие собой теории и связывает их с языком изложения:

1) феноменологическая теория (свойства и качества объекта науки описано на естественном житейском языке);

2) качественная теория (излагается на специальном языке данной науки – первая ступень абстрактного мышления – излагаются свойства и качества объектов, формулируются закономерности их функционирования и создаются условия для вероятностного предсказания возможных исходов участия объектов данной науки в различных процессах и явлениях);

3) количественная теория – знание свойств объекта достигает уровня полного понимания закономерностей его функционирования, на основе чего возникает возможность построить математическую модель функционирования объекта и удается сформулировать точный прогноз исхода любого процесса;

4) аксиоматическая теория – абстракция создает целостную картину мира и возвращается в состояние нерасчлененного восприятия.

Мы привели только две шкалы уровней развития мышления, но и все остальные классификации имеют одно общее звено – в основе развития лежит переход от эмпирического к теоретическому мышлению, от обобщения житейского опыта (на любом уровне) к познанию окружающей действительности, основанному на нормативных процедурах этого познания.

Все перечисленные ученые, разрабатывавшие развивающие методики обучения, воспринимали развитие диалектически, как качественный скачок, переход от количественного расширения знаний, умений и навыков к качественно иной форме мышления. В. В. Давыдов следующим образом пытается

объяснить недостатки традиционного метода обучения: «"личный" прошлый опыт детей – это эмпирически сложившиеся представления об окружающем. Конечно, этот опыт должен использоваться в обучении, но только путем существенной перестройки внутри качественно особой и новой для ученика формы научного знания, которая вовсе не соответствует и не может соответствовать простому жизненному опыту. Прошлые знания житейского порядка нужно включать в обучение, но лишь как общие предпосылки, не специфические для содержания и формы научных понятий. Лишь зная особенности и специфику последних, можно разрабатывать конкретно вопросы о роли прошлого опыта. Вне этого смазывается качественное различие житейского опыта и научных знаний, происходит естественное подчинение (а в результате и извращение) формы вторых в угоду первого. Но это и есть одно из характерных следствий применения эмпирической теории мышления в педагогической психологии и дидактике».

Другими словами, для теоретического мышления требуется не только знание свойств, признаков, отношений и связей понятия, но и знание способов нахождения новых свойств, признаков, отношений и связей (причем эти способы могут быть как практического, так и теоретического порядка с доминированием теоретических над практическими, а еще лучше с использованием практических способов нахождения новой информации преимущественно для верификации теоретических построений).

В качестве системной единицы развития мышления выделяется понятие. Среди логических операций, которые оказываются в центре внимания дидактов, разрабатывающих развивающие методики обучения, основным является обобщение понятий. Обобщение понятий в русле логических законов, которое приводит к научному определению понятий, основано на выделении признаков, свойств, отношений и деятельностей понятия. При этом на эмпирическом уровне развития мышления учащийся не разделяет существенные и несущественные признаки, свойства, отношения и деятельности. Л. С. Выготский в результате наблюдений за развитием мышления детей выделил такие определения понятий, которые он назвал «псевдопонятиями». Псевдопонятия выводятся детьми на основе несущественных признаков, свойств, отношений и деятельностей. Наблюдаемые Л. С. Выготским дети оперировали в основном предметными понятиями. Наши наблюдения и пилотное исследование уровня развития словесно-логического мышления сту-

дентов приводят нас к выводу о том, что и старшекласники, и студенты, оперируя как предметными, так и абстрактными понятиями, очень часто основывают свои определения на смеси существенных и несущественных признаков, свойств, отношений и деятельностей или на неполном перечне существенных признаков, игнорируя логическое требование необходимости и достаточности. Например, лодку они определяют как средство передвижения по воде с веслами, газету – как средство массовой информации, ошибку – как недостаток.

Таким образом, мы приходим к заключению о том, что качественный скачок (или переход) от эмпирического к теоретическому мышлению основан на умении учащимися выделять существенные и несущественные признаки, свойства, отношения и деятельности, а также определять перечень необходимых и достаточных для определения понятия признаков, свойств, отношений и деятельностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанский Ю.К. Педагогика. Под ред. Ю. К. Бабанского. – М.: Просвещение, 1983 г. 560 с.
2. Беспалько В. П. Параметры и критерии диагностической цели. // Школьные технологии. № 1. 2006.
3. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов). – М.: Педагогическое общество России, 2000 г. 480 с.
4. Занков Л. В. Беседы с учителями (вопросы обучения в начальных классах). – М.: Просвещение, 1975 г. 190 с.
5. Леонтьев А. Н. Эволюция психики. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 1999. 416 с.
6. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2004. 192 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2004. 713 с.
8. Эльконин Б. Д. Психология развития. – М.: Академия, 2008. 144 с.

М. НАДЕЛЬ-ЧЕРВИНЬСКА

Катовица, Польша

«ЛАСОЧКА» (ПЯТАЯ ГЛАВА РОМАНА Р. РОЛЛАНА «КОЛА БРЮНЬОН») КАК ЕДИНСТВО И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ МЕТАЗНАКОВ 'ЖИЗНИ' И 'СМЕРТИ'

Аннотация. Демонстрируется, как с помощью пространственных и временных указаний Р. Роллан вписывает события романа «Кола Брюньон» в рамки традиционной европейской культуры с ее представлениями о цикличности жизни и о мире мертвых.

Ключевые слова: сюжетообразующее; пространственно-временные отношения; календарный год; традиционная культура; оппозиция «живое/мертвое»; «Кола Брюньон».

MARGARITA NADEL-CHERWINSKA

Katowice, Poland

"WEASEL" (THE FIFTH CHAPTER OF THE NOVEL BY R. ROLLAND «COLAS BREUGNON») AS A UNITY AND OPPOSITION OF META SIGNS OF "LIFE" AND "DEATH"

Abstract: It is demonstrated how, with the help of space and time indications, events described in the novel "Colas Breugnon" are inserted by R. Rolland in the frames of traditional European culture with its understanding of circles of life and world of the dead.

Key words: plot-forming; space and time relations; calendar year; traditional culture; opposition "dead/alive"; "Colas Breugnon".

Если **внешнее** формы сюжетообразующего у Р. Роллана – это **общее и частное структуры** традиционной для европейцев 'модели мира', то **внутреннее** формы сюжетообразующего – это **пространственно-временные отношения внутри структуры** модели, т. е. отношения и функции конструкторов в динамике структурирования. Задача нашего исследования – рассмотреть, как **внешнее внутреннего** формы художественного текста отражает традиционные **отношения между конструктами** общей 'модели мира', т. е. **пространственную динамику структурирования мира**, свойственную мифологическому самосознанию европейских народов.

"Ласочка" (Belette), 5-я глава романа «Кола Брюньон» [цит. по: Rolland 1964; Роллан 1987], не случайно дает для этого материал, богато насыщенный традиционными представлениями европейцев. Чтобы объяснить эту закономерность, придется вернуться к **форме** формы романа, т.е. к 'календарному году', и определить некоторые **внутренние отношения** составляющих его структуру (т.е. 'месяцев'), а также их **функции в динамике развертывания** народного календаря.

Как уже говорилось в начале исследования, **форме** (т. е. сюжетообразующему) романа Р. Роллана «Кола Брюньон» свойственно традиционное деление «круглого года» по принципу «3x4», или 'четыре месяца' в каждом из 'трех периодов'¹ полного временного цикла (= года). При этом в каждой из *трех тетрад* –

- 1) *февраль, март, апрель, май*;
  - 2) *июнь, июль, август, сентябрь*;
  - 3) *октябрь, ноябрь, декабрь, январь*;
- есть свои

- 1) 'начало (или стимулирование)',
- 2) 'зарождение (или мужское в женском)',
- 3) 'набирание силы (или рост, созревание)',
- 4) 'конец (или предел зрелости, соотносимый со смертью)'.

Иначе те же тетрады обобщенно можно выразить так:

- 1) 'зачатие' (как проявление 'мужской силы'),
- 2) 'рождение' (как проявление 'женской силы'),
- 3) 'мужание' (как проявление 'мужского'),
- 4) 'зрелость' (с конечным преобладанием 'женского = мертвого')² [См.: Топоров 1982].

Тем самым, на месяцы 'май', 'сентябрь', 'январь' традиционно приходятся в народном календаре европейцев пики 'высшей активности' человека и природы (т.е. зрелость + опыт), за которыми неизбежен 'спад', т.е. 'убывание силы' (= смерть; с последующим возрождением):

– 'май' – это *разгар 'весны'* (с последующим переходом в 'лето');

– 'сентябрь' – это окончательная зрелость 'плодов' и 'сбор урожая';

– 'январь' – это *высшая точка 'зимы'* (= покоя, т. е. смерти жизни и сна природы), за которым следует 'сретение' – когда "зима с весной встречаются".

В календарном 'круглом годе' мы наблюдаем поэтому, в результате, следующую *трехчастную структуру*:

– 'год весны',

- 'год лета' и

- 'год зимы' [См. о представлениях жителей средневековой Европы о времени и годе: Гуревич 1971; Pattaro 1975].

В тексте Р. Роллана этим традиционным пикам соответствуют семантически значимые фрагменты:

1) "встреча (контакт) с Ласочкой (*юной / старой*, = мертвой)" – встреча, которая происходит в мае;

2) "мятеж (а затем его подавление)" – в сентябре³;

3) "неподвижность старика Брюньона (и витание в небесах его души)" – в январе.

Именно для этих фрагментов текста традиционно значимы отношения '*свое / чужое*', '*живое / мертвое*', '*жизнь / смерть*', '*близкое / далекое*', '*правое / левое (= неправое)*', а также '*сила / отсутствие силы*', '*кровь (= вино) / вода*', '*человеческое / нечеловеческое*', '*тело / душа*' и проч.; причем в этих случаях преобладают всегда **пространственно-временные отношения (внутриструктурные, т. е. внутреннее формы)** 'модели мира'.

И прежде всего здесь всегда будут значимы **отношения** между конструктами традиционного моделирования.

Для анализа нужного нам фрагмента текста (а именно: *встреча-контакт* Кола и Селины-Ласочки) необходимо определить в первую очередь следующее:

а) *когда происходит* эта 'встреча' в контексте календарного 'круглого года' повествования и

б) *где происходит* эта 'встреча' (задача, возникающая при определении 'времени встречи').

И то и другое, с точки зрения мифологического мышления, имеет большое значение, и важность этих "когда" и "где" отражено в любом фонде фольклорных текстов (сказках, песнях, ритуальных деталях – например, в **свадьбе, играх, заговорах** и проч.).

Само понятие 'встреча' в традиции предполагает **контакт**:

1) **временный**,

2) **неожиданный**,

3) **внезапный**,

4) **случайный**;

либо 5) **преднамеренный** – соответственно **пространственной модели обрядов инициации**, в данном случае – не суть важно, какой) с 'пришельцем' из 'чужого' – возможно, **нечеловеческого**, – 'иного мира', т. е.

а) *находящегося в пространстве и времени* за 'рубежом',

б) за **чертой**, определяющей *разделение 'того' и 'этого'*, 'мертвого' и 'живого', 'невидимого' и 'видимого'.

'Пришелец', или 'встреч(ен)ный' (случайно), или 'гость' (**приглашенный** ли, **нежданный** ли, **внезапный** или **случайный**) – это объекты контакта с 'потусторонним', т.е. всегда, по мифологическим представлениям, они являются связующим звеном между 'этим', 'миром (живых)' и 'тем', 'миром мертвых (умерших рода, предков)'⁴.

Для традиционного *моделирования отношений* внутри общей 'модели мира', т. е. *между составляющими ее структуру конструктами*, крайне важно как происходит 'встреча' (степень случайности и желанности) и где она происходит⁵:

- в 'своем', 'чужом' или 'нейтральном (ничьем)' пространстве;

- в 'замкнутом' / 'незамкнутом', т. е. имеющем свойства 'оберега' или их не имеющем;

- в 'далеком' / 'близком' и т. д.

Значимы также отношения 'верх' / 'низ', 'право' / 'лево', 'видимое' / 'невидимое', 'страшное' / 'нестрашное', 'враждебное' / 'нейтральное', 'знакомое' / 'невиданное' (или 'давно не виденное') и проч. Все эти отношения традиционно актуализированы и в художественном тексте Ромена Роллана.

Однако набор определенных единиц фольклорной традиции и насыщение текста конкретными традиционными смыслами, связанными в мифологическом мышлении народа со 'смертью', 'мертвым', 'сном забвения', 'миром умерших', ставят 5-ю главу в романе "Кола Брюньон" на место обособленное. Семантически окрашенный и стилистически "выпадающий" из общей структуры произведения фрагмент текста указывает на особую роль его по замыслу автора.

Интересно, что это "выпадение" – уже как '**временной провал**' – ощутимо также в **развертывании** образующего сюжет традиционного '**круглого года**'.

Выделим для начала значимые детали текста, позволяющие судить о '**времени**' и '**месте**' '**встречи**' героя романа с его давней возлюбленной, чувства к которой – что тоже немаловажно – **изменились качественно**, но не утратили **силы**. Так, с арифметической точностью просчитывается в романе '**время встречи**':

1) в данный момент старому Брюньону «**пятьдесят лет**»,

2) кульминационный момент любви, т. е. взаимное горение, ссоры, драки, соперничество, измена, был «**тридцать пять лет назад**»;

3) «**тридцать пять лет назад**» – тогда же Селина сошлась с мельником и вышла замуж,

4) а Кола **не видел** своей возлюбленной «**вот уже три-**

дцать лет», хотя **находится** ее **дом** «в часе ходьбы».

Уже из данного набора семантических конструктов фрагмента текста возникает ряд вопросов, а именно:

- Почему, например, в течение первых пяти лет замужества Селины Кола ее **видел**, а затем – **30 лет! – не видел?**

- Почему «**час ходьбы**» на повороте к дому Селины **внезапно** обернулся «**двумя часами (болтовни)**» (grand Dieu! aurais-je bavardé deux heures d'affilée!)?

- Почему, наконец, два фрагмента текста данной главы здесь производят впечатление двух **параллельных включений** в повествовательную ткань: т. е. – Кола и Селина в **прошлом** // Кола и Селина в **настоящем**? Причем их отношения – с ярко выраженной семантической контрастной окраской '**горячее**' / '**холодное**', традиционно значимой для парадигмы '**живое**' / '**мертвое**'...

На все эти вопросы отвечает анализ **пространственных отношений** в 5-й главе. Создаются они традиционным размещением (в структуре модели) конструктов, а также их соотносительностью с мифологическими представлениями о '**жизни**' и '**смерти**' (т. е. с фольклорной семантикой)⁶.

Почему «ферма» (или «хутор», «мыза») Селины⁷ находится в **удаленном** от Кламси и **безлюдном месте**? Почему к ней, однако, ведет «**приманчивая тропинка**» (de quel côté (бок, сторона) ce sentier enjôleur voulait nous entraîner), а точнее – **уединенная дорога**, уводящая от **прямой** (и – **большой**) **вкось** (от **перекрестка**), дорожка **извилистая** (т.е. **не прямая**), «струившая в лугах свою красоту, между изгородей в цвету» (Déjà je me trouvais à la croisée des routes, et, bien que je n'eusse aucun doute sur celle que je devais suivre, je louchais sur l'autre chemin que je voyais ruisseler parmi les prairies, entre les haies fleuries.)?

Перед нами типичный для фольклорной традиции европейских народов набор 'отмеченных мест', т. е. мест **возможной 'встречи с потусторонним (мертвым)'**, а также типичный семантический и метазнаковый набор 'дороги в мир мертвых':

- 1) '**перекресток** дорог' (la croisée des routes);

- 2) '**три** дороги';

- 3) '**прямая**, большая, верная для человека' (Au diable les grandes routes, qui mènent au but tout droit!), в романе не упомянутая⁸ (но подразумеваемая 'перекрестком');

- 4) '**правая**' (т. е. 'нестрашная', которая по закону 'солнцеворота' – слева направо – **поводит** и **выведет** на то же место: т. е. это – **дорога круговая, дальняя** и **обманная**), и

наконец

5) третья – «вкось»(je louchais), «в бок» (de côté), «вьющаяся» (ruisseler), т. е. '**ложная**', '**левая (= не правая)**', 'уводящая **далеко, откуда нет возврата**' (= в мир мертвых).

Как видим, пространственная ориентация традиционной семантики числа «**пять**» дает проективную модель **страшного** и в любой **миг** возможного для **неосторожного** человека **контакта с потусторонним** (неожиданной встречи).

'**Перекресток**' традиционно порождает '**выбор**' как **проверку** на 'истинность' / 'ложность' героя (проверку его 'отмеченности'; в романе же – проверку его чувств), но порождает также и «сомнения» (bien que je n'eusse aucun doute sur celle que je devais suivre...), «соблазн»:

«Как было бы хорошо, – говорил я себе, – пройтись в эту сторону!» (Qu'il ferait bon, me disais-je, flâner de ce côté!).

'Дорога **влево**' – ощущение фатальности, 'знака судьбы', предчувствие 'встречи' (с мертвым, потусторонним; «былой кручиной» – notre passion d'autrefois):

- «Но хотелось бы знать, куда эта дорога меня заведет...» (Mais où diable ce chemin peut-il bien me mener?..),

- «чертова дорога»;

- и одновременно – «...ты морочишь сам себя» (tu te bernes toi-même);

- «ты отлично знаешь, **куда** идешь!» (Tu le sais bien, où tu vas!);

- «ты это знал наперед...» (Tu le savais, sournois, dès l'instant que tu sortais de la porte d'Asnois.).

Традиционно значимы 'выйти **за ворота**' (= **жди встречи** с мертвецом) и 'пойти **влево**¹⁹ (= **против** солнца), а также мотив ритуального 'обмана' (лжи, лицемерия): притворное 'незнание' (притворная непосвященность). Это – 'обман духов' потустороннего мира: 'душ своего и несвоего родов', их должно обманывать для того, чтобы они не причинили 'живому человеку' вреда в 'мире мертвых'. Это – 'обман свой души', которой должно в 'мир мертвых' попадать только **оставив** 'тело' (**во сне**; или – **в смерти**). Например, идти '**задом наперед**', т. е. '**лицом в прошлое**', чтобы 'духи' (= души умерших) видели человека **в спину** и потому бы **им казалось**, то он 'уходит', а не 'приходит' (в романе Р. Роллана Кола и идет, **глядя вспять**: он уходит в свое **прошлое**, 35-тилетней давности).

Другой прием традиционного ритуального 'обмана' – не оставлять своих 'следов' (т. е. **делать вид, что тебя нет**: такова традиционная семантика 'невидимого', т.е. 'не принадлежащего

миру живого'). Для этого можно, в частности, 'идти след в след', что в романе Кола и делает: идет след в след за **своею тенью** (*marchant sur les talons de mon ombre bavarde*). Традиционно 'тень' = 'душа'; 'душе без тела', 'тени' можно входить в 'мир мертвых', а 'человеку' (живому) – нет.

Соотносимы с фольклорными формулами 'малого обмана' (**взгляну одним глазом**; или очень быстро, так, что вы и не заметите, "бегом": **одной ногой туда, другой – обратно; выгляну на минуточку**; и проч.) заверения Кола, что он сделает '**влево** от дороги' "всего каких-нибудь **пять-шесть** шагов" – по направлению к '**сливовому**¹⁰ деревцу', т.е. 'в сторону мира мертвых':

Dieu, que ce petit prunier à la frimousse blanche est plaisant à regarder! Allons à sa rencontre. Rien que cinq ou six pas.

***

В начале 5-й главы романа, целиком подчиненном **чувственному** восприятию окружающего мира нашим героем, Кола Брюньоном, текст настолько насыщен традиционными смыслами парадигм 'живое' // 'мертвое' и 'жизнь' // 'смерть', настолько уплотнен конструктами, значимыми в фольклорной обрядности европейцев (в поминальной практике; для проводов души умершего на тот свет; а также др.), что для развития сюжета становится совершенно не важным, **куда** реально держит путь старый человек по уединенной дороге и **зачем**. Однако анализ насыщения текста традиционными смыслами дает на этот второстепенный – казалось бы – вопрос ответ однозначный: с дороги, ведущей в город, Кола свернул на **тихую дорогу**, ведущую к **кладбищу**, где уже **тридцать лет** как похоронена его возлюбленная.

И отправляется старый Брюньон на кладбище **в день поминовения** дорогих усопших; а делает это потому, что чувствует не за горами **свою смерть** (ср.: некуда спешить, или – нечего смерти искать тому, у кого смерть (уже стоит) за плечами; это – последняя 'встреча здесь' перед окончательным 'соединением там'). Приведем же далее набор единиц-конструктов, организующих данный фрагмент текста как 'дорогу в мир мертвых' в соответствии с семантическим языком фольклора и мифологическими представлениями европейцев.

Так, Брюньон "провел **часть** дня, включая **еду и питье**" в замке Ануа. (*j'y passai une partie de la journée, y compris le boire et manger*) – осматривал место, где поставят сделанный им шкаф. В день **поминовения мертвых** принято 'кормить' / 'поить' **любого** 'гостя дома' (= чужой, т. е. предположительно –

оттуда). В другой день простой плотник вряд ли бы удостоился обеда в замке Ануа. Возможно и вполне вероятно в этом контексте (календарном, обрядовом, поминальном, магическом), что хитрец Кола неслучайно подгадал время для своего "делового" визита... Сам **замок**, как место традиционно **огражденное** и **защищенное** от чьего бы то ни было нападения, вторжения, в поминальный день воспринимается и как место, огражденное от **контакта с мертвыми** (т.е. живые в нем находятся как бы «отделенными» от опасного и **открытого** внешнего **пространства контакта**, пространства нежелательных встреч). В то же время сам **старик Кола** вторгается непрошеным в замок **извне** – как старое и мертвое, требующее уважения (почитания) и даров (питья и кормления).

«Часть дня» была проведена в замке **до обеда**, т. е. вышел **за ворота** Кола тогда, когда **солнце** уже перевалило через точку зенита.

Тем самым, определяется **направление 'тени'** идущего по дороге Кола: 'солнце' склоняется к **'западу'**, 'тень' отбрасывается **на 'восток'**, куда и держит путь Брюньон, "наступая на пятки" собственной тени (sur les talons), т.е. в пространстве традиционной плоскостной 'модели мира' он движется в этот момент повествования **против** часовой стрелки (и потому **против 'солнцеворота'**), а значит – **движется во времени вспять** (это – возвращение к дням юности) и потому неизбежно попадет в 'никуда' (= в мир мертвых).

Вкусив 'еды' и 'питья' за **общим столом** в замке, т.е. выполнив должный обряд **поминовения душ всех умерших** (рода **своего** и рода **чужого**), старый Брюньон, соответственно мифологическим представлениям, приобщился к 'миру мертвых'; теперь – при возможной в этот день 'встрече' – они не причинят ему зла:

- «ради духа» (= мертвых рода; ради души) не должно забывать брюха" (car l'esprit ne doit point le corps faire oublier),

- «обоих убоготворил» (tous deux eurent satisfaction).

2Дорога, **уводящая влево**» пересекает **луга** (parmi les prairies), т. е. традиционно 'нейтральное пространство между миром **человеческим** и **нечеловеческим** миром').

Она **зажата** затем «между изгородей» (entre les haies fleuries), т. е. 'узкая' (= **мостик** между **этим** и **тем** мирами; ср. в традиции: 'волосок', 'жердочка', 'полотенце', 'лента' и др.).

Впереди – 'слива' (le prunier): традиционную семантику 'сливы' определяет то, что 'косточка' легко отделима 'внутри плода' (= **женское в мужском**), а 'ядро' свободно в 'косточке'

(= **мужское в женском**); ср. с мифологемой 'орех' (= **смерть** как **конец / начало**; то же, что и 'слива'). À regarder – указывает на то, что по 'ту сторону рубежа', т. е. в пространстве 'нечеловеческого, мертвого' Кола теперь уже '**видит**' и '**видим**', причем второе – как следствие ритуальных 'еды' / 'питья'.

Правомерность такого вывода – что старый Брюньон, свернув с дороги, попадает в пространство 'несвоего' (т. е. **нечеловеческого**, запредельного мира) – подтверждает обилие «лишней» информации о пути Кола и, на первый взгляд, не конструктивных деталей текста.

Во всяком случае, *сюжетообразующая роль* данных традиционных единиц для экспозиции 5-й главы затемнена. Однако в контексте мифологических представлений европейцев именно сюжетообразующим является "сентиментально-эмоциональный" монолог Брюньона: «Но! Но! quel délice!» (Ах, какое блаженство!), – или, точнее, **диалог** с «болтливой тенью» (de mon ombre bavarde), т. е. с 'душой' (ср.: **разговор по душам**). Однако не следует забывать и о том, что старый Кола, в том же контексте, обнаруживает в себе способность **разговаривать с душой**, а тем самым **разговаривать с душами, беседовать с умершими** (и этот «дар старика» – как свидетельство процесса старческого умирания – остается уже с ним до самого конца – конца года и конца книги, до конца его жизни).

Насыщение данного фрагмента текста традиционными смыслами семантического языка фольклора, а также **последовательность** появления в тексте единиц, значимых для моделирования пространственно-временной модели 'запредельного' (= 'нечеловеческого') и далее – метазнаков уже собственно 'мира мертвых', при этом они прямо соотносимы:

1) с **этапами** сакрального 'пути в мир мертвых' (мертвых предков);

2) с этапами ритуальных 'проводов души' на 'тот свет', а также в магической практике 'контактов с загробным миром' – в соответствии

3) с представлениями европейцев о 'болезни' (как 'отлети души', от тела).

Обратим внимание на то, что число «три» всегда значимо в фольклоре как **число перехода** (человека – из мира живых в мир умерших). Эти же этапы зафиксированы сакральными текстами обрядов (свадебная лирика, погребальные плачи, так называемые «волшебные» сказки) и особенно – текстами заговоров.

Итак, старый Брюньон 'пересекает луг', затем пробирается по 'узкой тропинке' (зажатой между **цветущими** изгородями),

но делает при этом не **пять**¹¹ (как собирался и как себе самому мысленно обещал), а **шесть шагов в сторону (навстречу)** 'цветущей сливе'. 'Цветы' традиционно воспринимались всегда и везде как 'души умерших'; с 'умершими' вообще соотносился весь растительный мир (**ключевой код 'растительность'**) и отчасти животный (**ключевой код 'животные'**). 'Цветение' – и особенно 'цветение плодовых деревьев (сада)' в конце апреля – в мае, т. е. в поминальные дни и 'родительскую неделю', – воспринималось как **'возможность контакта'** между мертвыми и живыми рода'.

Семантически тождественны в европейской традиции также 'снег' и 'цвет (весенний) деревьев сада': **'лепестки'** = **'снежинки** (хлопья)' = **'души умерших'**; они 'падают', 'кружатся' (значимый для 'смерти' признак), 'летают', 'устылают (= покрывают) землю'; 'сугробы (снежные шапки)' = 'деревья в цвету', отсюда метафоры типа «яблоневого снега».

Традиционна также в романе семантическая связь 'сливового деревца' с 'животным' и 'птицей', т.е. с 'тотемным предком', или с 'первым мертвым рода'. В восприятии Кола, у 'сливы' – «белая мордочка» (la fromousse blanche – т.е. либо 'мордочка зверька (пушного)', что соотносимо с la belleite (Ласочкой); либо 'рожица (личико)' – возможно, 'умершей девушки'). 'Белая' = 'без крови', т.е. 'без огня (жизни)', 'мертвая'. Семантическая связь 'птицы' = 'души умерших (рода)' проявляется в тексте метафорическим сравнением "перышки в воздухе" = "снег" (а традиционно – 'души умерших'):

- Le zéphir fait voler dans l'air ses petites plumes: on dirait une neige. (Зефир - ср.: 'ветер' = 'смерть' - разносит по воздуху его перышки (т.е. лепестки): точно снег.);

- Que d'oiseaux gazouillants! (Сколько щебечущих птиц!).

Согласно представлениям древних - перешедшего 'рубеж' между 'человеческим' и 'нечеловеческим' мифическими пространствами - тут же окружали 'души (тени) предков рода' (= оберег) и враждебные 'души (тени) чужих родов'. В контексте главы Кола, "ублаготворившего" (satisfaction) 'мертвых рода' поминальным обрядом, явно попадает в окружение 'доброжелательных душ': отсюда "блаженство" как 'знак умиротворения душ' (ср. в христианской традиции представление о "рае"):

Et ce ruisseau qui glisse, en grommelant, sous l'herbe, comme un chaton qui joue à chasser une pelote par-dessous un tapis... (И этот ручей, что скользит, мурлыкая, под травой, словно котенок, который, играя, гоняет клубок по ковру!..)

***

Рассмотрим семантику конструктивных единиц фрагмента с точки зрения мифологических представлений о 'дороге к мертвым':

1) 'ручей' (se ruisseau) семантически значим в традиции как 'указатель пути' там, где 'нет дороги'; например, в 'лесу' (дремучем, страшном), т.е. в 'деструктивном пространстве'; функции 'ручья' в европейском фольклоре, а именно: 'заводить' (в глубь леса, в неведомое, невидимое) / 'выводить' (в мир живых, к видимому, свету), - это функции 'проводника - в мир мертвых, из мира живых'; возможно, что традиционный смысл 'ручей = тропинка' (ср.: путеводная звезда в ночи; свет маяка и окна в ночи) основан на представлении о нем как о 'нити (водяной)', т.е. 'из воды' (= материи деструктивного);

2) отсюда, с одной стороны, 'ручей' "скользит (или выскользывает)" (qui glisse), с другой - движется вперед "под травой" (sous l'herbe); по отношению к 'траве', т.е. 'видимому покрову невидимого', 'ручей' проявляет себя как 'невидимое' (= относящееся к мертвому; как, впрочем, и сама 'трава'¹²); glisser - во французском языке имеет также значение «катиться», «скатываться» и соответственно - возможно - традиционно «раскатываться» (ср.: **клубок; путеводная** нить; нить **жизни**; античное - нить Ариадны);

3) а` chasser une pelote - "гнать вперед (или охотиться за...) клубок (**клубком ниток**; моток, **мотком ниток**)", что также значимо в фольклоре как 'указатель пути в деструктивном пространстве (= мире мертвых)'; ср.: 'клубок' (une pelote) тоже '**сматывается**' / '**разматывается**' (или '**раскатывается**'), '**прерванная нить**' = '**прерванная жизнь**' (т. е. '**смерть**');

он же указывает '**прямой** путь', т. е. 'верный' (= **истинный**; ср.: grand chemin - прямой путь, **верная дорога**), но в то же время он 'узкий', т. е. это - лишь относительно 'безопасное' (причем - временное и потому **временно безопасное**) пространство в чужом (деструктивном)', что соотносимо с 'узким (тоненьким) мостиком' между 'миром живых' и 'миром мертвых'; ср. у славян: '**сосновые**', '**еловые**', '**кленовые**', '**калиновы**' - '**мостки**' (в песенном фольклоре и сказке);

4) 'клубком', joue à chasser, (**играет / катает, раскатывает** - его, **ручеек**) 'котенок' (un chaton); тем самым в тексте намечена семантическая близость «ручья-дорожки» (= **нити, судьбы**) и "котенка", **играющего** 'клубком ниток' (= судьбой; дорогой жизни), могущего 'клубок' **смотать / размотать, по-**

рвать нить (= оборвать жизнь);

в традиции 'мотать нитки (пряжу)', 'вертеть (крутить) веретено', 'сматывать клубок' / 'разматывать клубок' - функции 'старухи (или девушки)', т.е. **'смерти'** вообще, либо **'первой смерти рода'**¹³; ср. также: мотив 'спящая красавица' в европейской сказке;

5) одновременно уменьшительное un chaton, а не chat, -te, который "играет, гоняя **мяч (клубок)** по **ковру (зеленому, из травы)**" и, тем самым, дает традиционный ряд 'молодежных добрачных игр' (ср.: лапта) [Надель-Червинская: http];

Оговорим при этом, что сопутствующие процессу юношеской инициации (физической и эротической подготовке к зрелости, брачной жизни) такие игры являются в обрядовой практике проявлением **'еще не зрелой силы (мужской)'** и **'неопытности'** (не знания сакрального); первый традиционный смысл актуален для фрагмента текста 5-й главы "Кола и Ласочка в юности", т. е. для **воспоминаний о прошлом**, второй же – для параллельного фрагмента "Кола и Селина **на пороге** (или **по обе стороны порога смерти**", т. е. для **сна** героя (= некоего **временного провала**);

6) par-dessous un tapis (поверх ковра); ср.: sous l'herbe; а также ср.: la tapis de verdure (**зеленый ковер и покров**, т. е. трава) и la nappe (**скатертью**) bon vent (la route est libre)¹⁴, т. е. 'скатерть' по-французски un tapis и la nappe, причем последнее значит также "большое пространство, большая поверхность; пелена" (= **ковер**; возможно – **'белый'**, или **'снежный'**, аналог **'зеленого'** покрывала земли);

в семантическом языке фольклорной традиции **'синий'** = **'невидимый'**, 'скрытый от человеческого глаза' (**синее небо, синяя вода** – море, река, океан), в то время как **'зеленый'** = **'мертвый'** (вспомним **'зеленый огонь'** = **'смерть'**, центр общей 'модели мира'; соединение **живого (желтый) мужского** и **женского (синий) мертвого**), т. е. **'видимое невидимого'** или **'оболочка смерти (внешнее смерти)'**; **'синее'** соотносимо в традиции с **'белым'** как 'невидимое **прозрачное**', т. е. абсолютное 'ничто', деструкция, и 'невидимое **мутное** (= непознанное)', т. е. 'мертвое, в котором зарождается живое'¹⁵.

Следующий фрагмент текста разворачивает традиционный мотив 'путь в мир мертвых': старый Кола следует по направлению, указанному ему 'ручейком-клубком' (Suivins-le.).

«Вот древесная занавесь преграждает ему бег» (Voici un rideau d'arbres qui s'oppose à sa courc.) и она **непреодолима** (Il sera bien attrapé...).

При отсутствии в тексте традиционных для фольклора конструкций '**непроходимый** лес', '**дремучий** бор', '**темная** чаща', обозначающих, по мифологическим представлениям европейцев, 'деструктивное пространство' между 'миром этим' живых, **человеческим, видимым**) и 'миром тем' (мертвых рода, **нечеловеческим, невидимым**), организуют и развертывают текст главы именно смыслы семантического языка народной традиции.

'Лес (деревья) **стеной**' – un rideau d'arbres; 'непроходимый' (для человека = **живого**) = s'oppose, т. е. "противится, **противодействует**" (не дает войти в **чужое пространство**). Однако 'ручей'¹⁶ находит 'вход':

Ah! le petit mâtin, par où est-il passé?.. (... как же это он проскользнул?).

'Вход' оказывается вполне традиционным – '**под порогом**': «Промеж лап, промеж старых, узлистых, распухших лап этого обезглавленного вяза» (Ici, ici, dessous les jambes, les vieilles jambes noueuses, goutteuses, et gonflées de cet orme étêté.).

'**Порог**' – это традиционно значимый 'рубеж' (и одновременно – **оберег**) между 'чужим', т. е. для 'мертвого' – чужим '**человеческим**', и 'своим', в данном случае – чужим для человека, т. е. 'мертвым', и одновременно – 'своим для нечеловеческого'. 'Порог' – это оберег **родового характера** [См.: Никитина 1974].

«Старые лапы» (les vieilles jambes), «узловатые» (noueuses), «подагрические» (т.е. в утолщениях - goutteuses), «набухшие, вздувшиеся» (gonflées), в традиционном контексте 'оберега сакрального (деструктивного)' **от человека**; соотносимы, в первую очередь, с народной магической практикой 'науз' [Афанасьев 1986], а затем – с представлениями об '**уединенном** доме **старухи-стража** мира мертвых' (дом на куриных ногах) и, соответственно с точкой 'север'¹⁷ пространственно-плоскостной 'модели мира' индоевропейцев, т. е. соотносимы с представлениями о 'первом умершем рода' (или о 'первопредке'), а также с 'деструктивным пространством (= страшным лесом), предворяющим мир мертвых' и 'охраняемым от живого' 'рубежом'.

Соответственно, и «обезглавленный вяз»¹⁸ (de cet orme étêté) соотносим с популярным у европейцев фольклорным образом 'мертвеца **без головы**' (= **стража мертвого** и сакрального; возможно - **замка, клада, пещеры**). К нему же восходит и представление о 'смерти' (иногда – 'смерти **от страшного мора**': 'всадник-мертвец'), т. е. о 'первом умершем рода'

(= смерти для живых). Характерно, что бытующее у французов выражение *attendez-moi sous l'orme* (дословно: жди меня под – **сенью – вяза!**), так же, как аналогичные восклицания европейцев типа: «**(обещенного) три года жди!**», «**после дождика в четверг!**», «**бабушка надвое сказала!**», – являются, видимо, заговорными формулами 'достижения желательного посредством отрицания его возможности'. Все они связаны с представлениями о '**первопредке рода**' (**бабушка, вяз, пятица**), или с пространственными отношениями 'мира мертвых рода':

- 1) **три года** – пути-дороги,
- 2) **три хлеба – железных** (изгрызть, в дороге),
- 3) **три пары обуви – железных башмаков** (износить в пути);

и все это необходимо для того, чтобы **перейти нейтральное, но опасное для человека пространство**, отделяющее царство смерти от мира человеческого).

Традиционным для фольклора европейцев является также насыщающий структуру текста элемент 'удивление':

Nous allons la surprendre ... (Вот мы ее удивим!);

Mais qui d'elle, ou de moi, sera le plus surpris? (Но только кто из нас, она или я, будет больше удивлен?).

Значимое для пространственно-временного моделирования мира отношение 'кто кого удивит' и во внутреннем монологе старого Брюньона обыгрывается в плане его собственных **мифологических** представлений.

Для развития мотива '**удивление**' семантически значимым оказывается не риторическое восклицание: *Tant d'année ont passé depuis que je ne la vis!* (Уже столько лет я ее не видал! – т. е. имеется в виду: **уже тридцать лет**), – а нахождение в **настоящем** для действия в романе **времени** по 'ту' или 'эту' сторону 'рубежа' (между миром живых и миром мертвых). Так, если бы Кола продолжал находиться по 'эту' сторону (в **своем** пространстве, в мире живого), то 'встреча' с **умершей 30-ть лет назад Селиной-Ласочкой** (т. е. с **тенью покойной, с мертвецом, с гостем** – пришельцем с **того света**) должна была 'удивить' его. Но поскольку он находится по 'ту' сторону рубежа (т. е. в **чужом** пространстве, в пространстве мертвых), то 'удивится' его появлению (= **появлению еще живого в мире мертвых**) она¹⁹.

В традиционном 'пространстве-времени' человеческой 'жизни' сам Брюньон находится у "последней черты", т. е. у 'рубежа' (= **края** могилы). Он это чувствует; то же предсказывает 'встреча дорогого умершего', Селины. Поэтому '**мертвое**'

и '**встреча**' с ним (т.е. с **Селиной**) уже не страшны Кола – еще 'живому', но уже предчувствующему свой 'последний путь': по мифологическим представлениям, 'мертвец' может забрать у живого 'душу' (или 'биение **сердца**'; 'жизнь'). Т. е., тем самым, 'сила **живого**' (или – **похищаемое**) поддерживает 'силу **мертвого**' (сакрально **оберегаемого**). Однако жизнь старика уже на исходе, а сердце и так всегда принадлежало покойной возлюбленной.

Все это отражено в тексте, насыщенном традиционными смыслами 'знаков смерти':

Je puis bien l'affronter; à présent, n'y a plus de risques qu'elle me grignote le coeur avec ses dents pointues. (Я могу **смело** перед ней предстать; **теперь уже** нечего бояться, чтобы она изгрызла мне **сердце** своими острыми зубками [Пропп 1986: 328–330]);

Et a-t-elle encore des dents? (Да **есть ли** у нее и **зубы**-то?), т. е. умерла очень **давно**;

... comme elles savent rire et mordre, tes quenottes! (... в былые дни как умели **смеяться** ['Смех' как проявление 'силы' (жизненной и сексуальной), см.: Бахтин 1965] и **кусаться** они!);

Mon coeur est desséché, ainsi qu'un vieux sarment. (Сердце мое соохлось, как **старая лоза**²⁰).

Здесь нет противопоставленности знаков 'жизни' и 'смерти', как во вставных (параллельных) фрагментах текста главы – «**Ласочка здесь (давно)**» и «**Селина там (сейчас)**». Перед нами традиционное для мифологических представлений древних **равенство** 'старый живой' (= **еще живой**) = 'мертвый' (= **уже умерший**).

Парадигматические отношения 'силы жизни' и 'силы смерти' – как традиционное семантическое единство и одновременно противопоставленность, единоборство – определяют структуру текста 5-й главы романа Р. Роллана "Кола Брюньон", и в то же время являются основным **насыщением сюжетобразующих конструкторов**.

Так, парадигматическое единство 'живого старого' // 'мертвого' насыщает **замкнутый** фон "настоящего действительного" – сюжетобразующего для текста главы (старый Брюньон посещает **Селину**; = **могилу Ласочки**). Это **реальное** действие романа: начало и конец главы, а также короткая вставка (= рубеж) между «прошлым **действительным**», т. е. «**живым** в прошлом (в памяти)», и «**настоящим воображаемым**», т. е. «**мертвым** в настоящем (и ожившим в воображе-

нии)».

Такая **замкнутость**, или **цикличность**, в оформленности текста и двух (противопоставленных) вставных фрагментов его создает ассоциативное представление о **завершенности** жизни Брюньона, подкрепленное и насыщенное традиционно значимыми противопоставлениями 'молодое' / 'старое', 'живое' / 'мертвое', 'сильное' / 'бессильное', 'начало' / 'конец', 'прошлое' / 'настоящее', 'сегодня' / 'завтра', 'день' / 'ночь' (= 'жизнь' / 'смерть') и т. д. Это **малый цикл 'жизни (человека)'**, вписанный в **большой цикл 'жизни (природы)'**, аналогично как **'год жизни' Кола** вписан в **'круговорот жизни'** его же, а **'год природы'** вписан в вечный **'солнцеворот'** (как **общее и частное** сюжетобразующего книги Р. Роллана).

Характерны поэтому в плане замкнутого реального повествование 'приметы времени', а точнее 'знаки **временных прорывов**' (= **провалов**), на которых надо остановиться особо.

Мифологический закон движения 'на тот свет', т. е. закон продвижения по 'пути в мир мертвых', предполагает, как уже говорилось, **обратное** солнцу движение по **кругу (задом наперед, от конца к началу**, против движения **часовой стрелки**). Тем самым, его (этот путь) можно совершить за **'круглый год'** (= **час**). Однако это всегда будет – 'путь' до **'порога'**²¹, а на уединенной тропинке Брюньона – до **'вяза'**, и лежит он уже в **'пространстве несвоего'**:

A une heure, par là-bàs, ... (В **часе** ходьбы отсюда, ...²²) находится 'могила' Селины, куда старик и держит путь в день **поминовения усопших**. Поскольку это – 'день **возможных** контактов с умершими', Кола **готов** к контакту (здесь значимо сочетание **благоприятных 'времени', 'пространства'** и **'желания'** увидеть дорогого покойника, поскольку именно **воспоминание** о нем и желание с ним **контакта** и поднимает, по мифологическим представлениям, его в этот день из могилы).

Отсюда 'пересечение рубежа' (т.е. **нарушение запрета**: Кола знает, что ему не следует идти 'туда'), это влечет за собой 'временной провал' (**прорыв в чужое, в мертвое**). В **реальном** сюжетобразующем плане главы он проявляет себя как «незамеченный» стариком «**еще час** ходьбы» (= **невидимый** путь, либо путь в **невидимом**):

... aurais-je bavardé deux heures d'affilée! (... неужто я проболтал **целых два часа!**²³)

Этот **'второй час'** (= второй **год**, движение **по кругу**) необходим для 'возвращения (уже, на сей раз, **по часовой стрелке**)' к 'жизни'.

Но 'возвращение обратно' (от **мертвого** – к **живому**) происходит уже в 'ином мире' (как бы в "зеркальном" по отношению к 'миру живых'), поэтому **'оживает мертвое'**, и Кола видит 'живой' **'мертвую' Ласочку**, что сопоставимо с предстающими в фольклоре (например, в сказке, быличке, мифологическим рассказе) мифическими **'живыми мертвецами'**. Встреча с последними 'опасна для живых', - но не для 'старика', который сам уже 'мертв'.

Однако тут в романе автор дает своему герою **возможность** 'избегнуть встречи' (внезапной, страшной; встречи с мертвой, т. е. с **мертвецом**; кстати очень сходной с мифологическими рассказами о **'лисицах'** – в японской и китайской традиции). И это типичный для фольклора (сказки) сюжетобразующий ход: субъекту предоставляется **'выбор'**. Но – что также традиционно – "свобода выбора" мнима: 'выбор' **предрешен** (судьбой, всем ходом событий; выбранной Кола тропинкой). Хотя 'избежать встречи' (которая, заметим, зависит от 'желания' / 'нежелания' субъекта, т. е. человека, а не от объекта, т. е. 'мертвеца') для роллановского героя пока: еще просто - достаточно 'обернуться' (= поворотить **назад**) и **'видимое'** мертвое' станет снова **'невидимым'** (скрытым от взгляда живых покровом смерти)²⁴.

Итак, у старого Брюньона от 'неожиданности' (заболтался со 'своей тенью'²⁵ и увидел 'вдруг' - **ее**):

- «подкосились (= отнялись, помертвели) ноги» (Et j'eus les jambes cassées ...)

- и он «чуть было не повернул обратно» (Je faillis détalier.),

- но было уже **поздно**: Mais elle m'avait vu, et elle me regardait, en continuant de puiser de l'eau à la fontaine. (Но она меня заметила²⁶ и, доставая воду из источника, смотрела на меня.)

Et voilà que je **vis** qu'elle aussi, **brusquement**, elle m'avait **reconnu** ... (И вот я **увидел**, что и она тоже меня **вдруг узнала**...)

«Вдруг» (brusquement) – обязательный в фольклоре **'знак неожиданной встречи'**, т. е. 'контакта с мертвым' (= 'потусторонним' и 'нечеловеческим')²⁷. Однако в данной ситуации, когда 'встреча' происходит в **'чужом'** пространстве-времени, это есть **'знак контакта'** (со стороны **мертвого**) с 'человеческим' (**чужим** и **потусторонним для мертвого**), что также отражено в сакральных текстах европейской сказки. Для развертывания сюжета последней небезразлично, **где** происходит **'неожиданная встреча-контакт'** и для **кого** – для **живого**, либо для **мертвого** – она происходит **'вдруг'** (т. е. неожиданно).

Во **'встрече-контакте'** и **'узнавании'** характерна следующая

щая деталь:

... une femme inclinée, que je reconnus bien (pourtant, je ne l'avais point revie depuis des années) – ... женщина, которую я сразу узнал; а меж тем я не видел ее уже года).

По мифологическим представлениям 'умершие' не имеют возраста, не могут стариться и навсегда остаются в той поре, в которой их настигла 'смерть':

Petit brebiette toujours semble jeunette.

(Ср. традиционную, т. е. сакральную, семантику славянско-го: **Птичка-невеличка всегда молодичка**; 'птичка' = 'душа умершего').

Брюньон в тексте является 'носителем знаков **старения**':

- он не полысел (pas même un de tes cheveux), "не посивел" (Tête de fou, tu le sais, ne blanchit.),

- «ничего не потерял» (tu n'as rien perdu; т.е. 'сила рода' им еще не утрачена),

- однако он «не похорошел», «вокруг глаз... морщинки», «нос... раздался вширь» (Certes, Breugnon, mon ami, tu n'as point embelli, tu as les pattes d'oie, ton nez s'est élargi.).

С внешностью Ласочки в том же фрагменте текста дело обстоит гораздо сложнее: ощущение одновременно как бы **двух измерений** настоящего Селины (**видимого** и **невидимого**) создается в тексте **параллельными** рядами признаков, признаками 'живого' (в прошлом и не имеющего **теперь** возраста) и признаками 'мертвого' (настоящего, подвергшегося за 30 лет деструктивному влиянию времени). И те, и другие естественно **противопоставлены**:

а) «Это тело, такое упругое, которое так отрадно было видеть и еще отраднее было ласкать, эта шея, эти груди, этот стан, эта кожа, эта плоть, вкусная и плотная, как молодой плод...» (Hélas! Hélas! ce corps si ferme et doux à regarder, plus doux à caresser, cette gorge, ces seins, ces reins, ce teint, cette chair savoureuse et dure comme un jeune fruit ... où sont-ils, et où suis-je?); 'живое' - 'тело (плоть) в **прошлом**', или 'видимость в **настоящем**');;

б) сравним: «Взгляни на эти ввалившиеся щеки, на этот беззубый рот, на этот длинный нос, который сплюснулся, как лезвие ножа, на эти красные глаза, на эту дряблую шею, на этот обвисший бурдюк, на этот безобразный живот...» [См. традиционные для французов в средние века представления о **'смерти'** и **'пляске смерти'**, нашедшие отражение, в частности, в живописи: Хэйзинг 1988: 149–163.] (Regarde ces joues creusées, cette bouche édentée, ce long nez aminci en lame de hôteau, ces yeux rougis, ce cou flétri, cette outre flasque, ce

ventre déformé ...; 'олен (плоти) в **настоящем**', или 'видимое **скрытое** (в могиле)').

1) 'Беззубый рот' (cette bouche édentée, а также: Et a-t-elle encore des dents?),

2) 'ввалившиеся щеки' (= представления о 'мертвой голове', 'черепе', 'ко(а)щее'),

3) 'длинный нос' (причем '**железный** нос': en lame de couteau; 'разящий, убивающий');

4) 'красные (= **горящие**) глаза' (ces yeux rouges);

5) 'безобразный живот' (= **ввалившийся**: cette outre flasque, ce ventre déformé);

- все это и есть традиционный набор признаков 'мертвого', носителя 'тотемной силы'.

Таким же признаком являются и '**мокрые руки**' Ласочки при 'встрече': Elle avec ses bras mouillés ... (Ср.: связь 'первого мертвого рода (первой смерти)' с 'мокрым (грязным, женским)' и мифологически **страшным, несущим** живому **смерть**, – **Моргана, Мара, Мора, Кикимора**; '**мокрая курица**' – la poule mouillée)²⁸.

Характерно, что мотив '**встречи-контакта** старика с **собственной смертью**', популярного во французской традиции²⁹, прямо или косвенно подкрепляется многими, значимыми для развертывания текста деталями. В частности – репликами диалога между Кола и Ласочкой (устойчивые выражения, игра слов, перифразы фольклорных формул '**отсрочки** смертного часа'):

... Ne te presse donc pas. (Да ты не торопись; или – не тревожь (мертвое; смерть), не мучь);

Et tu ne me gênes point. (Да и мне ты не мешаешь; т. е. тем, что **сюда** пришел);

Qui fol (**сумасшедший** = **отлетевшая** душа) naquit jamais ne guérit. (Ср.: **Горбатого могила не исправит.**);

... au bout de son rouleau (кончается **свиток**; ср.: **моток ниток**, нить **жизни**) - (c'est passé, c'est homme s'il n'y avait rien eu (все в прошлом, словно ничего и не было)³⁰).

Тут же, находим традиционные мотивы '**пес** – страж **мертвого**' (не допускает в мир мертвых живых; en gourmandant Médord), а также 'гумна' (elle crut bon d'aller fermer, ou bien ouvrir (je ne sais plus au just), **la porte** de **la grange**), где хранится '**зерно**' (= продуктивная (**мужская**) **сила рода**).

Ср.: в сказках инициационного цикла обрядов семантически значим мотив 'старик или отец (= предок рода) **молотит на гумне** с сыновьями (парнями)'; а также 'молотьба' в "волшеб-

ных" сказках является 'знаком **чужого (нечеловеческого, мертвого) пространства**' (например, в сказке о '**коте-в-сапогах**'). А '**мельницы**', о которой говорят, в тексте нет. (Здесь, в мире мертвых, зерна не мелют – это привилегия живых и имеет в языке фольклора, в первую очередь, сексуально-эротическое, значение: **Перемелется – мука будет**, – говорится, в частности, о **молодоженах**).

Наряду с ними – признаки '**тления**', традиционно значимые для мотива 'посещение близкого умершего **в его могиле**':

... où sont-ils (тело, молодость), et où suis-je? où me suis-je perdue? (...куда я девалась?);

Entre toutes les femmes, je t'aurais reconnue, dis-je, les yeux fermés. (Среди всех женщин на свете, – сказал я, – я бы тебя узнал с закрытыми глазами.) – Les yeux fermés, oui, mais ouverts? (С **закрытыми** – да, а с **открытыми**?);

Vois cette ruine. (Посмотри на эту **развалину**. – Т. е. на то, что от меня осталось.);

Et dans l'ombre de la chambre, profonde, moel - leuse, fleurant un peu le moisi, montait de la tasse de grès que je tenais au poing, l'arôme affectueux du cassis bourguignon. (И в **сумраке комнаты** (ср.: être chambré - сидеть взаперти), **глубоком, мягком, слегка пахнущем гнилью**, поднимался из **каменной чашки**, которую я держал в руке, **ласковый аромат бургундской наливки**; ср.: **вино = сила, кровь рода**)³¹.

Более того, ряд структурно-семантических элементов второго вставного фрагмента текста 5-й главы романа Р. Роллана может быть прочтен **только** в контексте традиции.

Так, только на фоне мифологического мотива 'встречи-контакта **живого с мертвым**', возможного в **майские поминальные дни**, проявляется в тексте традиционная семантика отдельных структурных конструкторов и потому можно объяснить их логическое появление и место в сюжетном фрагменте:

... Nous nous fixâmes et nous n'avions même pas la force de nous voir. (... у нас не хватало даже **силы** друг друга **увидеть**; 'мертвое' отбирает силу 'живого' и, не овладев достаточно 'силой живого', само не обладает 'силой мертвого');

Oh! elle n'en montra (не обнаружила, не проявила) rien, elle était bien trop fière... (О, она ничего при этом **не сказала**, она была чересчур горда; ср.: être fière òакже - "быть возвышенным", т.е. не от мира сего, не от 'мира живых');

Nous nous fixâmes en riant, à qui ferait des deux baisser les yeux de l'autre. (Ты посмотрели друг на друга смеясь (т. е. **молча**), выжидая, кто первый опустит глаза; игра в

'**гляделки**', '**молчанку**' как взаимное **испытание** 'силы', ср. также: fixe - неподвижный; regard fixe - неподвижный (пристальный) взгляд; глагол fixer имеет оттенок 'сосредоточиться', или 'удерживать в памяти').

Riant du coin de ses lèvres serrées, sans ciller ... (Посмеиваясь **углом** своих **сомкнутых** губ, **не мигая**, она продолжала ...; = **мертвая маска**, не реальная для мимики живого лица);

Son regard sérieux et madré (себе на уме) m'écoutait. (Ее **глаза** – точнее, **взгляд**, – серьезные и лукавые, **слушали** меня; ср. мифологическое: **мертвое** не имеет **ушей**, разговаривает **без помощи губ**, молча; оно не имеет **глаз**, а **взгляд** его – «зияние впадин», черепа);

Elle hocha du nez. (Она затрясла (устаревшее) **носом**; ср.: hocher la tête - качать головой, говорится о 'живом', и 'трясти носом', говорится о 'мертвом').

Des yeux, elle me suivit, sur le seuil appuyée au chambranle de la porte. (Она провожала меня глазами, прислонясь **на пороге** к косяку **двери**.);

Sa grande bouche mince et moqueuse se taisait ... (Ее большой рот, тонкий и насмешливый, молчал ...).

В том же контексте **поминальных дней** проявляются элементы соответствующего им обряда 'контакта живых и мертвых рода', также являющиеся **конструктами сценообразующего (внешнего внутреннего формы формы)**. О ритуальных '**еде**' / '**питье**' в начале главы уже упоминалось. Далее это – 'целование **покойного**' - при **первом** приближении к нему и при **окончательном** прощании с ним:

1) Et nous nous regardions. – Embrasse-moi, dit-elle. Je ne me fis pas prier.;

2) Je l'embrassai, je partis.

В тексте не только присутствует мотив 'поминального застолья' (поминок, поминки после погребения), но и раскрывается в диалоге Кола с Селиной традиционная семантика обрядового действия:

Le chagrin, faut le nourrir. (Печаль – любовную – о покойной возлюбленной – **нужно питать**.); – Viens donc faire boir l'enfant. (Так пойдем, покормим младенца.);

Nous enfrâmes à la ferme et nous nous attablâmes. Je ne sais plus trop bien ce que je bus ou mangeai, j'avais l'âme occupée; mais je n'en perdis point un coup de dent ni de gosier. (Мы вошли в дом (в **замкнутое пространство**) и сели за стол. Я уже **не помню**, что я пил и ел, **душа** у меня была **занята**; но зубы и глотка работали исправно.)³²;

– Es-tu moins affligé? – ... corps vide, âme désolée; et bien perdu, âme inconsolée. (– Ты теперь не так удручен? – ... тело пусто, дух расстроен; а поешь, и дух спокоен.)

Характерны для мифологических представлений о 'гощении в мире мертвых' и о 'контакте с умершими' мотивы '**беспамятство**' (связанное с вкушением мертвой пищи; отсюда и провал времени), '**занятость души во время еды-питья**', т. е. 'душа' высвобождается (из тела) в мире мертвых и способна самостоятельно блуждать в нем, общаться с другими 'душами' (= душами мертвых), а также роль ритуального 'смеха' в погребальном обряде, угадываемая в ироническом тоне диалога героев романа (состяжание в шутках).

Роль '**смеха**' в традиции **поминальных застолий** велика не только как 'оберег живых **от покойника** (и пришедших за ним мертвых рода)'. 'Смех' – **знак и проявление** 'отмеченности жизненной силой (= силой креативной)'. '**Неиссякаемое** веселье' – залог того, что '**смерти**' (= **мертвому**) не удастся '**вымотать** жизнь' (заставив **вертеться**) из 'живого', т. е. забрать и присвоить себе его '**животворную силу**' (= **мужскую** силу рода). Ср.: сказочный мотив '**отсрочить обманом** смерть', как правило – 'подшутить' над ней, 'одурачить', что удастся только '**плутам**' и '**бездельникам**' (**Жану-которому-не-к-спеху**).

Соответственно, **поминальными обрядами** запрещается '**лить слезы**' (с того момента, как **тело умершего предано земле**): по мифологическим представлениям древних, 'слезы' поднимают 'мертвого' их 'могилы', т. е. 'высвобождают **страшную силу** мертвого', враждебную 'живым'³³. Отсюда у Р. Роллана: ... cela me démangea les yeux d'une envie de **pleurer**. Mais je **ne pleurai** point, je ne suis pas si bête! (у меня засвербило в глазах от **желания плакать**. Но я **не заплакал**, я **не так глуп!**).

Напротив, 'помяная **близких усопших**', либо находясь в '**контакте**' с ними, традиционно должно испытывать чувство '**светлой** радости' (т. к. на 'том свете' им хорошо, 'покойно')³⁴. Ср. у Р. Роллана:

Je dit: - Au moins, y es-tu bien? (Я сказал: "Во всяком случае тебе здесь хорошо.");

Elle haussa les épaules et dit: - Aussi bien que l'autre. (Она пожалала (тряхнула) плечами: "Не хуже, чем другой (другим).");

– Diable! fis-je, cette maison doit être un paradis? (... Этот дом должен **быть раем**.);

– Mon ami Carabi, tu l'as dit. (Ты так сказал; т. е. **именно**

так и есть). И далее:

– Je dit: – Qu'on est bien, ici! (Я сказал: "Как хорошо здесь!"); и: D'une façon ou de l'autre, à présent ce serait de même. (Так или иначе, мы пришли бы к тому же; т. е. к '**смерти**').

Теперь рассмотрим набор конструктивных единиц текста, значимых в мифологических представлениях о '**выходе** с того света' (= из **могилы**), конструкторов, выступающих в нашем фрагменте как сюжетообразующее. Прежде всего, о необходимости возвращении в 'мир живых' старому Кола напоминает '**бой часов**' (выводящий старика из **забытья воспоминаний** и **беседы с тенью** подружки юности):

Après avoir bien ri, je m'essuyais les yeux, lorsque j'entends sonner six heures au clocher. "Bon Dieu, dis-je, je m'en vas!" (Насмеявшись вдоволь, я вытирал глаза, как вдруг услышал, что на **колокольне** (т.е. 'далеко вверху') бьет **шесть часов**³⁵. «Боже правый, – сказал я, – мне пора!»).

Перед уходом из 'мертвого дома' **необходимо 'испить вина'** (**вино** = сок **жизни, кровь**; возвращает **жизненную силу**, теряемую в **контакте с мертвым**):

... l'arôme affectueux du cassis bourguignon (bourguignon, **бургундская** = 'своя' (своего рода; = **жизнетворная**); **cassis** – '**черная смородина**', традиционно связана с '**женским опытным** рода', с '**мертвым** рода' и с '**силой** рода', т. е. тяготеет к 'центру' модели).

'**Питье**', предложенное Селиной старому Кола, приобщает его к '**женскому чужого рода**' (= к силе; и к сакральному знанию мертвых).

Завершает 'свидание на том свете', как всегда в фольклоре, попытка 'мертвого' удержать 'живое' – предложение **остаться** вместе³⁶. (Ср.: **Земля (всегда) возьмет свое.**) Однако Брюньон не поддается соблазну и уходит от **прямого**³⁷ ответа:

Tout de même de ce double bonheur faut savoir se passer. (И все-таки надо уметь обходиться без этого обоюдного счастья.)

Освободиться от воздействия 'силы мертвого' человек, по мифологическим представлениям, может только **при помощи 'лжи'**:

Elle me dit: «Menteur!» (Et comme elle disait vrai!) – Она мне сказала: «Лгун!» (И как она была права!).

Селина провожает Брюньона **только** до 'порога', т. е. сама не выходит из своего 'мертвого дома' (который **мертвец** во время подобных визитов близкого ему при жизни человека на

кладбище и во время **гощения** того в его, покойника, **моги- ле – не может покидать**). Если путь в 'мир мертвых' (или **на кладбище**) лежал с '**запада**' на '**восток**', т. е. **против часо- вой стрелки** (солнце уже склонялось к западу - вторая поло- вина дня, а **тень** шла **вперед** – т. е. отбрасывалась к **восто- ку**), то теперь **обратный** путь Брюньона (путь в мир живых) лежал уже **по часовой стрелке** – с '**востока**' на '**запад**': ко- гда Кола выходит на 'порог', 'тень орешника'³⁸ стелется **перед** ним (а **орешник** – находится **перед домом** и тем самым **за- катное солнце** светит старику Кола **в лицо**):

L'ombre du grand noyer s'allongeait devant nous. (Перед на- ми стлалась тень высокого орешника.)

Миновав 'орешник' (т. е. сначала миновав его **тень**, а затем уж его самого), нужно **не оборачиваясь** дойти до **поворота** дороги:

Je ne me retournai pas que je n'eusse tourné le coude du chemin, et que je ne fusse bien sûr que je ne verrais plus rien. Alors, je m'arrêtai dour reprendre mon souffle. (Я не оборачивал- ся, пока не загнул за поворот дороги и не был **вполне уверен**, что ничего уже **не увижу**. Тогда я остановился, чтобы пере- дыхнуть.)

'Мертвое' не имеет власти над 'живым', если тот **уходит не оборачиваясь**.

Надо отметить, что пейзаж 'ухода', или '**выхода из мира мертвых**', столь же насыщен традиционными смыслами, сколько и пейзаж 'дороги на тот свет'

Во-первых, это – 'нейтральное пространство', **видимое из окна** 'мертвого дома (= могилы)': «лучи солнца» (заходящего), «золотая пыль» (ср.: 'золотой дождь', т. е. 'жизнетворная (муж- ская) сила' неба), живые 'травинки' (живое из мертвого), –

Les rayons du soleil couchant frottaient de leur poussière d'or les milliers de brins d'herbe aux petits nez frémissants. Семанти- ческая близость, традиционная для языка фольклора европей- цев, 'коровы' (une vache) и 'солнца' (le soleil), имеющих отно- шение к 'верховному божеству' и 'нечеловеческой силе' (= 'силе продуцирующего, мужского').

Однако 'на лугу' (par la fenêtre de la cuisine, on voyait la prairie; 'луг' – традиционно 'нейтральное' пространство за чер- той 'человеческого', например, 'города', 'деревни', т. е. удоб- ное для ритуальных 'контактов' с 'мертвым рода') у Р. Роллана "корова лизала **ивовую ветвь**" (Une vache léchait une branche de saule; le saule – 'ива; верба' традиционно связана с 'мертвым рода, тотемным'). Виден в '**окно**' (т. е. в, или через, традици-

онный '**прорыв**' – 'чужого' в 'свое'; здесь: 'внешнего мира' во 'внутреннее', т. е. в 'могилу') и 'ручеек', приведший Кола в 'мир мертвых': *Sur les galets polis unuisselet sautait*³⁹.

В данном фрагменте текста семантически значимы противопоставления '**внешнее**' (= луг) / '**внутреннее**' (= могила), 'солнечные **лучи**' / '**сумрак** комнаты', 'запахи **сирени, травы, навоза**' / 'запах **гнили** и аромат **наливки**' (т. е. 'долго настаивавшегося **взаперти, в замкнутом пространстве**'), '**золотое**' (= житнетворное; **огненное**) / '**черное**' (= вороное), '**серое**' (= звезда во лбу (*une étoile au front*); = **мертвый** огонь; **живое в мертвом**). Причем последнее, '**живое в мертвом**' (звезда во лбу), сопоставимо семантически с «ласковым ароматом **бургундской наливки**» (**живое**), «поднимавшимся из **каменной чашки**» (из **мертвого**), а также с «дрожащими носиками (**живыми**) тысяч травинок», покрывших 'ковром **кладбище (мертвое)**».

С точки зрения мифологического, сопоставимы также мифологемы 'корова' (= солнце; сила жизни; небесное, нечеловеческое) и 'конь' (= сила рода; мужское, человеческое; хранимое мертвыми рода, т. е. живое в мертвом). 'Корова' (= 'солнце') у Р. Роллана 'ненасытна' – т. е. продолжает пастись (в лучах **заходящего** солнца), «лизет **ветвь ивы**» (= ветвь **мертвого человеческого**). Параллель 'корова' – 'лизет' – 'ветвь (ивы)' и 'лучи' – 'натирают (пылью солнца; огнем жизни)' – 'травинки (дрожащие; живые)' создает философскую метафору: животворное солнце, а именно: от него (= света, огня, тепла) в мертвом (= умершем, человеческом и природном) зарождается новая жизнь. 'Кони' (= 'сакральная сила'; = 'мужское родовое'; = 'живое, хранимое умершими предками') же '**насытились**', 'кончили **пастись**', 'неподвижны'⁴⁰ (в лучах заходящего солнца и – в пространстве нечеловеческого, неживого):

*deux chevaux immobiles, l'un noir une étoile au front, l'autre gris pommelé, l'un appuyant sa tête sur la croupe de l'autre, rêvaient dans la paix du jour, après avoir brouté. (... две **неподвижные** лошади (а по тексту – 'кони'), одна **вороная** со звездой во лбу, другая **серая** в яблоках, положив головы друг другу на круп, задумались в предвечерней **тишине**, кончив пастись⁴¹).*

Во-вторых, в романе для пейзажа 'ухода (выхода) с того света' семантически и конструктивно значимы приметы 'обратной дороги', т. е. 'знаки пути из мира мертвых в мир живых'. Это – '**порог** дома' (**косяк** двери), '**высокий** орешник' (**дом-могила** в его **тени**), '**поворот** дороги' (за которым уже

не видно 'одиноким могилы', или 'кладбища').

Затем выход в пространство 'нейтральное', промежуточное между 'миром мертвых' и 'миром живых', традиционно ассоциирующееся в тексте со 'сладким забвением', 'сном', 'провалом памяти (времени)': запах "нависших глициний" (L'air était embaumé d'un berceau de glycine.); 'луг' и пасущиеся на нем – правда, **вдалеке** еще – '**белые волю**' как признак 'пространства **не мертвых**' (Et les boeufs blancs au loin gissaient dans les prés.).

Однако старый Брюньон, которому – на пороге своей смерти – уже нечего терять и бояться, Брюньон, все еще находящийся под действием грустных воспоминаний – о молодости, о любви, о **покойной Селине** (традиционная символика 'благоухающей **глицинии**'), т. е. не окончательно очнувшийся от '**сна смерти**' (= '**могилы**'), опять нарушает мифологические законы 'возврата из мира мертвых', нарушает один из главных 'запретов' (**не обернуться, не сворачивать**, возвращаться по **той же дороге**, по какой пришел): он идет '**без дороги**', "напрямик" (Je me remis en marche; et, coupant au plus court, je laissai le chemin, je gravis le coteau, je partis à travers vignes, et m'enfonçai sous bois.)⁴².

Но, по мифологическим представлениям, 'путь **без дороги**' – это 'путь **в неизвестное**', также в '**невидимое**', как бы в другое измерение (в качественно иное **пространство-время**) объемной 'модели мира'. И Кола оказывается на **опушке** 'леса', т. е. на 'краю' **деструктивного пространства** (= на грани **Ничто**): à la lisière du bois.

Более того, '**дуб**', 'под сенью' которого **застывает** "не шевелясь и разинув рот" Брюньон (... je me trouvai toujours à la lisière du bois, sous les ramures d'un chêne, immobile, debout, et baillant aux corneilles.), является у европейцев не только растительным символом 'верного (постоянного) сердца', 'силы и стойкости', 'любви грусти': все эти значения (растительная символика) значимы для организации фрагмента текста как вторичное – литературное – по отношению к фольклорной традиции. Они задают мотивы 'нереализованной (в **далеком прошлом**) мужской силы', 'любви томления' (реализующегося в **воображении** – но уже Кола-старика), иллюзорного 'союза влюбленных' (= верности в запредельном пространстве нечеловеческого).

'Дуб' соотносим в традиции с '**мировым деревом**', выросшим на 'горе' (ср.: 'пуп земли' и – je gravis le coteau в тексте).

'Под сенью дуба' находится 'ограниченный (**тенью**, сенью) **круг** вечности', т. е. 'времени-пространства **бессмертия**' (ср.: сказочный сюжет "Человек, искавший бессмертия"). По поверьям древних, для очутившегося под сенью волшебного 'дерева мира' (= дуба) 'время перестает течь' (т. е. останавливается) и поэтому человек не старится, не умирает - ровно столько, сколько находится в '**тени** дерева'. Если на последнем не останется ни одного 'листка' (например, '**последний** лист' унесет '**птица**'; обычно '**орел**'), т.е. не будет уже под ним 'тени' (= **безвременья**), - исчезнет и мифическое **пространство-время** 'бессмертия (= **вечности**)'.

Старик попадает во власть '**зачарованного** места' (= **забытья, сладкого** сна):

Sans doute l'arbre me liait de son ombre magique, qui fait perdre la route et le désir de la trouver. (Должно быть, дерево опутало меня своей колдовской тенью, которая сбивает с пути и отбивает охоту его найти.)

И Брюньон понимает, что с ним произошло, пытается избавиться от наваждения:

J'essayai de m'arracher au charme qui me tenait. Je ne pus. (Я старался вырваться из охватившего меня очарования. Я не мог.);

Une fois, deux fois, trois fois, je fis le tour, je le refis; à chaque fois, je me revis, au même point, enchaîné. (Раз, другой, третий обошел я вокруг ствола, снова и снова; и всякий раз я оказывался на прежнем месте, окованный.)

Освобождение - выход из магического 'круга' - возможно только 'утром' (когда взойдет солнце):

... aussitôt que se rouvre le rideau de la nuit, dès que le rire pâle de l'aurore lointaine commence à ranimer le visage glacé et les lèvres blanchies de la vie ... (... как только раздвигается **полночь**, чуть бледная улыбка далекой **зари** начинает **оживлять окоченевшее** лицо и **побелевшие** губы **жизни** ...);

Tout ce qu'on a souffert, ce qu'on a redouté, l'épouvante muette et le sommeil glacé, la nuit, tout ... (Все, что было выстрадано, все, что **страшило, безмолвный** испуг и **окоченелый сон, ночь**, и все ...) ... est oublié (... позабыто.)

'Заря' (далекая; чуть бледная улыбка; ср.: солнце, лучи; натирает, т. е. делает '**живое**' из '**мертвого**'); лижет, т. е. дает жизнь, оживляет) **возвращает** 'силу жизни' умершему (временно; на ночь; **на время тьмы, тишины**; на время "**ледяного** сна", = **смертного сна, забытья**). Традиционно противопоставлены 'утро' (= начало дня) / 'ночь' (= 'страшное', окоченелое; выстраданное и - **забытое** по пробуждению), 'живое'

(= **тепло** солнца; свет (еще бледный) зари; улыбка – как начало 'смеха', т.е. как начало 'проявления силы жизни') / 'мертвое' (= **окоченевшее лицо** и **побелевшие губы** – от '**сна-смерти**'; страх, испуг от 'контакта с **нечеловеческим, мертвым**' – контакта с 'ночью', 'тьмой'; контакта с 'безмолвием'; непосредственного 'контакта со смертью-сном').

Соответственно, сопоставлены 'утро' – 'пробуждение ото сна'; 'конец ночи' – 'начало нового дня' как 'возрождение к новой жизни'; 'дрозд' (Il continuait de siffler. – Он все свистал.) – 'Кола Брюньон' (Sur la terre accroupi, je sifflai comme lui. – Сидя на земле, я тоже принялся свистать.). Традиционное поверье: '**свист**', как и '**смех**', является 'проявлением (= демонстрацией) нечеловеческой силы'. Возможно, это связано с представлениями о мифическом '**языке птиц**' (и '**языке животных**'), понятном только обладателю определенной магической 'силы' (тотемных 'силы' и 'знания', сакрального).

Чтобы окончательно '**вернуться** к жизни', 'ожить **после смертного сна**', в котором 'временно пребывал', старому Брюньону необходимо, во-первых, произнести определенную **заговорную формулу**, а во-вторых – 'перекувыркнуться', т. е. совершить ритуальный **переход из одного состояния** (из **мертвого, очарованного**) **в другое** (в живое, реальное). Именно это и делает Кола в романе.

Произносимый героем **заговор** «Coucou, coucou, le diable te cass' le cou!» (se casser le cou – сломать шею; причем le cou созвучно звукоподражательному cou-cou, «ку-ку!»; ср.: «Кукушка, замолчи, черт изжарит тебя в печи!») направлен против магической 'силы мертвого': 'кукушка' в фольклоре – 'неприкаянная'⁴³ душа' (т. е. не успокоенная, не насытившаяся силой жизни и живого); ее 'кукованию' придается большое значение в **гадательной практике**. '**Кукушка**' – '**вещунья**': «sосу blanc, сосу noir, gris сосу nivernais» (зегица **белая**, зегица **черная**, зегица птица **вздорная**; т.е. '**пестрая**' [Цивьян 1984], и тем самым «промежуточная» по своим функциям – 'между тем и этим миром'; относящаяся к 'чертовщине', = 'нежити'). Тем самым, заговорная формула означает: «згинь туда, откуда пришла (в мир мертвых); здесь (в мире живых, над живым) ты не имеешь силы».

Традиционно значимо также сопоставление старого Кола, который «**перекувыркнулся**», **чтобы окончательно вернуться** в реальный мир (Avant de me relever, je fis une cabriole.), в мир «пробегавшего зайца», «последовавшему примеру» (Un lièvre qui passait, m'imita ...). С одной стороны, '**заяц**' имеет в

фольклоре европейцев значение '**переходных** состояний' (зимой **белый**, летом **серый**), имеет отношение к '**мертвому старому**' / '**живому юному**' рода – в обрядах инициации; '**незнание, неопытность**' / '**знание, опыт**' – добрачный, **эротический** [Гура 1978]). С другой – в семантическом языке традиции 'заяц' значим как '**мужское молодое**' (как 'неопытное' / 'опытное'), '**подвижное**, сильное, ловкое' (в играх молодежи; в так называемом "детском" фольклоре). Отсюда и в романе:

... il riait; sa lèvre était fendue, à force d'avoir ri. (... он смеялся; **губа** у него расцелась от **частого смеха**; т. е. 'силы смеха'; = силы жизни, **мужской, эротической**).

В контексте мифологических представлений самого героя романа Р. Роллана «Кола Брюньон» – представлений о противопоставленности 'мира этого' (= мира **живых**) и 'мира того' (= мира **мертвых**), о существующем между ними '**пороге**' (= невидимом **рубеже**), о законах 'перехода живого в мертвое' (и наоборот), т. е. представлений о мифической 'переходности состояний' – семантически насыщенным традиционными смыслами представляется монолог старика Кола, завершающий 5-ю главу:

"Через пять моих чувств, разверстых вновь, врывайся, мир, втекай в мою кровь!" (Par mes cinq sens ouverts à fenêtres larges, à pleins battants, entre, monde, coule en mon sang!).

'Пять чувств' дают человеку **целостное** (= **круглое**; ср.: ... le monde est rond.) представление-ощущение о мире '**видимого**', т. е. о мире '**человеческого**' (**внешнего, серединного** для общей модели). '**Пять**' – из '**семи чувств**': т. к. еще **два**: 'чувство **сексуального**' и 'чувство **запредельного**' (= **потустороннего**) особо сакрализованы в традиции, а потому доступны только 'посвященным' (т. е. отмеченным магическим «**нечеловеческим**» **знанием**) и дают они представление-ощущение о '**невидимом**'. "Чувства, разверзтые вновь", – есть **возвращение к 'жизни' после 'смертного сназабвения'**.

«Всякому свои границы, всякому свой порог» (Chacun a ses limites, – т. е. рубеж, предел; грань, граница; – chacun est dans sa sphère, – т. е. сфера, круг; среда) = 'живое' – 'живому', 'мертвое' – 'мертвому' (принадлежит и должно быть отдано, возвращено); каждому в 'модели мира' отведено свое место; каждому 'отмерена жизнь': отодвинуть 'порог' (= 'конец') нельзя, а приблизить его – не стоит. Отсюда все следующие рассуждения Брюньона:

Vais-je m'agiter, gémir, parce que je n'en puis sortir? Serais-je

mieux, ailleurs? Je suis chez moi, j'y reste, et resteraï, corbleu, si longtemps que je peux. Et de quoi me plainais-je? On ne me doit rien, en somme. J'aurais pu ne ðas vivre ... (Стану я волноваться, стану ныть, оттого, что не в **силах** его **переступить**? Да и лучше ли мне будет **не на моем месте**? Я **у себя**, и здесь я **остаюсь**, и здесь я и останусь, черт побери, **насколько** можно **дольше**. Да на что мне и жаловаться? Мне, в сущности, никто ничего не должен. Я ведь мог и вовсе не родиться ...).

И далее: «Все хорошо, как оно есть» (Tout est bien comme il est). Это сказано о 'мировой гармонии', о совершенстве объемной 'модели мира', 'центром' которой ощущает себя – всеми своими чувствами (причем в романе – всеми **семью!**) – Кола Брюньон.

Итак, мифический '**провал** (или – **прорыв**) **пространства-времени**' заставляет героя романа "с опозданием ... вернуться в Кламси" (Avec un jour de retard, je revins à Clamecy.). Это 'опоздание' становится **следствием нарушения** ряда традиционных 'запретов' (в частности – **не сворачивать** с пути-дороги; **не оборачиваться**; не идти **напрямик**; не поддаваться **соблазну** погостить у умершего и проч.).

'**Душа**' старика '**заблудилась**' и '**проблуждала**' (**вне тела** – следствием чего был **смертный сон, забвение**, блуждание в **прошлом** и в **мире мертвых**) – блуждание **вне 'этого** (реального) мира', блуждание **целый 'день'**. Причем 'день' как '**круглое** (= **замкнутое**, целостное) пространство **времени**' мифологически понятие **растяжимое**, т. е. может соответствовать '**мигу**', '**часу**', '**месяцу**', '**году**' и т. д. – '**солнечного календаря**'. В этом проявляется **относительность** 'невидимого' в отношении к 'видимому' в традиционном моделировании мира.

В контексте мифологических представлений европейцев и насыщении текста 5-й главы романа традиционными смыслами семантического языка фольклора своеобразный ряд метазнаков 'живого' (= 'сильного, молодого') дает первый вставной фрагмент текста, – «**юность и любовь**» Брюньона, противопоставленный ряду метазнаков 'мертвого' (= 'бессильного, старого'; **необратимого**) во втором вставном фрагменте, а именно: «**встреча на краю могилы**», – и в философско-метафорическом «**утре под сенью дуба**».

Если рассматривать "утро под дубом" как третий вставной фрагмент главы, то получим традиционную триаду '**убиение** (любви; жертва)' – '**очищение** (смерть; вознесение – помыслами, душой)' – '**возрождение** (для новой жизни; для любви –

насыщение ими)', т. е. перед нами миф об **'умирающем боге'** / **'воскресающем боге'**. В контексте последнего **'виноградная лоза'** (**'старая'**, или **'облиственная'**), а также **'сбор винограда'**, **'раздавленные грозди'**, **'вино'**, **'виноградники холма'** и т. п., – выстраиваются в традиционный атрибутивный ряд **Диониса**. Правда – как сюжетообразующее роллановского текста – т. е. как вторичный (или литературная реминисценция).

Однако сам первый вставной фрагмент изобилует конструктивными элементами, насыщенными фольклорной семантикой и значимыми в народной обрядности (особенно – молодежной обрядности добрачного периода, о чем речь пойдет в следующей главе работы). Так, противопоставления типа **'сила живого'** / **'сила мертвого'**, **'живое молодое'** / **'старое мертвое'**, **'присутствие огня'** (печи, печеного, горячей пищи) / **'отсутствие огня'** (и таковых – печи, пищи и проч.), **'наличие плоти'** (молодого тела, желания, страсти) / **'отсутствие плоти'** (и таковых), – лежат в основе **парадигматических** отношений **'этого мира'** / **'того мира'** в 5-й главе романа и, соответственно, первого и второго вставных фрагментов текста.

Тем самым, **общими** для Кола и Ласочки (в **юности = жизни**) **признаками** **'силы'** (= **'отмеченности'**) в первом фрагменте являются **'рыжее'**, **'горячее'**, **'жаркое'** (= **'потное'**), **'крепкое'** (= **'упругое'**), а общими **действиями** (т. е. проявлениями) – **'смех'** (= **'хохот'**), **'острословие'**, **'прыжки'** (= **'танцы'**), **'единоборство'** (= **'драки'**, **'сопение'**, **'толчки'** и проч.).

Все это – **присутствует** и в тексте и в описываемой при помощи данных конструктов **реальной** действительности **прошлого**. Этот ряд знаков **'силы (рода)'** – как его, так и ее – могут продолжить следующие традиционно значимые единицы: **'длинные волосы'** (**'косы'**; **'борода'**), **'большой рот'** / **'большой нос'**, **'лейки (= ведра)**, **'полные воды (для полива)'**, **'яблоки'** (= **'груды'**), **'грызть орехи'** (= **'грызть сердца'**), **'грядки с овощами'** (= **'огород'**), **'сажать капусту'**, и т. д., и т. п.

Общими для Брюньона и Селины (в **старости = смерти**) во втором фрагменте являются такие **признаки** и **действия** (или проявления) как **'сивость'**, **'дряблость'**, **'холодность'** (т. е. **скрытый смех**; внезапное **молчание**; пожатие плеч = равнодушие; сожаление), **'отсутствие тела'** (молодого; и куда девалось?), **'болтовня (пустая)'**. В **ирреальной** действительности **настоящего** нет ни **'огня'** (= **'жара'**), ни **'печи'**

('горячей') – все в 'прошлом' (= остывшее), обо всем – теперь только на словах. Например:

Bonhomme (= старик), quand je te vois, quand je nous vois aujourd'hui, cela me paraît comique. Mais alors, mon ami, je t'aurais avec délices écorché, grillé vif ... (Старик, когда я на тебя гляжу, когда я гляжу на нас обоих, **сейчас**, все это кажется мне смешно. Но **тогда**, мой друг, я бы с наслаждением содрала с тебя кожу, **изжарила** бы тебя **живьем** ...).

В завершение этой главы исследования необходимо подчеркнуть следующее: сопоставительный анализ структурно-семантических единиц – сюжетообразующих конструктов текста 5-й главы романа Р. Роллана "Кола Брюньон" – и традиционных смыслов семантического языка европейских фольклоров ни в коем случае не является анализом **содержания** художественного текста романа, или же анализа своеобразия литературного языка самого Романа Роллана. Более того, литературные реминисценции Р. Роллана (в частности – его обращение к тому или иному **сюжету** греческой или римской мифологии) есть реминисценции, которые являются художественным приемом автора; они особо упоминаются в данной работе, где подчеркивается их вторичность относительно европейской фольклорной традиции.

Поскольку традиционная семантика каждой национальной культуры в той или иной степени неизбежно проявляется в фонде современного языка (в лексике, паремиологии, сочетаемости единиц), в письменной и устной речи и более того – заложена в основу всей психофизической структуры человеческого мышления, потому изучение ее – как проявлений национальной культуры и самосознания конкретного народа – представляет немалый психолингвистический и, соответственно, лингвопсихологический интерес. В романе же "Кола Брюньон" присутствие традиционных фольклорных смыслов как **внутреннего** плана сюжетообразующих текст художественного произведения единиц всегда естественно и органично, т. к. Роман Роллан является непосредственным **носителем** фольклорной традиции.

Поэтому его «Кола Брюньон» является не стилизацией народного духа Бургундской провинции Франции, не литературным осмыслением местного фольклора, не художественным отражением традиционного быта, а **порождением** национальной культуры, подлинного мифологического мышления, сохранившегося до наших дней в обрядах и суеверных представлениях европейцев. И будучи сам носителем этого культурного "багажа"

традиции, Р. Роллан открывает все его богатство читателю, щедро насыщая свою художественную речь фольклорными смыслами, знакомыми ему, автору, (как и его герою) с младенчества.

Тем самым **форма** формы романа «Кола Брюньон», или же – **внешнее** сюжетообразующего литературного текста, насыщается **внутренним** – т. е. традиционной семантикой языка, свойственного народной культуре французов и индоевропейцев в целом.

В то же время, **внутреннее насыщение** сюжетообразующих единиц текста – насыщение традиционными смыслами – не безразлично и для структурирования самого художественного текста произведения. Семантический язык фольклора создает **дополнительный** (внутренний) план повествования, свойственный – как традиционный **игровой** (а первоначально – **сакральный**) **момент** – естественной народной речи. А потому выявление традиционной (= глубинной) семантики конструктивных единиц текста романа обогащает его восприятие, позволяет в полной мере ощутить сложность философского и поэтического контекстов роллановского сочинения. Ибо в основе философского и метафорического мышления европейцев лежит все то же психофизическое общечеловеческое начало, естественным проявлением которого на ранней стадии развития индивида и социума были мифологические представления о 'модели мира' и своем собственном месте в ней.

Итак, рассмотрев **внешнее внутреннего формы** (сюжетообразующего) романа, т. е. **парадигматические отношения** в традиции метазнаков 'пространства-времени' в контексте 'жизни' и 'смерти' (= единства и противопоставленности; '**живое в мертвом**' / '**мертвое в живом**'), определяющие **структуру** текста 5-й главы, а также рассмотрев **выбор и упорядочение** конструктивных единиц (значимых во французском фольклоре), теперь необходимо выявить **внутреннее внутреннего формы** (сюжетообразующего). **Внутренним же внутреннего формы формы**, изнутри организующим текст Р. Роллана – в соответствие с мифологическими представлениями героя о законах традиционного моделирования мира – будет **семантика обрядов** календарного и аграрного '**круглого года**'.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Деление, соответственно восходящее к системе 'три года в годе': три аграрных цикла 'посев' – 'рост' – 'созревание' – 'сбор урожая' (как, например, у древних египтян) являются ре-

ликом примитивных представлений древнейших племен, населявших Европу до освоения севера материка.

2. Это соотносимо, напр., в традиции с тетрадами:

'вечер – ночь – утро – полдень'; или же:

'вселение души в плоть (= женское в мужском) – подъем и бессмертие (= живое в мертвом; мужское в женском) – яйцо (в хаосе) – червь (начало дыхания)' как энтомологический код (фазы развития человека); или же:

'появление смерти (= мертвое в живом) – возникновение надежды (живое в мертвом) – брак света и хаоса – материя получает форму' как мистические акты;

'земля – вода – огонь – воздух' как преобладание элементов; или:

'сухость - холод - влага - жара' как преобладание качеств.

Соответственно -

'февраль' ассоциируется в традиции с 'мужским, горячим и влажным, счастливым',

'март' - с 'женским, холодным и влажным, несчастливым',

'апрель' – с 'мужским, горячим и сухим, счастливым' и наконец

'май' - с 'женским, холодным и сухим, несчастным' (= со смертью).

3. Параллель в романе между «мятежом» (*кровь и вино из подвалов - рекой*) и традиционными для европейцев-язычников *сентябрьскими вакханалиями* (двойное празднество 'конец сбора урожая и винограда').

'Давить вино' = 'умерщвлять' (*умирание / воскресение*); в романе – как отзвук древних человеческих жертв *Дионису, Озирису* и др. Ср. также: средневековый *культ Христа* и ритуальные костры инквизиции.

4. 'Гости', 'сваты', 'родственники жениха' в свадьбе также воспринимаются родом 'невесты' как 'пришельцы' из 'чужого мира (= чужого **дома**)', т. е. как 'носители чужого', носители и операторы враждебной роду невесты 'силы рода жениха' (или – **мертвых** его рода). Отсюда соотносимость **свадебного и похоронного обрядов**.

5. 'Встреча' – как основной структурный элемент, напр., большинства *сказочных сюжетов*. От того, *кто, с кем, где и как встречается*, прямо зависит развертывание текста и, видимо, соотносительность его с конкретным **обрядом** (или **фрагментом обряда**).

6. Характерно, что в "дневнике Брюньона" при многословности "автора", балагура и болтуна, при многотемности записей

и нарочитой «разбросанности внимания» героя (стилистический прием Р. Роллана) нет ничего лишнего. «Не к месту» рассказанная история, анекдотический случай или меткое замечание, нравоучение, философское обобщение – все семантически завязано на комплексном (мифологическом) мироощущении Кола. Художественный язык произведения органичен и насыщен традиционной семантикой фольклора.

При том, что написан роман современным французским языком, несомненно удачна получилась стилизация средневековой речи (за счет включений оборотов народного языка, точного употребления единиц фольклора, широкого использования для организации текста традиционных смыслов). Однако некоторые выражения, на первый взгляд, кажутся в романе анахронизмом, как, например, *la ferme de Céline*. Но так ли это в действительности – покажет семантический анализ корневой морфемы ***ferm** -.

7. Селина (Céline) созвучно имени Селена. Реминисценция литературная: в греческой мифологии Селена (луна) – сестра Гелиоса (солнца) и Эос (зари); ср. у Р. Роллана: 'солнечный цикл' жизни Кола и «возрождение дроздка (= души, силы героя) с каждой утренней зарей» (имя «Селина» преобладает над прозвищем «Ласочка» в том фрагменте текста 5-й главы, где старый Брюньон встречается с былой (= мертвой) любовью). Тема любви Кола и Ласочки перекликается с мотивом любви Селены к прекрасному Энтдимioniу (тайные ночные свидания в пещере); ср.: 'ночь' - 'сон' (= забытье) Ласочки и 'встреча' после смерти. Мотив 'обольщение Паном' (подарил стадо ягнят) = брак с богатым мельником и пасущийся вокруг фермы скот. Селена отождествлялась с Артемидой (ср.: непокоренная Ласочка), а также с Гекатой (ср.: Селина - хозяйка 'мертвого дома' и магия - ночи - 'встречи').

8. С мифологической точки зрения, «большая дорога» принадлежит видимому миру живых, а потому становится невидимой для Кола, свернувшего с нее (т. е. отступившего в сторону от "верного" и надежного пути живых) и преступившего уже тем самым грань мира мертвых (опять-таки невидимую, незримую для человека). Это – шаг символический: старый Кола стоит **одной ногой в могиле** и предчувствует **скорую смерть**, почему и обращается к воспоминаниям о единственной своей возлюбленной. Одновременно значимый и как «заглядывание туда» (за грань жизни) – предварительное, т.е. перед тем, как попасть туда самому, уже **на-всегда**.

9. Семантическая противопоставленность 'дорог **вправо**' / '**влево**', т.е. **по часовой стрелке** (= **солнцеворот**) и **против часовой стрелки** (= возвращение вспять, к своим истокам - родительского и родового; возвращение в мир мертвых, откуда берет свое начало рождающийся человек; ср.: "Синяя птица" Меттерлинка) - наглядна в европейских обрядах 'встречи весны' как реализации **солярного мифа** (возвращение Персефоны). **1-я встреча** - это встреча 'весны' с 'зимой'; она отражает противоположность движения: **зима - к концу** (идет, т.е. движется по ходу солнца), **весна - навстречу солнцу** (идет, т.е. возвращается из мира мертвых). Однако с 'зимой' встречается не сама 'весна' (Персефона пребывает в это время еще в мире мертвых), а 'вестники весны' (= птицы: **ласточка, жаворонок** и проч.). 'Птицы' - **весть** от **мертвых**: они предвещают живым возвращение 'весны' (= солнца) и возвращаются при этом сами обратно, в 'дом мертвых' (ср.: обычай 'встречать птиц' с 'деревянными домиками', ритуальной имитации 'домовин', 'гробов'), чтобы оттуда уже (опять-таки **по солнцевороту**) - к **живым** - вернулась 'весна' (далее, в контексте полного весеннего цикла, следуют уже непосредственные **три встречи** самой 'весны'). Тем самым, 'птицы' - это либо 'возвращение души' самой Персефоне (у славян - Анастасии), чтобы она **могла вернуться** к живым, либо 'выкуп' 'весны' (сродни 'выкупу невесты') - т.е. реликт древних человеческих жертвоприношений. Но точнее - это и то и другое одновременно, т.е. и в свадьбе 'невесту' обряжают, провожают и оплакивают как 'покойницу', т. е., по сути, готовят ее к жертвоприношению.

10. Ce petit prunier à la frimousse blanche - «цветущая слива», соотносимая с 'родительской неделей' и **почитанием предков** во многих традициях, привязывает в книге прогулку Кола 'по тропинке' к **майским поминальным дням** и, в частности, связывает эту прогулку с **9 мая**, днем **св. Николая** (вешнего). '**Слива**' - в **ключе 'растительность'**, в **коде 'деревья'** и **подкоде 'плодовые' (деревья сада)** - соотносима с '**центром**' модели, т. е. со '**смертью**' как '**концом и началом сущего**'. Традиционный смысл '**слива = смерть**' ощутим в таких французских лексемах как le pruneau - «чернослив» (плод, связанный с 'мертвым родовым', с поминальными обрядами и представлением о 'покойнике в гробу'); «пуля» (несущее смерть: косточка в мякоти и металл в человеческом теле); la prunelle - «терн» (растение и плод, традиционно соотносенные с 'миром мертвых', например, в мотивах «смертного сна (жениха или невесты)», «непроходимого зачарованного ле-

са» и т. п., сродни 'каменным, или окаменевшим, зарослям, деревьям'); «зрачок» (ср.: око = **первоначало / смерть**); pour des grunes – «зря, даром; попусту² (т.е. 'ничто' (смерти). «Слива» у европейцев также – символ "преданности".

11. 'Пять' – число, соотносимое, по мифологическим представлениям древних, в частности, с гармонией 'человеческого', в то время как 'шесть' – о чем мы уже говорили – есть символ общей гармонии и целостности (= круг), т. е. 'модели мира' в совокупности 'видимого' (= 'человеческого') и 'невидимого' (= запредельного; мертвого, т. е. 'нечеловеческого').

12. 'Трава' в фольклоре выступает как семантически сложный комплекс 'присутствия (невидимого, т. е.) мертвых на земле': трава на могиле; нельзя мять (но сомнешь – распрямится); без любви – не растет, а также à chemin battu (на проезжей дороге) il ne croît pas d'herbe.

13. В работе уже упоминалось традиционное тождество '**смерть**' = '**глубокий (смертный) сон**' = '**дрема**' = '**кот (кошка)**', явно прослеживающееся в фонде "детского" фольклора и в магической практике европейцев. Интересно, как проявляется глубинный (мифологический) смысл '**кот** = **смерть**' (или – '**несущий смерть**' / '**несущий жизнь**') в современном французском языке и его паремиологии:

un chaton – «котенок» и «оправа для драгоценного камня» (ср.: 'смерть' как 'свет во тьме', 'живое в мертвом');

chatoyant, -e – «переливающийся; сверкающий»;

ingrit comme les chats – «в высшей степени неблагодарный» (ср.: сказочный сюжет о 'неблагодарной смерти');

donner sa langue aux chats – «признать свою беспомощность, не найти выхода» (= отдалиться смерти);

appeler un chat un chat – «называть вещи своими именами² (реликтовое табуирование '**страшного имени**' = '**смерти**'), т. е. «проглотить - или отдать кошке – свой язык», «назвать кошку кошкой».

В связи с последним становится понятной и мифологически аргументированной такая «дразнилка», известная, к примеру, русскоязычным детям, как: «**Кошку съел! Кошку съел!..**» «Назвать по имени» или «съесть» – т. е. приобщиться к ее магическому, стать ее частью, зависимым от нее и ей починенным.

14. Пожелания, бытующие у разных европейских народов, '**прямого и ровного пути**' (libre – свободного, беспрепятственного продвижения в пространстве) являются реликтовыми формулами, использовавшимися древними для 'проводов души

на тот свет'. Ср.: libre comme l'air (*дух = душа; свободный как птица*).

Пожелания же '**развертывания (вперед) дороги**' традиционно связуемо с такими понятиями как 'путь в мир мертвых' (= долгий путь; = путь в **неведомое, дальше и чужое**) и как '**судьба-клубок**' – он **разматывается, указывает** направление, куда идти человеку (но только **живому**, т. к. **умерший** сам найдет этот путь; в случае, когда героя сказки сопровождает туда **волк**, которого, вероятно в данном контексте следует соотнести с **псом** и **собакой**, проводником **душ умерших** на тот свет, – юноша этот проходит, при обряде инициации, ритуальную **смерть**, поэтому ему и дается **проводник в мир мертвых**, но проводник не обычный – **собака**, а магический – **волк**).

Отсюда и недобрый оттенок пожелания у восточных славян «**Скатертью дорожка!**» (в эмоциональном варианте равнозначно **проклятию**, изначально же – это была ритуальная формула 'напутствия покойника' в 'последний путь'). Но возможно такие выражения и бытовали параллельно, двойко (как напутствие – мертвому и как проклятие – живому человеку).

15. 'Невидимое прозрачное' (в нашей работе – **синее**) и 'невидимое мутное' (в нашей работе – **белое**) – термины П. П. Червинского, разрабатывающего систему категориальных отношений '**видимого**' / '**невидимого**' в фольклорной традиции.

16. 'Ручей', только что бывший для Кола 'котенком', теперь назван le petit **mâtin** – грубиян; разбитной малый, хват; но также – **сторожевой пес**, ср.: роль '**пса-стража** мира мертвых' и '**собаки-проводника** душ в мир мертвых').

17. La jambe – "нога (голени, от колена до ступни), традиционно значимы как **признак** 'голенастых птиц' (**петух, гусь** = мужское, жизнотворное; **курица** = бесполое, мертвое, или женское, также мертвое, в противоположность мужскому). Интересно, что le jambon – «свиной окорок», «свинья», соотносима в традиции с '**севером**', но более – с '**северо-западом**'.

18. У индоевропейцев '**вяз**' традиционно восходит к представлениям о 'мертвом' и о 'твердом' (с легко **отделяемой корой**). Ср.: польск. brezesta – 'кора вяза', русск. "берест" – 'вяз', сербо-хорватск. bresten, 'ulmeus', – 'вязовый', т. е. отражает **сходство коры 'березы' и 'вяза'**. '**Вяз**', как и '**береза**', соотносим также с хетским parku -, т.е. 'ритуально чистый' (Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд, вып. 1. – М., 1974, с. 199.). С

'бузиной' в ряде европейских языков соотносимо курд. *būs* - 'вяз' (Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь, т. 1. - М., 1975.), а алб. *mëllenjë* (вяз) - с 'черной (темной) краской', 'писать'. Ср. и белрск.: город - Брест.

Однако 'вяз' в традиции соотносим не с 'центром', а с точкой 'севера', т. е., например, с 'ивой', с 'ольхой', с 'калиной' в соответствующих *кодах* и *подкодах ключа 'растительность'*. Он проявляет отношение к 'влажному', 'старому (мертвому)', 'женскому', а также к 'родовому', 'тотемному'; ощутима связь с 'тополем'; ср. также: *l'orme* "вяз" и *le orme* - "ясень"; у персов он даже напрямую связывается с 'деревом мертвых' (с *кипарисом*). (Pokorný J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bd. I-N, Bern-München: Francke Verlag, 1959, S. 1177.)

19. Значение мотива 'удивления' для установления пространственно-временных отношений при традиционном моделировании мира наглядно в сказочных текстах, в частности - в "волшебных" сказках (как наиболее изученных - благодаря работам В. Я. Проппа). 'Удивление' - всегда 'знак контакта' (*живого / мертвого, своего / чужого, видимого / невидимого*), знак проявления 'чужого в своем' или 'своего в чужом', *пространственного* (или *временного*) 'прорыва' - в 'потустороннее', в некое другое измерение, другое время. Отсюда в семантическом языке фольклоров мы находим выражения типа: '*чудо дивное, диво чудное*', т. е. '*доселе невиданное*' (= *невидимое*), '*увиденное*' (= *диво*) *чужое* (= *чудо*).

20. *Le sarment* - "побег *виноградной лозы*" и "однолетняя *ветвь ползучего растения*". У индоевропейцев '*лоза*' одно-временно соотносима с '*виноградом*' (= *вином*, жизненным соком, силой) и с '*ивой*', '*ветлой*' (= *мертвым*; голым - *ободранным*, без *коры*; *страшным* - стражем родового сакрального, *первым мертвым* рода). Ср.: '*ива*' (лоза) и '*обезглавленный вяз*' - над '*ручьём*', 'на *берегу*'.

21. Ср.: "долго ли, коротко ли"; 'встреча' на 'дороге' (на перекрестке, рубеже); 'одинокий дом' (= могила), 'страж входа в мир мертвых' (первопредок). Например, у французов - "дойти до места, где возможно *встречать день*" (сказка, которую вспоминает Кола в *Рождественский сочельник*), т. е. к 'концу', в котором 'истоки начала'. Или у славян: из '*ворот яги*' появляются (и в них же исчезают, проскакав свой *круг*) '*всадники*':

1) '*белый*' - '*утро*', или пробуждение природы (= жизни)', 'начало круглого года';

2) '*красный*' - '*день*', или 'расцвет природы (= жизни; *го-*

да = лета)';

3) '**черный**' - '**ночь**' (= конец; смерть).

"Проскакали мимо" - как '**час**' прошел '**день**', или '**год**'.

22. ... est la ferme de Céline – «уединенное (удаленное от других) поселение»: la ferme – «ферма»; «хутор», «мыза». Но ферме традиционно значимо в языке как «твердый, прочный, крепкий» (ср.: **дом** = **крепость**) и имеет переносное значение «окончательный» (= **последний**).

То же – fermé, -е: «закрытый, замкнутый» и «недоступный», даже «невосприимчивый» (ср.: под **покровом травы**); fermer – «закрывать; запирать, замыкать» (ср.: **ключи** от **мира мертвых**); «заключать, заканчивать»; «заграждать»; а также «запираться, закрываться». Выражение fermer de... значит «обносить, огораживать»; ср.: **могильная ограда**.

23. Характерно, что тут, в **конце** пути Кола (желающего встречи с умершей возлюбленной), Р. Роллан дает другую объемную **числовую** 'модель мира' (а именно: '**5 + 20**'), чем давал ранее - в **начале** пути героя (**свернул с дороги: 5 шагов + 1 шаг**). В 'начале' это - '**пять**' шагов в '**видимом пространстве-времени**' и '**один**' шаг в '**невидимое**' (в неизвестное и чужое, а потому сомнительное и опасное; шаг в **нечеловеческое и мертвое**). В то же время '**5 + 1**' составляют '**шесть**', т. е. 'гармонию мира' (гармонию **видимого** и **невидимого**).

В 'конце' пути - и опять же au détour de l'allée (за **поворотом** дороги) – к '**пяти видимым**' шагам, т. е. к **плоскостной** модели '**видимого** (= человеческого) **мира**' (чтобы достигнуть **желаемого** – **увидеть мертвую** подругу, Ласочку), нужно сделать еще '**двадцать**' шагов.

Тем самым, мы получаем **целостную** (и объемную) '**модель мира**' (выражающуюся в традиции мифологически значимым числом '**25**') в 'гармонии вечности', т. е. в сакральной гармонии 'видимого' и 'невидимого', в высшей гармонии 'человека' и 'космоса'.

24. Ср.: миф об Орфее и Эвридике; стоило '**обернуться**', взглянуть на 'идущую **позади**' возлюбленную, как она – обретшая 'плоть' в результате его 'страшного (и долгого) пути' – тут же вновь (и навечно) становится 'тенью'.

25. Ср.: спуск Данте в Ад, где поводырем на 'страшном пути' ему служит 'тень' Виргилия (последняя исчезла на пороге Чистилища: **оборотился** – а **тени уж нет**). Кстати, "оборотился" здесь значимо равно для христианской и языческой традиций: на 'пороге новой жизни', (= у входа в 'чистилище'; или же при переходе в инициации 'смертью' на качественно иную и

более высокую ступень посвящения) следует оглянуться на пережитое и подвести итог **всей** прошлой жизни'; ср.: свести счеты с жизнью. '**Тень**' (и – **душа**) Вергилия не может **повторно** войти в 'мир мертвых', т. к. **уже** находится в нем. Данте же **может** войти.

26. По мифологическим представлениям древних, '**узнавание**' делало '**невидимое**' (**скрытое**) '**видимым**' (ср.: **узнать невесту** среди **таких же** девушек, или **указать сына**, превращенного в **петуха**, среди **петухов**; а также: '**называние имени**', когда '**узнавание**' равнозначно 'приобретению **власти**' – над человеком, над предметом, над духом или божеством, над мертвым, тенью). Кола 'узнает' Ласочку, т. е. 'мертвое' становится ему 'видимым'; она 'замечает' его – т. е. он становится 'видимым' в 'мире мертвых', где 'живое (чужое) не видимо'. Одновременно он **впервые** обретает **власть над возлюбленной** – то, что невозможным казалось в 'жизни', приходит к нему лишь в 'смерти'.

27. Обратим внимание на традиционно значимый, а следовательно – **насыщающий** фрагмент текста, на **фон** 'неожиданной встречи'. С одной стороны, это – семантический набор '**мертвого**', **восставшего из могилы** и ставшего в 'страшные (= **поминальные**) дни', либо в '**час**' (страшный = **полночный**) – '**видимым для живого**' (человека).

Обычно – в сказке, быличке, поверье – 'мертвец' является живому или у '**разверстой могилы**' (часто '**одинокой**' – у '**дороги**', у '**поворота**', на '**перекрестке**', на '**развилке**'), или встречает его на '**пороге**' гостеприимно открытой '**двери**' одинокого (= **случайного**) 'дома' (la maison; devant la porte ouverte). Так встречаются, к примеру, **позднего путника** и в преданиях Востока **духи-лисицы**, в образах людей и прекрасных девушек, женщин.

Рядом обязательно **пышная 'растительность'** (= тотемное начало рода, растительное начало): '**тьень орешника**' (à l'ombre d'un noyer), – и должна быть '**вода**' (у Р. Роллана – в «**каменном** водоеме»: sur une auge de pierre).

Но, в отличие от '**невидимой**' (= скрытой) воды '**ручья**' (вод '**рубезных**', т. е. '**воды мертвой**'), эта будет уже – 'светлая вода' (où coulait une eau claire), т. е. '**вода живая**', хранимая 'мертвым', как и '**сила (мужская) рода**' (= сильная **виноградная лоза**: dont un cep sinueux de vigne, comme un seprent, vêtait le ventre blanc de ses fleuilles pudiques). '**Вода живая**', известная сказке, видимо, соотнесена так же с "**чистой слезой**", **поднимающей из могилы мертвых** (см. поверья, связанные с **погре-**

бальными и **поминальными обрядами** европейцев).

И это единственный '**дом**' в романе, обозначенный **внешними**, причем окрашенными (**цветом**) признаками:

1) au toit rouge (с **красной крышей**; **красный** = **видимый**, о верхе **могилы**),

2) volets verts (**зелеными ставнями**; **зеленый** = **невидимый**, о содержимом **дома = могилы**),

3) le ventre blanc (**белые стены**; **белое** = **невидимое мутное**, непознанное сакральное, т. е. то, чего люди **не знают о своих мертвецах**).

28. Традиционное осмысление '**мертвого дома**' возлюбленной Кола проявляется также в следующем фрагменте:

«Мы вошли во двор. Она прикрыла за собой ворота. Мы были **одни, посреди кудахчущих кур**. Работники все были в поле» (Nous entrâmes dans **la cour**. Elle **reforma la porte**. (= la ferme de ...) Nous étions **seuls**, au **milieu des poules** qui **caquetaient**. Tous le gens de la ferme étaient allés **aux champs**).

29. Отсюда **Jean de Lagny**, что созвучно **Jean logne** (или **lorgne**) – **Жан-простак** французской фольклорной сказки.

Jean de Lagny, qui n'a point de hâte ... (Вот господин, которому не к спеху...), т. е. 'не торопится умирать (**не спешит на тот свет**)' и способен своей **медлительностью** (или **обманом**) 'заморочить саму смерть'.

Ср.: tu te bernes toi-même (морочить самого себя), а также le temps presse (**время** (= **смерть**) (**по**)**терпит**; или – **все (с)терпит**), presser le pas (**ускорять ход**; в частности – **времени**), cela ne presse pas (**торопиться некуда**, не к спеху).

30. Вспомним начало диалога: Tu es donc bien riche, dit-elle. (Ты – богат?) – Riche, non de pécune, mais de ma fantaisie. (Если не деньгами, т. е. 'силой (мужской)', так фантазией.).

Традиционно '**мертвое**' (= '**смерть**') забирает '**силу** живого' (**выматывает**) для поддержания своей (**мертвой; силы** смерти) и для того заставляет жертву вертеться'.

Отсюда Ласочка (молодая) "крутила-вертела" Брюньоном (ср.: virée – оценка леса (по деревьям); tourner et virer – пытаться, выведывать у кого-либо (о силе?)):

L'as-tu assez fait tourner, virer, vire-vire, virevolter comme un **toton**! T'es-tu assez **jouée** de ce pauvre Breugnon!

31. И – Entrait dans la maison fraîche une odeur de soleil, de lilas, d'herbe chaude et de crottin doré. (В **прохладный дом** врывался **запах** (и что особенно важно для понимания данного фрагмента текста – **не свет, а запах!**) солнца, сирени, **теплой**

травы и золотистого навоза.), т. е. проникающие в *'могилу'* приметы 'живого мира'. При этом 'сирень' (...de lilas) у европейцев символизирует 'чистоту, дружелюбие'; традиционно проявляет отношение к *'мертвому'* (= *'центру'*), как и *'бузина'*. В частности, 'сирень' и 'бузина', напр., в польском языке выражаются одной лексемой – bez (при этом ботаническое название *бузины* – czarny bez).

32. *'Кормление'* = *'задабривание души* усопшего' (чтобы **не причинила вреда живым**, стала живому **помощником** и **оберегом**). В то же время, поскольку Кола – *'гость'* Селины, т. е. живой человек как *'гость на том свете'*, ему необходимо (чтобы с ним же ничего не случилось) *'вкусить пищи мертвых'*, тем самым **приобщиться** к их миру. *Жертвенная 'пища'* умиротворяет (успокаивает) дух(и) умершего (мертвых рода).

33. Тем самым, *'заложные покойники'*, а 'убитые (в пути или в бою)' по повериям европейцев 'блуждают (не успокоенные) в мире живых', т.к. они 'не преданы земле'. То же – *'неотомщенные убитые'*, поскольку их **продолжает кто-то 'оплакивать'** и, следовательно, им **'нет покоя'**. Характерно для сказки: *'слеза', упавшая на 'могилу'*, вызывает *'дух родителя'* или *'мертвое несвое* (которое становится **помощником**) – видимо, потому что его **оплакали**, или же **вырастает 'дерево (яблоня)'** (= дух умершей: *матери*).

34. В традиции 'поминальные дни' предполагают поминовение **всех** мертвых, т. е.

а) всех мертвых **своего** рода (начиная с **первопредка**), как 'хранителей **силы рода**';

б) всех мертвых **чужих** родов, чтобы **не причиняли вреда**;

в) мертвых **вообще**, т. е. **'блуждающих** (не успокоенных, неприкаянных) **душ'**, чтобы также **не навредили**;

г) **недавних покойников** рода, чтобы 'обрели **в могиле покой**' (**поэтапные** и **растянутые во времени** проводы души на тот свет); и наконец,

д) **близких сердцу** покойников, т. е. **'благоволящих** к живому' и являющихся его **'оберегом'** (родители, родные; любимые и друзья).

Именно к последним (как и в романе) приходят **на могилы** в **поминальные весенние дни**.

Причем предполагается, что те **'мертвые', к которым пришли на 'могилу'**, уже 'оберегают'

того, кто приходит, с момента их, покойников, 'смерти'.

Ср. в случае с Ласочкой:

Moi, dit-elle, je n'ai garde, je me souci bien de toi! (Стала бы я о тебе **заботиться!** - заявляет она **при встрече**; что сопоставимо со сказочным мотивом '**злая судьба** кого-то' / '**добрая судьба** кого-то'), но, оказалось, что "про жизнь" Кола "ей было известно не хуже, чем ему самому":

... elle en savait la`-dessus presque aussi long que moi ... (это – свидетельство 'всеведения мертвых', а также заинтересованности ее, Ласочки, в его судьбе).

35. '**Шесть**' – знак '**завершенности**', '**полного круга**', т. е. **исчерпанного** времени, а именно: **времени, отпущенного на свидание с 'дорогим покойным'**. В фольклорной сказке 'бой часов' или **переносит в 'другой мир'**, или **возвращает к реальности**, в 'мир человеческий' (например, на балу Золушку, забывшую **на миг** о времени).

36. Поскольку 'бой часов' уже вывел Кола из 'забытья **в мире мертвых**', условная модальность дальнейшего диалога отражает **промежуточное**, или **переходное**, состояние героя в этом фрагменте текста.

37. 'Уклонение от (прямого) ответа', или 'двусмысленный, иносказательный, а потому **непрямой** ответ' есть традиционный прием '**обмануть смерть**' (например, в сказке).

38. '**Орешник**' – у европейцев символизирует '**родительское благословение**' (ср. в частности: мотив '**три орешка** для **сиротки**'), а также символизирует и само 'родительское начало, восходящее к **первопредкам (тотемным, т.е. животным** или **растительным**)'. Здесь же приведем традиционную символику других растений, использованную Р. Ролланом в тексте 5-й главы:

'**виноградная лоза**' - жертва, знак мученичества (и мужской силы);

'**гроздь**' - сладострастие;

'**яблоки**' - желание, грех и раздор;

'**дыня**' - глупость, недолговечность земных благ;

'**ива**' - скорбь и тоска, траур;

'**глициния**' - чистая любовь, томление;

'**дуб**' - верное сердце, или сила и стойкость, любовная грусть.

39. Интересно, что '**камень**' в представлениях древних – 'креативное **мужское начало**' (часто '**скрывает воду**', т. е. '**женское**'). Может выступать как 'окаменевшее живое' (т. е. лишённое жизни); например, '**превратить** в камень (**ореховым** прутиком)' и одновременно проявлять себя как 'пер-

воначало жизни' ('бел горяч камень'; см. **заговоры**). Кидаемые 'камешки' (**гладкие, белые, голыши** - les galets polis) оборачиваются в 'живое' (в 'воинов', либо в '**съедобное**'; либо в '**птиц**', '**гадов**').

40. Одновременно это создает философскую метафору "вечер жизни": 'сила живого' (= 'сила **мужская**') пассивна, и конец 'жизни' - это ее конец для 'человека' (например, для Кола); она будет хранима 'мертвыми', пока не **возродится**, 'живая', уже в другом (потомке).

41. Характерно, что в семантическом языке фольклора европейцев '**конь**' есть 'креативная сила' ('сила **мужская**, продуцирующая') в то время как '**лошадь**' ('**кобыла**', '**кляча**'; или - 'лошадиная (**мертвая**) **голова**') есть 'смерть (**первая смерть; первый мертвый** рода)'. Ср.: **мертвая голова на шесте** для устрашения **у яги**; она же - вместилище животных разных уровней (= **теремок**); место обитания **змеи** (возможно - **гадюки**; т.е. **смерти**) и проч.

42. Соответственно, **пересечение** стариком '**виноградника**' (je partis à travers vignes) ассоциируется во фрагменте текста, с одной стороны, с 'жертвенностью', добровольным 'мученичеством' (т.е. отказом от чего-то), с другой - со 'сладострастием' и 'возбуждением': «Вьются усики, усики, усики, // Я не сплю, я не сплю ...» (La vigne pousse pousse pousse // Je n dors ni nuit ni jour...). Dormir - «спать; покоиться» (в смерти), но и «оставаться **неиспользованным**; лежать, быть **под спудом**» (= та сила, что внутри; нереализованная), причем - «ни днем (= при жизни), ни ночью (= по смерти)».

43. Сопоставимо в романе с «неудовлетворенной (нереализованной) любовью (= жаждой)» к Ласочке-Селине, и ее, рано умершей, к Кола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Наузы. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов // Афанасьев А. Н. Народ-художник. - М., 1986
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М., 1965
3. Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. - М., 1978.
4. Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. - М., 1971.
5. Надель-Червинская М. А. Миф и мир европейца. Психоло-

- гия творчества в образах архетипического. У фольклорных истоков Веселой книги о плотнике из Кламси. Часть I: Сюжетообразующее романа. URL: <http://romain-rolland.blogspot.com/>
6. Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребения Средней Европы в 1 тысячелетии до н. э. - первой половины 1 тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в 1 тысячелетии до н. э. - 1 тысячелетии н. э. – М., 1974.
  7. Пропп В. Я. "Брачная ночь" (зубы невесты) // Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Изд. 2-е. – Л., 1986.
  8. Роллан Р. Кола Брюньон, пер. с фр. М. Лозинского. – М., 1987.
  9. Топоров В.Н. Месяцы // Мифы народов мира. – М.,1982. Т. 2. с.143-146.
  10. Хёйзинг Р. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIУ-ХУ веках во Франции и Нидерландах. – М., 1988.
  11. Цивьян Т. В. Змея = птица: к истолкованию тождества // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984.
  12. Pattaro G., La conception chretienne du temps // Les cultures et le temps. – P., 1975.
  13. Rolland R . Colas Breugnon. – Paris 1964.

П. ЧЕРВИНСКИ
Катовице, Польша

**ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ
ПРЕОДОЛЕНИЙ И ПЕРЕХОДА РУССКОГО КОГНИТИВА
(на материале двух прецедентных сюжетов)**

Аннотация. *С точки зрения национальных стереотипов и реликтов обряда инициации подробно разбираются два важных для культуры прецедентных текста – «Колобок» (воплощающий инициацию мужчины) и «Гуси-лебеди» (посвященный инициации женщин).*

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика; языковое сознание; национальный язык; репрезентативный текст; интертекстуальность; волшебная сказка.*

P. CHERVINSKY
Katowice, Poland

**SPATIALITY OF OVERCOMING AND TRANSITION
OF RUSSIAN COGNITIVE STUDIES (ON THE BASIS OF TWO
PRECEDENT PLOTS)**

Abstract: *From the point of view of national stereotypes and relicts of the ceremony of initiation two important for the culture precedent texts are discussed – "Kolobok" (representing initiation of a man) and "Gusi-lebedi" (devoted to initiation of a woman).*

Key words: *cognitive linguistics; language consciousness; national language; representative text; intertextuality; magic fairytale.*

1. Колобок. Предмет настоящего рассмотрения непосредственно связан с таким явлением, как языковое сознание¹ носителей определенной культуры², как той когнитивной и нормативно-ценностной, знаковой по своей природе, основы, которая проясляет себя при вербальных и невербальных манифестациях, отличающих по каким-то чертам и характеру представителей данной ментальности от другой, а также, шире, и языкового сознания другого национального языка, поскольку интересующей нас границей будет понятие национальных когнитивно-аксиологических представлений и национально-ментальных своеобразий.

Предмет, о котором речь, проявляясь в особенностях восприятия и порождения речи, пронизывая собой пространство вербального проявления носителей данного языка³, становится лингвокультурологически и прагматически значимым. Существуя и обнаруживая себя в виде знаний, предубеждений, оценок, логических построений, мнений и проч., т. е. единиц, имеющих смысл, построение, форму и функцию, данный предмет может рассматриваться и исследоваться в виде моделей. Также, по-видимому, в виде моделей и существовать⁴.

Непосредственным объектом предпринятого рассмотрения будут так называемые прецедентные (назовем их репрезентивные) тексты, а точнее один из них, – понятие, которое, отмечая идею интертекстуальности⁵ как общего свойства текста, традиции и культуры, обозначает тот их, т.е. текстов культуры, набор и вид, который имеет статус общей значимости, известен всем ее (традиции и данной культуры) представителям и составляет основу национального образа представлений интерпретаций, оценок, картины (образа) мира и может быть основанием (само)идентификации, распознавания и манифестации человека как его представителя. Репрезентивные тексты существуют в сознании в таком же виде, как скажем, мифы в сознании древних, т.е. в виде общих сюжетных схем и идей, тем более есть основания рассматривать их как модели.

Репрезентивные тексты как объект, в составе своем, отчасти подвижны и относительны. Существование их и актуализация для сознания сходны с существованием и актуализацией языковых единиц, единиц фразеологических, паремиологических, определяемых также как тексты и тексты-клише⁶, отмечая границы знания и владения говорящего как представителя и носителя определенной традиции, языка и культуры. Репрезентивные тексты, тем самым, репрезентируют, представляют его самого как носителя данного знания, данной коммуникативно-верификативной, аксиологической и когнитивной системы и репрезентируют, представляют ее самоё для него, будучи одновременно и средством познания, овладения и способом проявления для него.

Определение набора репрезентивных текстов для данной традиции и культуры может представить известную трудность. Непросто решить вопрос, учитывая подвижность и относительность, неочевидность границ, что составляет ядро, а что входит в периферию языкового сознания, что актуально в нем и в какой своей мере и для кого, имея в виду различия групповые, средовые, возрастные и проч. Тем более сложно определить, что из самих этих текстов, присутствующих в сознании в виде образов,

сюжетно-сценарных схем⁷, мотивов и самых общих идей, актуализированно и в каком своем виде для говорящих. Отчасти, по-видимому, всё это там присутствует без осознания и чётко означенного отношения, отчасти поверхностно, отчасти как общее мотивирующее, осознаваемое неявно. Актуализированность той или иной когнитивно-языковой, ценностно-верификативной модели может быть поддержана, видимо, ее регулярностью, повторяемостью, встречаемостью в разных текстах – ее интертекстуальностью.

Репрезентивные тексты – это и тексты фольклора, и тексты художественные, как собственные, исконные для данной культуры, так и переводные, являющиеся достоянием, общим для ряда культур, скажем, культур европейских. Общим условием, видимо, будет для них как для текстов репрезентивных, неразграничение в них своего и чужого и равно включающее, равно приемлющее отношение, – свойство, которое можно определить как высокую адаптивность по отношению к своим носителям (говорящим).

Рассмотрим один из подобных текстов, репрезентивность которого для русского языкового сознания не вызывает сомнений, с тем чтобы определить возможности, способы и вероятные следствия изучения этих текстов с позиции способных для них себя проявить ментально-ценностных ориентационных моделей носителей данного языкового сознания и данной национальной культуры. Предлагаемый анализ имеет характер предположительный, представляя собой попытку подхода, одну из возможных, к моделям подобных текстов.

В качестве материала был выбран текст известной русской народной сказки *Колобок*, вполне отвечающей всем критериям репрезентивного текста. Одна из особенностей данного текста, в отличие, скажем, от не менее всем известных и ходячих повествований о Красной Шапочке, Буратино, Волке и семерых козлятах, Репке, Гусях-лебедях, Лисе и Зайце, Карлсоне и др. в неочевидности его дидактизма, в неформулируемой оценочности и неясной морали. К разряду таких же ценностно не очевидных или даже сомнительных повествований можно отнести Теремок, Курочку-Рябу, Лисичку со скалочкой, Трех медведей, Лисицу и Журавля, Машу и Медведя, Медведя на липовой ноге и т.п.

Ценностная неочевидность такого текста дает, с одной стороны, возможность для допущений и поиска, с другой, и это было отчасти причиной выбора, позволяет предположить вероятность неявного, имплицитного, скрытого мотивирующе-моделирующего его присутствия, бытования, наличия, отражения в языковом сознании. Возможно, что некие схемы, шаблоны, автоматизмы и механизм

интерпретирующих реакций и проявлений, не вполне рефлекслируемые, не полностью осознаваемые языковым субъектом, имеют основой, не распознаваемой мотивацией усвоенные, известные с детства ментальностные модели, себя отразившие, воплотившие в данном тексте (репрезентивный текст не обязательно генерирует, производит их, он может их повторять, отражать, содержать в себе). Изучение такого текста с такой его стороны может позволить определить характер и облик наличествующих, но не вполне очевидных ментальных структур, парадигм, мотиваций, оценок для данного языкового сознания.

Не претендуя на столь глубокое и широкое обобщение, попробуем проанализировать текст *Колобка* в указанном отношении, с тем чтобы выявить некоторые возможные моделирующие и ценностные особенности данного текста в качестве только примера. Обобщения и выводы можно делать в контексте широкого свода репрезентивных текстов.

Для современного языкового сознания колобок – предмет не вполне понятный, поскольку не наблюдаемый, и в этом отчасти его привлекательность. Известно только, что это круглый шар и что он может катиться. Его создание, появление из муки и в результате жарения в масле имеет несколько отвлеченный характер. Всё это способствует его мифологичности и легкой персонафицируемости (ср. с трудом принимаемые сознанием Сахар, Вода, Хлеб – как живые персоны у Метерлинка).

Набор персонажей и всё смысловое пространство сказки довольно прозрачно делится на две части: домашнюю, внутреннюю, и внешнюю, за воротами, на дороге. Первая часть – старик со старухой и модели их действия. Вторая – лесные звери: заяц, волк, медведь и лиса и то, что они, со своей стороны, предлагают и производят. Связующим их, центральным звеном оказывается сам колобок, катящийся, круглый, от них убегающий. Основу сюжета сказки составляют четыре модели, представленные в последовательности, одна из которых, третья, полностью повторяется в трех персонажах (заяц, волк и медведь), а еще одна – четвертая и последняя, для лисы, образуется объединением предыдущих трех и проявляет себя как смешанная.

Первую модель – старика и старухи – можно определить как модель креатива, создания, в результате которой старуха создает колобок. Это модель предшествования. Складывается она из шести последовательных, объединяемых попарно, событий, в которых старик играет роль каузатора, знающего и провоцирующего создание, а старуха – агента-действителя, умеющего и создающего: 1) старик просит > 2) испеки, старуха, ко-

лобок < 3) старуха отказывает («Из чего печь-то? Муки нету») > 4) «По коробу поскреби, по сусеку помети, авось муки и наберется» > 5) взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни две > 6) замесила на сметане, изжарила в масле, положила на окошечко постудить. Последовательность представляемых событий отмечает необходимые креативные фазы: не всё сразу является, необходимы усилия, знания и старания (что делать, где что и как раздобыть). Схема модели: (1 > 2) < (3 > 4) > (5 > 6).

Вторая модель может быть определена как модель разворачивания и ухода, обретения самостоятельности и независимости от старших (создателей), а также модель освоения, обретения пространства внутреннего, своего, а вслед за ним, за его пределами, внешнего. Эта модель складывается из десяти последовательно представленных фаз, этапов, следующих в цепочке одна за другой, в результате которых созданное (колобок) отчуждается, изолируется, обособляется от своих создателей и уходит от них (этот уход и сама такая возможность ухода – центральный смысл песенки колобка, и, тем самым, едва ли не сказки в целом): 1) колобок полежал-полежал – 2) да вдруг и покатился > 3) с окна на лавку > 4) с лавки на пол > 5) по полу да к дверям > 6) через порог в сени > 7) из сеней на крыльцо > 8) с крыльца на двор > 9) со двора за ворота > // 10) дальше и дальше (10 обособлено, поскольку предполагает не обозначенную проекцию внешнего, не своего, не освоенного пространства). 1 < 2 > 3 > 4 > 5 > 6 > 7 > 8 > 9 > //10.

Третья модель – модель контакта, встречи с чужим, несвоим, потенциально опасная, требующая умения ответить, не потеряться, уйти, неоднократно (трижды) успешно себя повторяющая, содержащая в схеме и смысле опасность увлечься, действуя неизменно (три раза уйдешь, пользуясь одинаковым способом, на четвертый – не распознаешь и, действуя, тем же, три раза удавшимся способом, попадешься). Модель состоит из семи последовательно организованных событий: 1) катится колобок по дороге < 2) а навстречу ему заяц (волк, медведь, лиса) > 3) «Я тебя съем» < 4) не ешь, я тебе песенку спою > 5) и запел > 6) и покатился дальше > 7) только заяц (волк, медведь) его и видел. (1 < 2) > (3 < 4) > (5) > (6 > 7).

Четвертая модель, смешанная, начинается и подготавливается как третья, тем же ходом и в тех же словах, но потом меняется, включая в себя, по фазам, признаки модели второй, но в обратном порядке (модель сворачивания), а по смыслу – модели первой, также в идее ее обратности (модель поедания, деструкции, уничтоже-

ния). Модель состоит из девяти непоследовательно разворачивающихся, прерывистых фаз: 1) катится колобок < 2) а навстречу ему лиса < 3) „здравствуй, колобок, какой ты хорошенький” || 4) а колобок запел > 5) какая славная песенка, сядь ко мне на мордочку да пропой еще разок погромче > 6) колобок вскочил и запел < 7) сядь на язычок да пропой последний разок > 8) колобок сдуру прыг < 9) а лиса – ам его – и скушала. (1 < 2) < (3) || (4 > 5 > 6) < (7 > 8) < (9).

В структуре четвертой модели, по сравнению с третьей, на третьей фазе происходит сбой, нарушение ожидаемого: вместо препятствования и заявления о своих намерениях со стороны лисы следует действие, квалифицируемое как приветствие, выражения удовольствия и внешняя бескорыстность. Переход к (4) поэтому со стороны колобка оказывается не обоснованным, не мотивированным: нет повода объявлять о своем уходе, поскольку лиса не говорит о присваивании, не претендует на колобка. Сопrotивление, противопоставленность, отказ колобка в третьей модели (зайцу, волку, медведю) оборачиваются обратным – колобок выполняет последовательно все действия, навязываемые, диктуемые ему лисой, становясь объектом манипулирования. Самостоятельность перед лицом прямого и сильного оборачивается в зависимость и подчиненность перед лицом неявного, скрытого. Делать и говорить – не одно и то же. Внешнее, объявляемое, явное со стороны не своего, чужого, в его пространстве, не то же, что скрытое, не объявляемое. Во внешнем невидимо, неощутимо присутствует, проявляет себя некий закон и предел обратности: препятствование преодолимо, способствование, благоприятствование таит опасность противоположного. Привычные поэтому, действующие в других и обычных условиях модели, знакомые, регулярные схемы могут в любой, не всегда ожидаемый, момент подвести. Если не придавать значения наблюдаемым изменениям и действовать по знакомой, не раз оправдавшейся и только собственной схеме, не включая схему другого, противоположного, того, с кем и с чем происходит контакт, можно легко оказаться в ловушке, стать объектом манипуляции и быть уничтоженным.

Анализ моделей репрезентивных текстов может иметь разнообразные следствия. На его основе возможно определение и выведение образа, типажа речевых, поведенческих и рече-поведенческих стратегий и тактик⁸; выведение и определение ценностных и верификативных норм (парадигм); характера, смысла интерпретирующего коммуникативного реагирования со стороны говорящего как представителя той или иной культуры, отсюда – возможности и особенности его понимания либо непонимания в ситуациях речи;

выявление особенностей существующих предубеждений, общественных мнений и предрассудков; определение образа, если шире, типологических и индивидуальных черт и особенностей данной картины мира. И, наконец, при глубоком и всестороннем, последовательно-системном исследовании, – определение облика данной, вербально выражающей (в художественных, публицистических текстах), национальной культуры, а также коммуникативных, коннотативных и смысл-порождающих особенностей данного языка.

2. Гуси-Лебеди. Пространство в фольклорном тексте мнимо. Это то, что преодолевают, то, что минуют проходя и что не задерживает на себе, как правило, внимание повествователя. Его проходят во времени нарратива мгновенно, длительность прохождения, преодоления его для героя обозначая обычно повторами, удвоением или лексически, обстоятельствами временной протяженности: *шли-шли, бежала-бежала, долго шел, долго брел* и т. п.

Пространство в фольклоре присутствует пресуппозитивно. Будучи составляющей модели устройства мира, оно исходно и в тексте отмечается точками, имеющими значимо повторяющееся и обусловленное значение. Пространство, иными словами, пунктирно, однако смысл его не сводится к обозначению промежутков и пунктов пересечения, прохождения, преодоления героем соответствующих мест, т.е. к поступательному, динамическому развитию сюжета и нарратива. Более того, пространство, как правило, неизменяемо статично и выступает в фольклорном тексте как некая внесубъектная, вневременная и постоянная данность. Данность преодоления-постижения, а не перехода и изменения.

Преодоление пространства в тексте вызывается часто необходимостью исправления случившегося вследствие нарушения героем объявленного запрета, поисками, вызванными утратой, необходимостью возвращения потерянного. Пространство заряжено знанием. Преодолевая его, герой обретает то, что он потерял, узнавая одновременно, выводя, некий смысл, содержащийся в точках – пунктирах модели. Пространство, тем самым, связано и обусловлено возвращением, обращением, освоением имевшегося, бывшего, данного, перед тем не освоенного. Герой, добывая утраченное и проходя для этого необходимые точки пространства, обретает новое для себя, изначально и до него известное родовое знание, становясь, тем самым, его носителем и полноправным вместе с тем представителем рода⁹.

Рассмотрим в этом «пространственном» отношении сюжет и мотивы известной русской фольклорной сказки «Гуси-лебеди», наблюдаемое преодоление пространства в которой связано с необходимостью возвращения утраченного-унесенного – младшего брата гусями-лебедями к баба-яге из-за темного леса. Причем в оговоренный временем срок, к возвращению родителей¹⁰.

То, что это текст инициации с характерным для него обретением родового знания в конце, помимо интересующих нас смыслов пространственных преодолений, а также других отличительных черт (*гуси-лебеди, баба-яга, печь, яблоня, молочная речка, кисельные берега* и т.п.), проявляет себя и на лексическом, номинативном уровне. В начале, до всех еще ожидающих ее перипетий, в доме с родителями, главная героиня обозначается словом *дочка*, без указания возраста, при таковом для брата: «у них (т.е. у родителей) *была дочка да сынок маленький*». С потерей, утратой брата – она же *девочка*: «*пришла девочка, глядь – брата нету!*»; в момент, когда она видит, т.е. находит, брата у бабы-яги, хватает и забирает его с собой, она фигурирует как *сестра*: «*Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла*». И, наконец, в самом конце, на заключительном своем этапе, спасаясь от гусей-лебедей в устье печи, она уже *девушка*: «*Съешь моего ржаного пирожка!*», – говорит ей печка. «*Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо*».

На всем остальном протяжении текста, помимо этих четырех, поворотных по своему смыслу фрагментов, героиня обозначается личным местоимением *она*, без какого-либо другого определения. Дочка – девочка – сестра – девушка, следовательно, не столько названия и обозначения героини, сколько роли и фазы, этапы ее, как иницируемого юного женского родового.

Дочка – она в родительском доме, в пространстве внутреннего защищенного своего. *Девочка* – в состоянии брошенной предоставленности себе самой, своему выбору, лишенная своего родового, поставленная перед необходимостью действовать, что-то предпринимать, передвигаясь в незнакомом, неведомом ей, внешнем, незащищенном и чуждом пространстве, с тем чтобы вернуть потерю, утраченное, свое для себя родовое. Путь этот сложен, чреват и, хотя ее родовому известен, для нее далеко не предопределен.

Сестра она – когда обретает утраченное, видит, находит и достигает его. Но надо еще спастись, уйти, не погибнуть, преодолеть отделяющее это место пространство в обратную сторо-

ну, вспять, вернуться в пространство защищенного родового с утраченным и обретенным, освоенным своим родовым. Если путь туда заключался в необходимости обнаружения скрытого места «хранения, содержания» братца (мертвым родовым – потому что бабой-ягой), и на этом пути правильно либо неправильно проходимые, преодолеваемые ей промежутки-места (*печь, яблонь, молочная речка с кисельными берегами*) имели значение для получения ею искомого знания, обнаружения скрытого «места братца», то обратный путь – это путь спасения либо утраты, но уже окончательной, грозящей потери братца, теперь навсегда. На этом пути невозможны оказываются ошибки, их исправления и случайности, возможно единственное и мгновенное действие – действие наверняка. И вместе с тем – это путь исправления, ибо то, что не сделалось, то, от чего отказалась она поначалу, мимо чего, не заметив, меряя меркой домашнего защищенного, родительской *дочки*, прошла, теперь, перед лицом и угрозой утраты, она, став *сестрой*, т. е. частью общего родового, не проходит, осваивает для себя и принимает, с тем чтобы получить защиту от амбивалентного и промежуточно чуждого несвоего. Только тогда, на этом этапе, она становится тем четвертым, *девушкой*, той частью и представителем своего родового, которому предназначено стать *невестой* («неведомой»), – и в своем, и в чужом родовом чужой.

Четыре этапа инициируемого женского юного родового протекают в трех пространственно разделенных частях. Отображаемая в тексте модель, как и всякая пространственно ассоциируемая и мыслимая модель¹¹, трехчастна. Пространство родового освоенного – *дом, двор, улица*. Пространство несвоего, амбивалентного и промежуточного – *чистое поле, поля* и все, что на них и вокруг. И пространство потустороннего, чуждого – *темный лес* и то, что предполагательно в нем, а может где-то еще, как не называемое определенно «*Вон туда-то!*» ежом, единственным указавшим *туда*, в это место, *дорогу*, к избушке на курьих ножках, в которой «*сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная*» и где «*сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками*».

Повествование начинается, собственно, с ограничения – запрета старшими. Мать (женское старое, опытное; показательно то, что в тексте родители обозначаются именно так, как старое, – «*Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький*»), уходя, говорит: «*Будь умна, береги братца, не ходи со двора*». Ум (умение, послушание, опытность) связываются с пространственным знанием: есть *двор* и есть *улица*,

пространство родового освоенного имеет две части – защищенную внутреннюю *дома-двора*, где возможно *беречь(ся)*, и незащищенную, потенциально опасную, внешнюю, *улицы*, где подобное или сомнительно или же невозможно. «*Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась*».

В ролевом отношении часть родового внутреннего также трехчленно устроена – старшие, старики, родители (1), дочка их, среднее, женское (2) и младшее, братец, мужское (3). Соотносимое с ними потустороннее изначально двучленно – баба-яга и ее гуси-лебеди (общее число совмещенной модели пять) – и для своего восполнения до числа три требует младшего родового (похищение братца). Пересекают пространство – разделяющее это и то – средние и подвижные звенья (гуси-лебеди / дочка), старшее (старики / баба-яга) остается в своих пределах, не попадая, не перемещаясь в противоположную часть, младшее (братец) – переносимо, но не активно и в перемещении своем между частями этого и того не самостоятельное. Симметрическое устройство противоположно расположенных частей модели этого и того (старшее – среднее // младшее // среднее – старшее) предполагает определение младшего (братца) как обращаемого центра. Пространственное перемещение его между частями модели обозначает своего рода энергетическое, силовое, обусловленное и поддержанное знанием-умением, перетягивание между этим и тем, живым, человеческим и мертвым, нечеловеческим.

Пространство амбивалентного промежуточного также обозначается тремя переходными вехами-пунктами: *печка, яблонь и молочная речка, кисельные берега*. Каждой из трех задается вопрос пространственной ориентации, вектора, направления прошивающего, пересекающего пространство движения: «*Печка, печка (яблонь, яблонь; молочная речка, кисельные берега), скажи, куда гуси полетели?*». Первое обращение к печке, яблоне и молочной реке обусловлено необходимостью знания – необходимо узнать о пространстве скрытого, потустороннего, о том, куда отправились, полетели гуси-лебеди, унесшие братца. Знание просто так не дается, знание выменивается, точнее осваивается, достигается через освоение, приобщение к другому. Хочешь узнать от другого – стань для него частично его своим. «*Съешь моего ржаного пирожка (лесного яблока; простого киселика с молоком), скажу*». Необходимо съесть то, что его (съесть его *моего*), тогда получишь возможность с ним говорить, от него узнать. Проводится параллель своего и чужого,

домашнего и полевого (ржаного, лесного, простого) – «*О, у моего батюшки пшеничные (и садовые; и сливочки) не едятся!*», – отвечает девочка, и этот ответ ее приводит к тому, что печь (яблонь, молочная речка) ей ничего не сказала.

Параллель пространственной знаково-когнитивной причастности, принадлежности и приобщения продолжается далее, на третьем уровне: братец, сидя на лавочке у бабы-яги в избушке, *играет золотыми яблочками*. Яблочки – садовые, лесные и золотые – отмечают, следовательно, место-пространство, принадлежат ему и обозначают его. Мотив съедания-поедания яблочка в сказке, мотив поедания в каком-то месте того, что связано с ним, с данным местом, принадлежит ему, отмечает его, предполагает изменение формы, превращение, обращение. У героя могут вырасти от того рога, он может превратиться в козла (козленка), героиня может заснуть непробудным сном, умереть. Состояние это, однако, преодолимо, минуемо. Обратное возвращение в прежнюю форму возможно и происходит обычно – через обмирание (умирание в обретенной форме) или съедание чего-то еще, какого-то нового плода как противоядия и вытеснения первому. Обратное возвращение вместе с тем оказывается не только простым обращением к прежнему состоянию, подобное возвращение сопровождается обретением. Герой (героиня) приобретает при этом – невесту (жениха), богатство, счастье.

Через знание-приобщение к месту, опосредуемое продуктом и знаком места (пищей его, плодом), таким образом, достигается знание-обретение по месту – то, что данное место с собой несет, что в себе содержит и что может дать (благополучие, удачную пару, состояние равновесия, достижение и покой). Преодоление пространства как достижение в данном случае для характеризуемой модели имеет смысл, следовательно, его «поглощение», через «поедание» в нем приобщение к нему.

Не приобщившись к амбивалентному промежуточному, знающему и способному это знание передать умеющему его получить, не поев ржаного пирожка, лесного яблочка, простого киселика с молоком, девочка ничего и не узнает. «*И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж*». Еж тоже знает, куда полетели гуси-лебеди с братцем, но он не требует ничего за свое знание взамен – круглый клубок, который катится и, разматываясь, указывает собой дорогу. Еж – связующее, сшивающее пространства, снабженное иглами существо, таинственный носитель потустороннего знания, спо-

собный помочь бескорыстно, на которого натываются уже за молочной речкой с кисельными берегами и после нее, пройдя, миновав ее, преодолев рубеж, отделяющий поле от леса, на границы поля и леса, промежуточного и потустороннего.

Пространство, отделяющее родовое внутреннее от потустороннего, пересекается, преодолевается четырежды (число этапов-ролей): дважды в одну сторону и дважды в другую – с перенесением похищенного (гуси-лебеди с братцем) и следованием за ним, поиском, желанием возратить его (девочка, без него, вслед за ним), и в обратную сторону, с обращением ролей, но также вначале и впереди с несением возвращенного (сестра с братцем) и ее преследованием с желанием отобрать, отнять унесенное (гуси-лебеди). Обладающее, несущее пересекает пространство первым, ищущее и преследующее, желающее вернуть, отобрав унесенное, идет, как второе, за ним.

Смена ролей и порядок движения, а также возможность, пересекая пространство, идти впереди с унесенным / похищенным (преодоление пространства в этом случае имеет смысл не только одно прохождение встречающихся при этом локально-пространственных промежутков и рубежей, но и обращение, переход на ту сторону, в противоположную часть модели), – всё это дополнительно усиливает значение самого уносимого, придает ему еще один смысл в отношении конкурирующих пространств модели. Братец, посаженный на травке под окошком, в момент похищения гусями-лебедями называемый *мальчиком*, подхватывается и уносится ими: «*Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках*». Сам он, кстати, в отличие от сестры, имеет в тексте в зависимости от роли-позиции, не четыре, как она, а только три обозначения, соотносимые с ее тремя первыми: *сын* (коррелируемое с *дочкой*), *мальчик* (в момент похищения гусями и коррелируемое с *девочкой*, потерявшей братца) и собственно *братец*, по отношению к ней, как к его *сестре*. Нет четвертого, не называется он и не обозначается *парнем*, соотносимым с *девушкой*, поскольку это четвертое, инициированное, состояние в тексте только ее.

Так же подхватывается он и уносится пришедшей за ним и увидевшей его в избушке яги сестрой: «*Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла*». Он всегда, таким образом, воровски, с налетом, с подкрадыванием, похищается. Его можно и необходимо только украсть, невидимо отнять, отобрать у другого, лишив его, это другое, обладания им. Сам он при этом носитель, а не обладатель той силы, которая, заключаясь в нем, дает ум (*будь умна, береги братца*), в том числе и ум как умение,

способность преодолевать, пересекать пространство, отделяющее этот мир от того, живое от мертвого и обратно.

Если первое ее путешествие, путь туда, мотивировалось в отношении пересекаемых, минуемых ею промежутков пространства (*печки, яблони, речки*) необходимостью знания, узнавания вектора-направления пространственного движения (*куда гуси полетели?*), то обратный путь мотивируется другим уже отношением к месту – с позиции необходимости освоения и нахождения в нем, принадлежности месту и вхождению внутрь него.

Меняются при этом и роли самих необходимо осваиваемых пространств, *речка, яблонь* становятся каждая *матушкой, печка – сударыней* (ср. типичное для свадебного фольклора, поставленное здесь в обратном порядке, поскольку печка ближе к дому и своему, обращение со стороны невесты к матери *сударыня-матушка*): «*Речка-матушка (яблонь, яблонь-матушка; сударыня-печка), спрячь меня!*». Спрячь, т. е. укрой собой, прими внутрь себя, сделай невидимой для потустороннего. Места, локативы амбивалентного промежуточного пространства становятся средствами освоения и вхождения, поэтапного попадания в мир земного и родового – внутрь своего. Только после того как она укрывается речкой *под бережок*, яблоней – *заслоняется веточками, прикрывается листиками*, в печи *села в устьецо*, – после этого только она получает возможность вернуться и прибежать домой, успеть прибежать, до прихода отца и матери.

И это второе теперь освоение для вхождения, прятанья внутрь, с узнаванием не одного только направления-вектора, но самих свойств скрывающего, способного поглощать, вбирать в себя, прятать, пространства-локуса, как места в нем нахождения и бытия, это экзистенциальное поглощение-знание предполагает и требует поглощения все того же взамен, своего продукта-плода, креативной, дающей жизнь и питающей части себя, – *съешь моего киселика! (мое лесное яблочко! моего ржаного пирожка!)*. И тут, в этом случае, другой возможности и другого пути уже нет, это вопрос экзистенции – или останешься, и достигнешь, и приобретешь, и войдешь, или отнимут и отберут, и не сможешь вернуться уже и войти, обратившись, домой, обделенный, лишенный витальной и жизненной силы. Сознание важности выбора заставляет переломить себя, и первый раз она – «*Нечего делать, съела*». Второй этап проходит привычнее и с пониманием смысла происходящего – «*Поскорей съела*». А третий – уже как достигнутое и необходимое должное: «*Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в*

устьецо».

Ожидающее пересечение, необходимость преодоления пространства в поисках унесенно утраченного, объявление утраченного – где-то в пространстве затерянного, спрятанного, невидимого, сопровождается кликом, криком. Односторонним, напрасным, поскольку не слышит другое, противоположное, то, кого ищут, не откликается, не хочет либо не может (либо то и другое) слышать. Не найдя братца, девочка *«Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Кликала, заливалась слезами, причитывала ... – братец не откликнулся!»*. Также и гуси, потеряв из виду ими преследуемых, спрятанных в печке, брата с сестрой, *«полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели»*.

Пространство включается в перцептивные проявления человека. Человек перцептивно себя проявляет и ощущает в пространстве. Преодоление его, освоение, знание / незнание, обладание, ориентация в нем, умение находить, находиться, скрываться, прятаться, обнаруживать, видеть и слышать в нем обозначаются перцептивными формами слышания либо неслышания, крика-поиска, крика-пересечения, кликания, видения и невидения. Овладение пространством, умение находиться и ориентироваться в нем, локально-пространственное знание-прохождение трехчастной модели мира, как можно было увидеть из сказанного, и составляет, видимо, один из смыслов взросления как формы традиционной женской инициации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Феномен, в последнее время ставший предметом внимания лингвистов, см., напр., работы: Friederici A.D. *Cognitive Strukturen des Sprachverstehens*. – Berlin, etc. 1987; Попов Ю.В. Проблема языкового сознания как лингвистическая проблема действительности языка // *Языковое сознание. IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. – М., 1988; *Роль человеческого фактора в языке*. – М., 1988; Герасимов В.И., Петров В.В. *На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII*. – М., 1988; *Язык и сознание: парадоксальная реальность*. – М., 1993; Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. – М., 1998 и др.

2. Предмет лингвокультурологических и лингвострановедческих исследований: Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. *Язык и культура*, 4-е изд. – М., 1990; Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. *Лингвострановедческая теория слова*. – М., 1980; *Методологические проблемы исследования этнических культур*. – Ереван,

1978; Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977; Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985; Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989 и др.

3. О соотношении языкового и когнитивного в языковом сознании см.: Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. // Вопросы философии, 1977, № 6; Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

4. О моделях как об инвариантных образах мира, соотносимых с особенностями национальной культуры и языка: Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

5. Тороп П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам. 14. Вып. 567. Тарту, 1981; Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. – М., 1987; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

6. Понятие, введенное и разработанное в связи с паремией как свернутым текстом-клише данной фольклорной и культурно-языковой традиции Г.Л. Пермяковым: Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. – М., 1973.

7. Фреймовый подход для изучения сознания был предложен М. Минским: Minsky M.A. Framework for Representing Knowledge. // The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975. См. также: Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М., 1987.

8. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М., 1986; ван Дейк Т.А. Когнитивные модели этнических ситуаций; Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989; Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1992; Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. – М., 1999.

9. Особенность фольклорной семантики, выведенная В. Я. Проппом для текстов волшебной сказки как текстов юношеской инициации: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.

10. Текст анализировался по сборнику А.Н. Афанасьева: На-

родные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т. 1. – М., 1957 (№ 113).

11. Модель мира. О трехчастном устройстве ее см., напр., ст.: Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1982.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

2. ван Дейк Т.А. Когнитивные модели этнических ситуаций; Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.

3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. – М., 1999.

4. Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.

5. Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. Язык и культура. 4-е изд. – М., 1990.

6. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. // Вопросы философии, 1977, № 6.

7. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988.

8. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

10. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М., 1987.

11. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

12. Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1992.

13. Методологические проблемы исследования этнических культур. – Ереван, 1978.

14. Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1982.

15. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 томах. Т. 1. – М., 1957.

16. Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

17. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей

теории клише. – М., 1973.

18. Попов Ю.В. Проблема языкового сознания как лингвистическая проблема действительности языка // Языковое сознание. IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988.

19. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.

20. Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

21. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М., 1986.

22. Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. – М., 1987.

23. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989.

24. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985.

25. Тороп П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам. 14. Вып. 567. – Тарту, 1981.

26. Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

27. Friederici A.D. Kognitive Strukturen des Sprachverstehens. – Berlin, etc. 1987.

28. Minsky M.A. Framework for Representing Knowledge. // The Psychology of Computer Vision. New York: Mc-Gaw-Hill, 1975.

Е. И. ЧУКРЕЕВА

Екатеринбург, Россия

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале выступлений
бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт)**

Аннотация. *Анализируются англоязычные политические термины, приводится их формальная классификация (количество лексических компонентов, тип синтаксической или словообразовательной связи), которая необходима как для адекватного перевода с английского, так и для формирования отечественной терминологической системы политологии.*

Ключевые слова: *ономасиология; политический термин; лексика; американский английский; специальная лексика.*

E. I. CHUKREEVA

Ekaterinburg, Russia

**ONOMASIOLOGICAL RESEARCH OF POLITICAL TERMS AND
SOCIAL-POLITICAL LEXIS IN AMERICAL ENGLISH (ON THE
BASIS OF THE SPEECHES BY EX SECRETARY OF STATE
MADLE ALBRIGHT)**

Abstract: *English political terms are analysed, their formal classification is given (number of lexical components, type of syntactical or derivational connection) which is necessary for adequate translation from English and for development of Russian terminological system of politology.*

Key words: *onomasiology; political term; lexis; American English; special lexis.*

Сегодня специальная лексика русского и английского языков в различных областях знания, в том числе и общественно-политической, не представляет собой упорядоченной системы. Распространены такие негативные явления, как омонимия, различное толкование терминов представителями разных научных школ и направлений, синонимия, нечёткое определение многих понятий, огромное количество ложноориентирующих терминов

и пр. Поэтому сложно переоценить значимость работы по упорядочению специальной лексики: кроме того, что эта работа имеет огромное значение для взаимопонимания специалистов, она также может способствовать развитию научного знания.

Терминологическая работа имеет несколько направлений, центральным и наиболее важным из которых является упорядочение терминологии. После отбора источников, текстов, в которых содержатся термины, и выбора самих терминов, проводится **ономасиологическое** исследование, включающее в себя описание формальных типов терминов, классификация анализируемых терминов по способам появления на основе классификаций, предлагаемых ведущими лексикологами и терминоведами, и многое другое.

Для данного исследования, представляющего собой срез терминологической работы, был отобран ряд выступлений бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт, из которых выделено более сотни политологических терминов и общеупотребительных слов, относящихся к политической лексике.

На очередном этапе исследования нами были описаны формальные типы терминов и отобранной лексики, что является традиционным компонентом большинства терминологических исследований, позволяющим устанавливать наиболее продуктивные способы образования терминов. Таким образом, нами зафиксированы **термины-словосочетания** (многословные, полилексемные, составные термины), составляющие 53%, и **термины-слова** (однословные, монологемные термины), составляющие 47% от общего количества отобранной лексики.

Согласно принятой классификации терминов-слов мы выделили следующие структурные типы: **простые** (корневые, производные) – 50% от общего числа терминов-слов: *Ambassador, apartheid, democracy*; **аффиксальные** (производные) – 49% от общего числа терминов-слов: *assassination, co-chair, intervention, post-Communist*; **аббревиатуры** – 1%: *OSCE*. В данном исследовании не было зафиксировано **сложных** терминов-слов, имеющих в своём составе две и более корневых морфем.

Далее была проведена классификация анализируемых терминов по способам их появления на основе синтаксической классификации.

В соответствии с типом главного слова подавляющее большинство (99%) отобранных для анализа словосочетаний относится к **субстантивному типу**, т.е. в роли главного слова выступает имя существительное, и только 1% - к **глагольному**

(to make commitments).

Большую часть (88%) терминов-словосочетаний составляют **простые двухкомпонентные словосочетания**. В зависимости от формальной выраженности определяющего элемента выделены атрибутивные словосочетания, где в функции определения выступают:

- существительное **NN** – 19%: *ballot access, breakthrough summit, drug trafficking*;
- прилагательное **AN** – 71%: *armed incursions, democratic institution, internal affairs, unitary system*; в том числе модели **VingN** и **VedN**: *uplifting goals, coerced abortion*;
- а также традиционно немногочисленные модели **N'sN** (3%): *women's movement* и **N of N** (7%): *Ministry on Intelligence, security of ownership*.

Существует множество моделей, по которым могут быть образованы трёх-, четырёх- и пятикомпонентные термины-словосочетания. В анализируемых нами текстах зафиксированы **трёхкомпонентные словосочетания**, составляющие 8% от общего числа полилексемных терминов, образованные по следующим моделям: **Ving of AN** (*granting of civil rights*), **N of AN** (*improvement of labor conditions*), **N of N and N** (*Ministry of Intelligence and Security*), **ANN** (*nuclear weapon capability*), **N of AN** (*Organization of Islamic Conference*). **Четырёхкомпонентные словосочетания** (3%) образованы по моделям **NN and NN** (*Women, Faith and Development alliance*) и **AN of AN** (*Universal Declaration of Human Rights*). **Пятикомпонентные словосочетания** (1%): **N's N for AN and N** (*cathedral's center for global justice and reconciliation*).

Значительно расширив данное исследование за счёт увеличения числа источников терминов, мы можем делать выводы о терминологическом составе данной области знания, а также предлагать пути оптимизации специальных лексем, проводя подобные исследования русскоязычного материала.

П. ШИМИК-КОЗАЧКО

Катовице, Польша

АДАПТИРОВАННЫЕ НАЗВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОВ В ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация. *Предлагается формальная классификация терминов политического дискурса американского английского (по количеству компонентов-лексем, по типу синтаксической связи или способу словообразования), призванная упростить перевод иностранных политических текстов на русский язык и способствовать формированию отечественной терминологии в данной сфере.*

Ключевые слова: *ономасиология; политический термин; лексика; американский английский язык; специальная лексика.*

P. SHIMIK-KOZACHKO

Katowice, Poland

ADAPTED NAMES OF FILMS IN ENGLISH IN TRANSLATION INTO POLISH AND RUSSIAN

Abstract: *English political terms are analysed, their formal classification is given (number of lexical components, type of syntactical or derivational connection) aimed at simplifying translation of political texts into Russian and for development of Russian terminological system in this sphere.*

Key words: *onomasiology; political term; lexis; American English; special lexis.*

В настоящее время, в связи с широким развитием межкультурной коммуникации, процессами глобализации, международной торговли, рекламного рынка, особенное значение приобретают проблемы теории и практики перевода. При этом меняется само представление о переводе и способах его осуществления. Отчасти это обусловлено тем, что немалое количество иностранных слов, особенно из английского языка, усваивается другими языками и со временем теряет признаки чуждости. В результате чего меняется и мышление: говоря на национальном языке, мы начинаем думать не только национально, но и общекультурно, в каких-то иных категориях.

Указанная проблема особенно ярко себя обнаруживает на примере перевода названий фильмов. Несмотря на то, что

фильмы, как правило, затрагивают проблемы культуры, традиции, национального юмора, т. е. всего того, что связано с данным этническим коллективом, распространяются они во всем мире и воспринимаются представителями самых разных культур. Название фильма, как первое, с чем приходится сталкиваться всякому зрителю, с одной стороны, должно, а с другой стороны, не может быть исключительно национальным, поскольку в противном случае оно было бы непонятным или мало что говорящим для всех остальных. Поставленная так проблема стала причиной выбора, в качестве исследовательского материала, перевода названий англоязычных фильмов на польский и русский языки.

Разнообразие и многосторонность данной проблемы подтверждается уже тем, что практически в каждой из прочитанных нами работ можно заметить иной подход, учитывающий жанр фильма, его содержание, способ перевода, а также ошибки, связанные с переводом названия¹.

В ходе нашего исследования оказалось, что довольно большое количество единиц, адаптируются языком перевода, т.е. переводятся с помощью переименования, в результате которого образуются новые названия, часто не имеющие ничего общего с оригиналом, однако учитывающие содержание или сосредоточивающиеся на коммерческом аспекте проката.

В ходе работы выяснилось, что важнейшим фактором, влияющим на конечную форму перевода в случае адаптации, является его привлекательность — ориентация на то, чтобы вызвать у зрителей интерес, заставить их думать, чтобы возникло у них желание, а скорее потребность, посмотреть предлагаемый фильм.

На основе данного показателя было выделено шесть подгрупп, учитывающих мотивацию и способ перевода тех или иных единиц. Две первые описывают способы, характерные только для русского перевода, остальные — только для польского. Перейдем теперь к их более подробной характеристике.

а) НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ — это перевод, при котором исполь-

---

¹ Л. Березовски и В. Рогов, к примеру, выделяют две разновидности перевода: вольный и точный. При этом, Л. Березовски обращает ещё внимание на жанровую специфику фильмов и утверждает, что название фильма, должно совпадать с его жанром. В свою очередь, такие исследователи, как В. Рогов, К.Ф. Рудольф, Д.М. Бузафий, в своих работах называют лексические и семантические проблемы, которые имеют непосредственное влияние на конечную форму перевода.

зуется нейтральная, неокрашенная лексика, лишаящая оригинальное название признаков чего-то чуждого. Благодаря этому зрители сталкиваются с названием, похожим на что-то свое, на что-то общеизвестное, что не нуждается в каких-либо добавлениях и объяснениях.

В связи с тем, что в исследованных нами названиях этот способ встретился только на русском материале, приведем два примера названий, каждое из которых переводится несколько по-другому.

Как первое, так и второе название, которые мы хотим рассмотреть, могли бы быть переведены при помощи других единиц, однако переводчик решил использовать нейтральную лексику:

Green Card / Zielona karta / Вид на жительство

В данном случае можно было бы говорить о трех вероятных вариантах перевода на русский язык:

1. *ПМЖ* (постоянное место жительства) — это разговорная аббревиатура, которая могла бы вызывать у зрителей ложные ассоциации, связанные с проживанием как за границей, так и в России, но не обязательно только в Америке.

2. *Грин кард* — это экзотизм, который бы подчеркивал признаки чего-то чуждого и в связи с этим мог бы не вызвать у зрителей желаемого интереса.

3. *Вид на жительство* — словосочетание, характерное для книжного стиля, лишаящее название возможных ассоциаций и содержащее информацию о возможности проживания в какой-то другой стране.

Все представленные здесь варианты в принципе правильны, при этом каждый из них содержит в себе оттенок, отличающий одно от другого, что очень важно при восприятии названия зрителем.

Разбираемый фактор находит свое отражение при переводе другого названия:

Knocked up / Wpadka / Немножко беременна

Опираясь на данные словаря, *knocked up* можно перевести как "поднятый", то есть связанный с движением, с перемещением вдоль, вверх или вниз. В сленге данная единица имеет еще одно значение — неожиданная и нежелательная беременность, возникшая вследствие случайной связи, возможно, как результат знакомства на дискотеке, в клубе. Русский переводчик решил перевести это название при помощи слов, которые сами по себе не окрашены, однако в соединении создают комический эффект, так как *нельзя быть немножко беременной*.

Благодаря этому при переводе сохраняется комическая направленность, однако теряется представление о молодежи, что создается в оригинале с помощью обращения к сленговой лексике.

В аналогичных случаях переводчики пользуются нейтрализацией для того, чтобы не вызывать у зрителей ложных ассоциаций и при этом не терять связи с оригинальным названием. Вместе с тем этот способ перевода применяется редко, на что указывает количество единиц в собранном нами материале.

Небольшая частотность обусловлена также и тем, что этот способ предполагает подробное изучение каждой из единиц, входящих в состав названия, и из-за этого требует от переводчика подробного поиска и немалого времени. При этом необходимо учитывать, что, с коммерческой точки зрения, время – деньги, поэтому часто лучше придумать новое интересное название, чем подыскивать наиболее подходящий эквивалент.

Результатом такого подхода является следующая подгруппа, а именно – интерпретация.

б) ИНТЕРПРЕТАЦИЯ — это способ перевода, который, опираясь на содержание фильма, предполагает его переименование. Новое, придумываемое переводчиком, название, должно учитывать вкусы и мировоззрение зрителей и при этом сохранять в себе черты чего-то неизвестного, чего-то интригующего или вызывать у зрителей ассоциации, указывающие на жанр.

Это очень обширная группа, так как в нее попадают все единицы, которые по каким-то причинам, не были переведены другими способами, представляя своего рода объединение всего того, что не подходит ни к какой другой группе. Одной из основных причин использования интерпретации переводчиками, является необходимость различения фильмов с похожими или совпадающими названиями (номенклатурная функция перевода). Посредством интерпретации распространители пытаются привлечь внимание зрителей к фильму и побудить к его просмотру (интригующая и коммерческая функции). Коммерческий фактор, в свою очередь, обуславливает то, что русские прокатчики часто меняют название фильма (именно меняют, а не неправильно переводят, то есть это делается намеренно), чтобы фильм принес наибольшую прибыль. В связи с тем, что в польских переводах при переименовании часто используется определенная лексика, мы выделили для возможности ее рассмотрения собственные подгруппы, в анализируемую же подгруппу были занесены лишь русские варианты, не соотносимые с оригинальными названиями:

*Eternal Sunshine of the Spotless Mind /
Zakochany bez pamięci / Вечное сияние страсти*

Приводимый пример может служить показателем влияния коммерческого фактора на форму перевода названия. В англоязычном оригинале это слова из поэмы Александра Поупа, цитируемые в фильме, дословный перевод которых мог бы звучать как *Вечное сияние чистого разума*. Фильм с подобным названием, однако, вряд ли бы пользовался успехом и не вызывал бы у зрителей интереса. Поэтому вместо *чистого разума* появилась *страсть*.

Следующим примером, ярко отображающим ту же тенденцию, может служить название фильма *The Village*, переведенное как *Таинственный лес*. С точки зрения интригующей функции название вполне оправдано, так как фильм с названием *Деревня* точно не мог бы рассчитывать на успех.

Однако бывают и такие случаи, когда к интерпретации переводчики прибегают не из-за этого, что прямой перевод не был бы интересным и привлекательным, а из-за того, что в данной стране уже существует фильм с похожим или таким же названием. Прямой перевод в этом случае привел бы к тому, что зрители смешивали бы этот новый фильм с тем, который уже был ими просмотрен, который можно купить и посмотреть дома. В связи с этим никто не пошел бы в кино, так как зачем во второй раз смотреть уже виденное?

Хорошим примером для представления влияния номенклатурной функции на конечную форму названия является фильм *The Bone Collector*, который был переведен как *Власть страха*.

The Bone Collector / Kolekcjoner kości / Власть страха

Мотивацией выбора переводчиком данного варианта было то, что точно такое же название есть уже у фильма с Рутгером Хауэром, который вышел в России на видеоопленках. По этой причине прокатчики решили переименовать *Сборщика (собира-теля, коллекционера) костей* во *Власть страха*, для того чтобы избежать неизбежной путаницы.

Чтобы показать разнообразие и многочисленность единиц этой группы, приведем дополнительный ряд примеров с интерпретацией. Мотивация выбора данного способа во всех этих случаях будет такая же, предполагающая учет номенклатурной или коммерческой функции:

I inside / Moje ja / Внутри моей памяти

The New Guy / Nowy / Крутой парень

The Pledge / Obietnica / Клятва

The Pacifier / Pacyfikator / Лысый нянька: Спецзадание

Не следует также забывать, что до тех пор пока фильм в США находится в стадии разработки, у него бывают промежуточные названия, которые могут использоваться переводчиками. Прокатчики иногда выбирают какое-нибудь такое не окончательное название и начинают работать с ним, создавая конечную форму перевода. Между тем создатели фильм переименовывают, но уже поздно, и фильм идет в прокат за границу под подготовленным ранее названием.

The Unsaid / Milczenie / Грехи отца

С первого взгляда могло бы казаться, что данный перевод является интерпретацией, однако у фильма *The Unsaid* были еще два названия: *Sins of the Father* (США) (рабочее название) и *The Ties That Bind* (США) (оригинальное название сценария), первое из которых было использовано русскими переводчиками как подлинник. Стоит обратить внимание на то, что в данном случае переводчик использовал прямой перевод, хотя при сопоставлении киноназваний могло бы казаться, что эти названия не имеют ничего общего. Приведем ряд подобных примеров:

Men of Honor / Siła i honor / Военный Нырятьщик

У фильма *Men of Honor* были еще два рабочих названия *Navy Diver* (США) и *The Diver* (США), первое из которых было использовано для перевода.

Balls out: The Garry Houseman Story / Гари, тренер по теннису

У этого фильма, который в польском варианте остался в оригинале, было еще одно, рабочее, название – *Gary the Tennis Coach*, послужившее основой для перевода на русский язык: *Гари, тренер по теннису*.

Таким образом, нельзя считать все переводы, не совпадающие по форме или значению с оригинальным названием, переименованием или интерпретацией, так как они могут быть связаны с одним из рабочих вариантов названия.

в) ИГРЫ СЛОВ — это словосочетания, у которых, помимо прямого смысла, есть другой, непосредственно связанный с ассоциациями, понятными лишь данному национально-культурному кругу. Людям, живущим в одной стране, что-то одно может быть понятно и вызывать у них смех, что-то другое – нет, так же как общими могут быть такие переживания и чувства, как страх, героизм, гордость и пр. Переводчики, особенно в польском кинопереводе, учитывают этот фактор, пытаются использовать такие слова и словосочетания, которые могут привлечь внимание потенциальных зрителей, а кроме того, будут у них вызывать желаемые ассоциации и реакцию.

В польском материале игры слов используются чаще всего при переводе названий комедий, например:

Monster-in-Law / Sposób na teściową / Если свекровь – монстр

В данном случае вторая часть названия *-in-law* является трудной для перевода. В английском языке этот элемент может сочетаться с целым рядом подобных образований, кроме *mother-in-law*, что обозначает тещу или свекровь: *father-in-law* — тесть, свекор, *brother-in-law* — брат мужа или жены, *sister-in-law* — сестра мужа или жены и т.п. Без знания содержания на русский язык это можно было бы перевести и как тещу, и как свекровь. После знакомства с ним в русском переводе появилась *свекровь – монстр*. Однако для польского языка такое соединение *teściowa – potwór* звучало бы странно. Название же типа *Kiedy teściowa jest potworem* было бы слишком длинным и не вызывало бы у зрителей ассоциаций, связанных с комедией. Поэтому переводчики решили назвать этот фильм более увлекательным образом, выбрав характерное для польского восприятия клише *Sposób na kogo, co – na teściową*. *Sposób na...* ассоциируется с борьбой с насекомыми, крысами или другими вредителями, в соединении его с существительным, обозначающим тещу, появляется игра слов, которая воспринимается как борьба с тещей, оказывающейся вредителем. Такое переименование предполагает у зрителей желание посмотреть этот фильм, а кроме того, указывает на то, что это комедия.

Galaxy Quest / Ko(s)miczna załoga / В поисках Галактики

Если бы эта комедия при прямом переводе получила название *Kosmiczna przygoda*, фильм мог бы восприниматься как фантастический или приключенческий. Чтобы избежать такого восприятия, переводчики использовали в качестве названия словосочетание *Ko(s)miczna załoga*, в котором, благодаря игре слов, появился двойной смысл. Благодаря поставленной в скобках букве “s” зритель знает, что действие фильма происходит в космосе, и при этом фильм будет легким и смешным, на что указывает слово, читаемое без этой буквы – *komiczna*. Подобного образа игра позволила переводчику вступить в диалог со зрителем и заставить его улыбнуться уже при восприятии названия.

В качестве последнего примера в данной группе приведем название *Big Mama’s House*, которое при прямом переводе на польский язык получило бы длинное и неинтересное название, не вызывающее у зрителей к тому же никаких ассоциаций – *Dom dużej mamy*.

Big Mama's House / Agent XXL / Дом большой мамочки

Именно поэтому переводчики воспользовались переименованием, которое содержит в себе признаки смешного и "большого", одновременно подсказывая смысл. *Agent XXL* звучит смешно и направляет мысль к ассоциациям, связанным с большим размером. Кроме того, подобное название легко запоминается и указывает на то, что это, скорее всего, комедийный детектив.

Приведенные примеры указывают на то, что польскими зрителями, особенно мало знакомыми с английским языком, хорошо воспринимаются названия, основанные на переименовании. Хорошо также, когда они вызывают какие-то ассоциации и указывают на то, что это не просто придуманное переводчиком название, которое не имеет ничего общего с оригиналом, а такое, в котором содержатся признаки чего-то нового, свежего и указывающего на жанр. Дополнительным плюсом является и то, что название учитывает особенности чувства юмора и вкусы общества, на чем будет основана следующая подгруппа.

г) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСОБЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Долгое время в польском обществе темы, связанные с сексуальной жизнью, публично избегались. Прямо и открыто говорить на эти темы считалось неприличным, в связи с чем на телевидении, в газетах и по радио нельзя было увидеть и услышать что-нибудь из этой сферы. Однако то, что избегается, обходится и запрещается, вызывает, как известно, особый интерес. Это и стало одной из причин того, что переводчики решили использовать слова и словосочетания, вызывающие у зрителей ассоциации, связанные с сексом и любовью.

Подобного рода лексика используется особенно тогда, когда речь идет о переводе названий романтических комедий или мелодрам. Такой подход дает прокатчикам возможность, сосредоточивая внимание зрителей на фильме, направлять их восприятие в русло определенных жанров, о которых уже нами говорилось.

Хорошим примером такого перевода является общеизвестное и много раз цитированное название фильма *Dirty Dancing*.

Dirty Dancing / Wirujący sex / Грязные танцы

В данном примере русский переводчик использовал прямой перевод, польский, в свою очередь, решил перевести это название при помощи переименования. Это обусловлено тем, что прямой перевод *Brudny taniec* не был бы привлекательным, а тем более интересным. В то время как *Wirujący sex* не только

интересен, он вызывает у зрителя желание посмотреть фильм хотя бы для того, чтобы узнать, где и как этот секс *вращается*. Думается, что прокатчики добились цели — вызвали у зрителей интерес и не оставили их равнодушными к фильму и его названию. Подтверждением этого является то, что практически каждый поляк знает этот фильм и может говорить о нем, хотя его название часто поддается критике и приводится как пример перевода пустого и неудачного.

Прокатчики хорошо знают, что люди, которым надоели будни, которые сосредоточены на своих проблемах, хотят смотреть фильмы легкие, настраивающие оптимистически и помогающие отдохнуть. И хорошо, когда эти признаки сопутствуют переводам названий комедий, например:

10 things I hate about you / Zakochana złoźnica / 10 причин моей ненависти

Прямой перевод этого названия – *10 rzeczy których w Tobie nie lubię* – был бы слишком длинным и потому вызывал бы ощущение странное. Кроме того, такой перевод не содержит признаков, предполагающих комизм. По этой причине переводчики использовали переименование, указывающее на то, что это романтическая комедия. Желаемый результат был достигнут благодаря тому, что разговорное слово *złoźnica* (*злюка*), используемое чаще всего в ироническом и осуждающем контексте, в соединении с *zakochana* (*влюбленная*), вызывает соответствующий эффект. Зритель понимает, что главной героиней будет юная особа с тяжелым характером, которая в кого-то влюбится. Такого рода представления позволяют намекнуть на содержание фильма, указав одновременно на его жанр.

Не всегда лексика, связанная с сексом и любовью, имеет в переводах названий фильмов исконно польское происхождение. Примером подобного рода может быть такое:

Bandidas / SEXiPISTOLS / Бандитки

В прямом переводе это название звучало бы *Bandytki*. Однако в польском языке женская форма от слова *bandyta* употребляется крайне редко и потому была бы довольно странной. По этой причине переводчик использовал два иностранных слова *sex* и *pistols*, соединив их союзом *i*. Благодаря этому название может пониматься как секс и пистолеты или как сексапильные пистолеты, то есть сексапильные стрельцы. Такой подход позволил передать в названии признаки чего-то американского, что, несомненно, повлияло на восприятие и отношение к фильму. Не без значения было и то, что в последнее время зрители охотнее смотрят фильмы, название которых не ме-

няется. Это дает им возможность выбора и определения своего собственного отношения к названию. Не случайно все чаще рядом с переводом помещается оригинальное название фильма.

д) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ И ПОЛУУСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

В польских переводах часто можно встретить устойчивые и полустойчивые словосочетания, которые привычны, а потому легко запоминаются, вызывая желаемые ассоциации. Благодаря этому у зрителей возникает желание посмотреть фильм, чтобы узнать, что нового может содержать общеизвестная и широкоупотребительная фраза. Например:

Life or Something like that / Co za życie / Жизнь или что-то вроде того

Название в прямом переводе – *Życie lub coś w tym stylu*, во-первых, было бы слишком длинным, а во-вторых, у него не было бы значения, которое бы напоминало что-нибудь и с чем-нибудь ассоциировалось. По этой причине переводчик взял в качестве названия фразу из разговорного языка, используемую для восклицания и выражения недовольства жизнью, когда жизнь не складывается так, как бы хотелось. Благодаря этому у зрителей возникает интерес к жизненным проблемам персонажей, представляемым комедией.

Устойчивые словосочетания используются не только для названия комедий, жанр фильма может быть и более серьезным:

Million Dollar Baby / Za wszelką cenę (Любой ценой) / Малышка на миллион

Прямой перевод – *Dziecko za milion dolarów* предполагал бы, скорее всего, историю ребенка из богатой семьи или ребенка, которого кто-то купил за миллион долларов, например, какая-то компания, для того, чтобы его снять в рекламном ролике. Однако в фильме речь идет не о ребенке, а о 30-летней женщине, которая хочет стать боксером. По этой причине переводчики использовали в качестве названия фразу, указывающую на то, что исполнение мечты и достижение цели стоит любых затрат.

Во всех этих переводах важно то, что названия легко запоминаются, а появляющиеся ассоциации отсылают зрителя к чему-то хорошо известному, понятному и общепринятому.

е) ЗАМЕНА

Этот способ перевода во многом совпадает с интерпретацией, так как название, создающееся на его основе, не имеет ничего общего с оригиналом. Однако в отличие от

интерпретации при замене важна не интригующая функция названия, а предотвращение возможности его неправильного понимания. Предлагаемое новое название при этом опирается, как правило, на содержание фильма.

Примером такого рода может быть:

Blue Crush / Błękitna fala / Голубая волна

В прямом переводе *Blue Crush* могло бы звучать как *Błękitna (Niebieska) katastrofa*, что вызывало бы ассоциации, связанные с небом — с авиакатастрофой. Благодаря замене переводчики достигли того, что название содержит представление о воде — уточнение места действия и направление мыслей зрителя в желаемую сторону. Такой перевод позволяет, в какой-то степени, представить содержание фильма, хотя лишает название идеи катастрофы.

Есть случаи, в которых используется лексика, которая в результате прямого перевода, могла бы связываться с какой-то сферой жизни, например, с религией, что в польском обществе могло бы быть воспринято как бестактность. Примером такого рода может служить название:

The Good Shepherd / Dobry agent / Ложное искушение

Dobry Pasterz (Хороший пастырь) прямого перевода ассоциировался бы с образом Христа, что в случае триллера, во-первых, искажало бы представление о содержании фильма, а во-вторых, могло бы вызвать неприятие и осуждение у немалой части общества. Неслучайно поэтому переводчики перевели данное название как *Dobry agent*, что позволило дать представление о жанре детектива и избежать ненужных, к тому же ложных, толкований.

Предложенное рассмотрение по группам имело целью выделить и описать встречающиеся способы перевода названий фильмов в польском и русском прокате. Для большей ясности и определенности представляло бы смысл показать рассматриваемый материал в сопоставлении и обобщении.

Для полноты и наглядности проведенного исследования мы решили представить полученные результаты в двух таблицах. Таблица 1 показывает, в переводах на какой язык используются описанные нами способы, а на какой нет, что будет отмечаться плюсом либо минусом. Таблица 2, соответственно, показывает количество единиц, представляющих тот или иной способ в польском и русском переводах. Опираясь на данные таблиц, можно будет увидеть тенденции, определяющие польские и русские переводы, на основе которых получить представление о наиболее типичном, следовательно, и о традициях пере-

водов в обоих языках, по крайней мере, в отношении названий англоязычных фильмов последних десятилетий.

	польский перевод	русский перевод
адаптация	+	+
интерпретация	+	+
нейтрализация	—	+
игры слов	+	—
использование особенной лексической направленности	+	—
использование устойчивых или полустойчивых словосочетаний	+	—
замена	+	—

Как видно из таблицы, в польских переводах используются практически все выделенные способы, за исключением нейтрализации, характерной для русских переводов. Польский материал предполагает также обращение к определенным группам лексики и словесную игру, что не встречается при переводе названий фильмов на русский язык.

В ходе исследования было установлено, что в польских переводах можно выделить группы, которые, кроме того, что учитывают адаптацию, опираются на определенную лексику, часто связанную с жанром или содержанием. Для русских переводов не типично также использование четких правил, касающихся названий комедий или ужасов, хотя наблюдается тенденция применять в этих случаях прямой перевод или интерпретацию, что можно наблюдать на примере второй таблицы, представляющей число проанализированных единиц.

	польский перевод	русский перевод
4. адаптация	122	89
интерпретация	66	87

	польский перевод	русский перевод
нейтрализация	0	2
игры слов	13	0
использование особенной лексической направленности	13	0
использование устойчивых или полустойчивых словосочетаний	27	0
замена	3	0

Согласно таблице, в отличие от русского перевода, польскому более свойственна адаптация. Связано это с тем, что адаптация оказывается ведущим фактором, влияющим на привлекательность названий.

Таким образом, для польской переводческой традиции, касающейся перевода названий фильмов, характерно использование переименований, которое должно привлечь внимание зрителей, учитывая их вкусы, мировоззрение, менталитет, особенности юмора. Однако, в случае, когда оригинальное название отвечает этим требованиям, используется также и прямой перевод. В последнее время все чаще наблюдается тенденция не переводить англоязычных названий фильмов, так как их перевод нередко вызывает недовольство, особенно у молодежи, знающей в какой-то степени английский язык.

Русская традиция, в свою очередь, тяготеет к прямому переводу как наиболее точному и достоверному по отношению к оригиналу или же к интерпретации, которая приближает содержание фильма.

На основании сказанного можно заключить, что польские и русские переводчики используют одни и те же способы при переводе названий фильмов. Различие наблюдается в количественном отношении и в подгруппах, учитывающих особенности перевода, характерные для того или иного языка.

В результате приходим к выводу, что традиции перевода названий фильмов в польском и русском языках очень похожи, различными оказываются показатели частотности и предпочтения способов, обуславливаемые некоторыми культурными и мировоззренческими особенностями, слегка затрагивавшимися

нами в ходе проделанного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balcerzan E., Czym jest nieprzekładalność - faktem praktyki translatorskiej czy zamyśleniem teoretyków? – W: Przekład artystyczny a współczesne teorie translologiczne. Wyd. Śląsk, Katowice 1998, s. 57-71

2. Berezowski L., Skąd się biorą polskie tytuły amerykańskich filmów? W: Przekładając nieprzekładalne, tom 2, pod red. Kubińskiej O. i Kubińskiego – W., Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2004, s. 313-323

3. Duszak A., Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa, Wyd. Naukowe PWN. – Warszawa, 1998, 385 s.

4. Hejrowski K., Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu, Wyd. PWN. – Warszawa, 2007, 200 s.

5. Jarniewicz J., Przekład tytułu: między egzotyką a adaptacją, W: Przekładając nieprzekładalne, pod red. Kubińskiej O., Kubińskiego W. i Wolańskiego T.Z., Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego. – Gdańsk 2000, s. 477-483

6. Rudolf K. F., O przekładalności tytułów, W: Przekładając nieprzekładalne, pod red. Kubińskiej O., Kubińskiego W. i Wolańskiego T.Z., Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego. – Gdańsk 2000, s. 85-489

7. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975. 236 с.

8. Бузафий Д.М. Хоть горшком назови? // Мосты №1 (5) 2005

9. Комиссаров В.Н. Теория перевода. URL: <http://www.englspace.com/dl/details/komissarov.shtml> (дата обращения 28.02.2010)

10. Паршин А. Теория и практика перевода. URL: http://www.teneta.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm (дата обращения 28.02.2010)

11. Рогов В. О переводе заглавий. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/4/rogov-pr.html> (дата обращения 01.03.2010)

Э. Н. ШУМСКАЯ

Костанай, Казахстан

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ЛИТЕРАТУРА»
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
КАЗАХСТАНА**

Аннотация. Рассматриваются прецедентные феномены (имена, цитаты, аллюзии и т. д.), характерные для русскоязычного политического дискурса Казахстана. Устанавливается, что излюбленные источники прецедентности – произведения классической русской и западноевропейской литературы, в особенности сатирические.

Ключевые слова: прецедентный феномен; политический дискурс; культурная информация; сатира.

E. N. SHUMSKAYA

Kostanay, Kazakhstan

**PRECEDENT PHENOMENA WITH THE SOURCE-SPHERE
«LITERATURE» IN THE RUSSIAN LANGUAGE
POLITICAL DISCOURSE IN KAZAKHSTAN**

Abstract: Precedent phenomena (names, quotations, allusions and others), characteristic of the Russian language political discourse of Kazakhstan are in the focus of the article. It is stated that the favorite sources of precedent phenomena are works of Russian classical literature and West-European literature, especially satirical.

Key words: precedent phenomenon; political discourse; cultural information; satire.

В изучении прецедентных феноменов сложилась устойчивая традиция рассматривать их в качестве единиц, в значительной степени «насыщенных» культурной информацией и национально детерминирующих культурное пространство, способных выполнять «функцию «языка» культуры» [Маслова 2001: 30]. В установлении границ термина «прецедентные феномены» мы придерживаемся определения, данного В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, в основе которого лежит дефиниция Ю. Н. Караулова: «значимые для той или иной лич-

ности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому кругу данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216, Красных и др. 1997: 64]. Также мы принимаем уточнение Д. Б. Гудкова, касающееся статуса прецедентных феноменов, который может быть присвоен только таким прецедентам, которые, будучи когнитивно значимыми, имеют вербальное выражение [Гудков 2003: 104–105], в отличие от широкого понимания прецедентного текста Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987], включающим в его разряд и несловесные тексты (произведения музыки и живописи). Актуальным, с нашей точки зрения, является определение ПФ, данное Н. Н. Клочко и К. А. Самойловой: «прецедентные феномены – явление, безусловно, ярко культурно маркированное, понятное носителям одной культуры и, возможно, абсолютно закрытое в семантическом плане для представителей другой культуры» [Клочко, Самойлова 2003: 75]. С учетом всех мнений складывается следующее определение: прецедентные феномены – это имеющие вербальное выражение единицы, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества и может быть противопоставлено в дискурсном пространстве разных стран.

Исследуя прецедентные феномены русскоязычного политического дискурса Казахстана, мы анализировали их с учетом сферы культурного знания, к которой они принадлежат. Данный подход отражают работы Е. А. Земской, Г. Г. Слышкина, А. Е. Супруна, Р. Л. Смулаковской, Е. А. Нахимовой, С. Л. Кушнерук. Учитывая предложенные ими классификации и конкретные материалы казахстанских СМИ, мы выделили следующие сферы-источники прецедентности: литература, фольклор, мифология, библия, кинематограф, мультипликация, телепроекты, песни (классификация будет уточняться в ходе дальнейшей выборки).

Наиболее частотным источником прецедентных феноменов является сфера «Литература» (16%). Казахские авторы, пишущие на русском языке, апеллируют к произведениям русских (54%) и зарубежных (по отношению к Казахстану и к России) (43%) писателей, реже к произведениям казахских

авторов (3%). Такое распределение объясняется, во-первых, тем, что анализируемый политический дискурс – русскоязычный; во-вторых, тем, что русский язык в Казахстане имеет статус языка международного общения и, реализуя оценочную функцию, он является основой когнитивной базы для создания прецедентных феноменов; в-третьих, тем, что Казахстан, являясь частью Советского Союза, когда-то входил в общее с Россией культурное пространство, что позволяет сегодня казахстанцам легко «опознавать» культурные знаки русской и советской культуры. Тот факт, что зарубежная литература занимает второе место в кодировании и трансформировании информации, кроме общего культурного, объясняется еще и образовательным пространством (представители старшего поколения и молодежь не только легко воспринимают подобные реминисценции, поскольку обладают соответствующими фоновыми знаниями, но и сами продуцируют их). Е. И. Нахимова в статье «Зарубежные прецедентные имена в отечественных СМИ» отмечает, что «данный параметр важен как своего рода отражение ментальности автора, его предрасположенности к использованию зарубежного опыта» [Нахимова 2005: 371].

Рассмотрим конкретные закономерности использования прецедентных феноменов в казахстанской прессе. Показательно, что в 2009 году самыми распространенными в казахстанских СМИ стали прецедентные феномены, восходящие к творчеству Аркадия Гайдара. Большинство из них связаны с повестью «Тимур и его команда». Использованию этого названия способствует имя достаточно весомой фигуры на казахстанской политической арене, претендента на место первого заместителя главы правительства республики Казахстан, мужа средней дочери президента Нурсултана Назарбаева – Тимура Кулибаева: *«Что **«Тимуру и его команде»** хорошо, то Келимбетову «смерть».* («Республика», 11.12.2009). *«2:0 в пользу **«тимуровцев»**»* («Республика», 06.02.2009). *«Кругом одни **«тимуровцы»**?!»* («Республика», 23.01.2009). *«**Тимуровцы**», по слухам, готовятся дать бой «евразийцам» за влияние на «Ак орду» и экономику»* («Голос республики», 27.11.2009). *«Тем более что освободившееся кресло президента нацкомпании «КЕГОК» досталось Алмасадаму Саткалиеву, даже поверхностное изучение биографии которого свидетельствует, что и он из гнезда **«тимуровцев»**».* («Республика», 11.12.2009) Как правило, заголовок является единственным ПФ в предлагаемых читателю статьях и заметках о переформировании правительства и смене премьер-министра. Прецедентное имя героя А. Гайдара

вызывает стойкую ассоциацию с бескорыстием и помощью, служит символом положительных качеств яркого представителя пионерской организации. Имя Тимура Кулибаева, напротив, порождает другую ассоциацию – с широко известной в истории личностью, завоевателем Центральной Азии, правнуком одного из министров Чингисхана, Тимуром, более известным под именем Тамерлана (1336-1405). Это имя служит символом военной мощи, смелости, отваги и жестокости (в переводе с тюркского имя Тимур означает «жестокий», в переводе с монгольского – «железный», ср. с казахским «темір» – железный). Контраст усиливает и внешность Т. Кулибаева – благообразная, выражающая участие и склонность помочь окружающим, что делает процесс декодирования информации, содержащейся в прецедентном имени, более сложным и интересным.

В рамках политического дискурса современного Казахстана оказалось востребованным творчество А. Дюма. Это относится, в частности, к названию второй части знаменитой трилогии «Мушкетеры двадцать лет спустя». Так, в еженедельнике «Взгляд» под заголовком «*Назарбаев. 20 лет спустя*» были опубликованы материалы круглого стола на тему «Двадцатилетие правления Нурсултана Назарбаева: Слово и дело, или Обманутые надежды» (12.06.2009). Первая часть названия способствует проведению аналогии «Назарбаев – мушкетеры»: герои книги – смелые, мужественные люди, совершающие героические поступки, того же ждут и от действующего президента. В данном случае прецедентность снова подчеркивает контрастность между желаемым (новый лидер нации) и возможным (бессменный лидер нации). О том же статья «*Двадцать лет спустя*», напечатанная в анализируемом издании тремя месяцами ранее («Взгляд», 20.03.2009), – перед нами размышления казахстанского политолога Николая Кузьмина о видении последних отечественных тенденций развития политической жизни в стране.

Востребованность в казахстанской прессе хрестоматийной фразы А. С. Грибоедова «А судьи кто?» объясняется волной судебных разбирательств между органами государственной власти и банкирами, обвиненными в создании и руководстве организованной преступной группой и легализации денежных средств, приобретенных незаконным способом: «*А судьи кто?*» («Взгляд», 10.04.2009). В разных вариациях она также встречается в материалах о забастовке рабочих АО «Ырысты-АЭВРЗ» и их административном и уголовном преследовании: «*А судьи что?*» («Взгляд», 11.09.2009), «*А судья кто?*»

(«Свобода слова», 12.11.2009). Во всех приведенных в пример материалах формируется негативное отношение к уголовно-административной и судебной системе: «...*Прокуратура здесь – лицо заинтересованное, представляющее одну из сторон конфликта – власть. На кону репутация правительства Масимова, и не только его*» («Взгляд», 10.04.2009). Усеченный вариант фразы «**Служить бы рад...**» выступает заголовком в интервью, данным бывшим главой БТА Банка Мухтаром Аблязовым газете «Взгляд» (27.02.2009) и полностью соответствует общепринятому смыслу выражения. Еще одна фраза, выразившая чаяния мечтающих об отдыхе казахстанцев и не имеющих возможности отдохнуть так, как им бы хотелось, вынесена в заголовок «**В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов**», – *порыв классика особенно актуален в век хронического стресса* («Взгляд», 16.07.2010) и распространяется в тексте утверждениями о пользе деревенского отпуска. И, наконец, хрестоматийная фраза Молчалина «В мои лета не должно сметь / Свое суждение иметь» трансформировалась в заголовок «**Не смей иное мнение иметь?!**» («Республика», 03.04.2009) в материале о спорном авторстве письма, размещенного на интернет-сайте якобы студентом КИМЭП.

Множеству трансформаций подвергается всемирно известная фраза из трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» – «Быть или не быть...». Почти все примеры ее употребления усеченные, вторая часть «...вот в чем вопрос» в большинстве примеров отсутствует, элементы первой части подвергаются лексической замене и дополнению: «**Быть или не быть РК председателем ОБСЕ?**» («Взгляд», 25.09.2009), «**Братъ или не братъ?** Эксперты считают, настало время приобретать недвижимость» («Взгляд», 09.10.2009). «**Евгений Жовтис выполнил свой моральный долг перед семьей погибшего. Ему жить с этим бременем. А убедить общество в виновности или невиновности правозащитника – это обязанность суда. Объективного, открытого и беспристрастного суда. Верить или не верить? Вот в чем вопрос.**» («Взгляд», 04.09.2009), «**Жить или не жить?** У экс-главы «Казатомпрома» в любой момент может быть инсульт» («Взгляд», 16.10.2009), «**Митинговать или не митинговать?** Оппозиция пыталась сократить разрыв между властью и народом» («Взгляд», 02.10.2009), «**Голодать или не голодать в знак протеста против доктрины, в ОСДП «Азат» еще не решили**» («Республика», 04.12.2009). Несмотря на произведенные авторами трансформации, читатель легко воспринимает и усваивает аллюзию.

Закономерным можно считать обращение казахстанских журналистов к роману-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»: **«Большой брат» не спит** («Республика», 27.03.2009); **«Большой брат не смотрит – он слушает. Мажилисмены решили расширить возможности полиции по прослушиванию телефонных переговоров»** («Республика», 30.01.2009); **«А те, кто, не дай бог, под подушкой прочитает «1984» Оруэлла, анафеме предавать!»** («Взгляд», 26.10.2010); **«Чтобы оруэлловская фраза «Большой Брат следит за тобой» не появилась на стенах каждой казахстанской квартиры, «Республика» будет отстаивать свое право на свободу слова»** («Голос республики», 11.12.2009). В каждом процитированном случае развертывания метафоры в тексте не происходит, в первых двух случаях мы наблюдаем заголовок, который говорит за себя сам, в третьем – перед нами фраза, заключающая колонку главного редактора под названием **«За нами уже пришли!»**, где речь идет о цензурных ограничениях на телевизионную продукцию и формировании художественного вкуса, в четвертом – перед нами подпись под фотографией в репортаже о перфомансе **«Разрываем цепи»**, проведенном на алматинском «Арбате» журналистами редакции газеты «Республика» в честь Всемирного дня прав человека. Этим действием они пытались привлечь внимание общества к запрету казахстанских властей печатать издание в типографиях. Аналогия бесспорна.

Парадоксальность освещаемых ситуаций традиционно восходит в сознании журналистов к героям романа М. А. Булгакова **«Мастер и Маргарита»**: **«Живу я тут, починаю примус»** («Взгляд», 15.01.2010) – заголовок материала о намерении ономастической комиссии привлечь к ответственности жителя города Уральска Ануарбека Болдакова, назвавшего улицу в свою честь. «Я шоумен, многие меня знают... Я же не писал на заборе ничего непристойного, только свою фамилию. Живу я тут!», в оригинале: «Не шалю, никого не трогаю, починаю примус». Аналогия возникает не столько на фоне цитирования – налицо полная трансформация («квазичитата» в определении Е. А. Земской), сколько на фоне подчеркнутой абсурдности происходящего. В примерах **«Аннушка масло разлила»** («Республика», 19.07.2010) и **«Итак, Аннушка уже пролила масло. Приглашаем политиков и политологов выразить свое мнение о лидере нации на страницах нашего издания»** («Взгляд», 18.09.2009), напротив, трансформация минимальная (ср. с оригинальным текстом: «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила»), авторы ста-

тей используют данную ПС в качестве подтверждения свершившихся и очевидных действий главы государства, что создает оптимальные условия для реализации инструментальной и гипотетической функций прецедентного феномена. Следующий пример – заголовок **«Свободен!»** («Взгляд», 08.05.2009) – вызывает в памяти читателя эпизод долгожданного освобождения Понтия Пилата, чему противопоставляется материал о заключении героя книги «Танкисты в боях за Родину» Конона Мацыны, освобождавшего Украину, Польшу и Чехословакию, форсировавшего Вислу и бравшего крупнейшие европейские столицы, включая Берлин. В итоге ветеран, накануне 9 мая в ответ на свою просьбу от председателя местного общества инвалидов, услышал: «Все, свободен! До свидания!». Рассмотренное употребление ПФ формирует определенное эмоциональное отношение к фактам действительности, реализуя, таким образом, его прагматическую функцию. Не менее действенным является нейтральное и беспристрастное освещение событий, когда читатель сам должен уловить намек, подсказкой здесь служит упоминание автора произведения: **«В Костанайской области за взятку осужден районный аким, спрятавший крупную сумму наличности в туалете.** «Взгляд» не обошел вниманием этот почти **булгаковский** сюжет». («Взгляд», 11.06.2010). В оригинале: «Запершись у себя в уборной на крючок, он вытащил из портфеля пачку, навязанную переводчиком, и убедился в том, что в ней четыреста рублей. Эту пачку Никанор Иванович завернул в обрывок газеты и засунул в вентиляционный ход».

Фантастический авантюризм, характерный для уверенных в собственной безнаказанности чиновников, можно объяснить только с помощью отсылок к Н. В. Гоголю: *«О том, что в регионах борьба с реальной безработицей подменилась организацией мини-фабрик по производству «мертвых душ», свидетельствуют материалы наших корреспондентов»* («Взгляд», 20.11.2009). Речь идет об общегосударственной программе, согласно которой на благоустройство городских дорог и создание рабочих мест отводились бюджетные средства, распределением которых на местах занимались сотрудники акиматов и местные предприниматели. Материал под заголовком «Крапленая карта страны», подготовленный А. Барановым и В. Фор, разоблачает преступления, совершенные чиновниками Южного Казахстана в ходе реализации программы: *«Так, в Ордабасинском районе «чичиковы» из местного отдела занятости включили в список трудоустроенных 11 человек, которые и понятия не имели, что*

такое «Дорожная карта» («Взгляд», 20.11.2009). Аналогия с известным литературным сюжетом заглавием не задается, а возникает в качестве оценки действий чиновников авторами статьи трижды: вначале, середине и в конце повествования. «Акиму Тайыншинского района и вовсе светит уголовное преследование за создание студенческой бригады **«мертвых душ»**. Работникам ставили липовые восьмерки, а деньги утекали в карман акима». Другие случаи употребления данного ПФ гоголевского произведения: «**Мертвые души избирателей**» («Взгляд», 21.08.2009) – заметка корреспондента газеты «Взгляд» К. Иманбердиева называется «Два партийца на одно кресло»; под «мертвыми душами» понимаются несуществующие избиратели, обеспечившие перевес голосов на выборах кандидата в сенат парламента РК: «**Жалагашская прокуратура, проверив списки избирателей 9 из 12 участков, вычеркнула из них около 800 «мертвых душ»**». В другой заметке «**Скоро очередь дойдет и до борзых щенков**» («Взгляд», 03.07.2009) повествуется об «освоении нетрадиционных видов взятки» – просьбе сотрудника Управления окружающей среды собрать мебель для его родственников. «Обыватели же судачат: не за горами тот день, когда по примеру гоголевского Ноздрева чиновники начнут брать взятки борзыми щенками». «**Ак Орда приговорила сама себя**» («Взгляд», 23.10.2009). Отсылка читателя к источнику осуществляется в заголовке и в последнем предложении.

Многочисленность обращений к романам И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» объясняется наличием широко известных и популярных экранизаций, а также распространенностью данных ПФ не только в рамках политического дискурса. Журналисты воспроизводят имя Остапа Бендера тогда, когда речь идет о мошенничестве: «**Внучка великого комбинатора**» («Свобода слова», 05.11.2009) – под интригующим названием обнаруживается материал о махинациях с квартирами. Еще одна отсылка к главному герою содержится в самом начале заметки: «**Остапгуль Бендербаева** – наверное, так должны были назвать родители кызылординскую авантюристку». В материалах на политические темы упоминается «способность» главного героя изыскивать способы честного отъема денег у населения: «**Эта сумма заставляет государственных мужей шевелить извилинами и придумывать новые схемы сравнительно честного отъема денег у населения**» («Свобода слова», 05.11.2009). Высокочастотными являются фразы «Заграница нам поможет», «Почем опиум для народа?», «...утром – деньги, вечером – стулья...», «Лед тронул-

ся!», «Эх, прокачу!» и «Остапа несло»: **«Заграница нам не поможет!»** («Взгляд», 01.05.2009), **«Заграница нам поможет»** («Взгляд», 25.09.2009), **«Заграница нам поможет?»** («Свобода слова», 05.11.2009); **«Почем ипотека для народа?»** («Взгляд», 16.10.2009), **«Почем нынче нотариус для народа?»** («Взгляд», 25.09.2009), **«Почем опиум для народа?»** («Взгляд», 27.11.2009), **«Почем топливо для народа?»** («Взгляд», 09.10.2009); **«Утром – активы, вечером – квартиры»** («Республика», 30.01.2009), **«Утром кладут, вечером – ломают»** («Взгляд», 07.08.2009), **«Утром – свет, вечером – движение»** («Взгляд», 02.09.2009), **«Утром – деньги, вечером – стулья»** («Взгляд», 04.09.2009); **«Лед тронулся, процесс пошел»** («Взгляд», 27.03.2009), **«Лед» ФНБ тронулся»** («Республика», 23.01.2009). В приведенных примерах наблюдается изменение функциональной модальности, замещение и дополнение, усечение и комбинирование трансформаций, основной принцип подачи материала – карикатурное изображение действительности.

Рассмотренный материал показывает, что чаще журналисты, политики и общественные деятели на страницах русскоязычных казахстанских газет обращаются к прецедентным феноменам, восходящим к прозаическим текстам (66,2%), поэтические строки «вспоминаются» почти вдвое реже (33,8%). Самыми «цитируемыми» авторами оказались И. Ильф и Е. Петров (23%), затем следуют А. С. Пушкин (8%), В. В. Маяковский (7%), Н. В. Гоголь (6%), Н. А. Некрасов (6%), И. А. Крылов (5%), М. Горький (5%), А. С. Грибоедов (3%), М. А. Булгаков (2%), А. Гайдар (2%) и С. Я. Маршак (2%). К текстам прочих авторов восходит около 31% использованных прецедентных феноменов.

Обзор прецедентных феноменов, выявленных в русскоязычных казахстанских СМИ, позволил сделать выводы:

1. Наиболее востребованными источниками ПФ русскоязычного политического дискурса Казахстана являются классические художественные произведения литературы, получившие распространение благодаря современным экранизациям и театральным постановкам, а также их частому воспроизводству в печати.

2. Абсолютное большинство выявленных прецедентных феноменов восходит к русской (54%) и западной (43%) литературе, что объясняется историческими условиями развития казахстанской культуры. Относительно невысокий процент обращений к казахской литературе (3%) объясняется тем, что она,

чаще всего, цитируется в текстах, созданных на казахском языке.

3. Около половины прецедентных феноменов в современных русскоязычных казахстанских СМИ восходят к текстам небольшой группы писателей, среди которых особенно выделяются И. Ильф и Е. Петров, М. А. Булгаков, Н. В. Гоголь, А. Гайдар и Дж. Оруэлл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: МГУ, 2003(а). С. 141-161.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. 264 с.

3. Клочко Н. Н., Самойлова К. А. Прагмасемантическая симметрия и асимметрия прецедентных высказываний в чешском и русском политических дискурсах // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. – Екатеринбург, 2003. 190 с.

4. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.

5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. 206 с.

6. Нахимова Е. А. О формальных показателях прецедентности антропонима // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 17. 2005а. С. 147-155.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p>Антонова Юлия Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).</p>	<p>Antonova Yuliya Anatolievna - Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285. e-mail: jonktau@gmail.com</p>	
<p>Баталова Алена Александровна – студент Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).</p>	<p>Batalova Alena Aleksandrovna – Student of the Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285. e-mail: info@uspu.ru</p>	
<p>Веснина Людмила Евгеньевна - кандидат филологических наук, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).</p>	<p>Vesnina Liudmila Evgenienva - Candidate of Philology, Assistant Lecturer of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285. e-mail: levesna@ya.ru.</p>	
<p>Зентковска Моника – аспирант кафедры русского языка Силезского университета в Катовицах (Польша)</p>	<p>Zentovska Monika – Postgraduate Student of the Chair of the Russian Language, The University of Silesia in Katowice (Poland).</p>
<p>Контактная информация: : 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285. e-mail: info@uspu.ru</p>	

<p>Кирилова Ирина Владимировна – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).</p>	<p>Kirilova Irina Vladimirovna – Postgraduate Student, Chair of General Linguistics and the Russian Language, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. e-mail: irishakuz@yandex.ru.</p>	
<p>Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).</p>	<p>Konovalova Nadezhda Iliyichna – Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26. e-mail: konovalova@uspu.ru</p>	
<p>Копылова Виктория Евгеньевна – ассистент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).</p>	<p>Kopylova Viktoriya Evgenievna – Assistant Lecturer of the Chair of Advertising and PR, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26. e-mail: info@uspu.ru</p>	
<p>Кушнерук Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск).</p>	<p>Kushneruk Svetlana Leonidovna – Candidate of Philology, Assistant Professor, Chelyabinsk State Pedagogical University (Chelyabinsk).</p>
<p>Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69. e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.</p>	
<p>Кравец Малгожата – аспирант кафедры русского языка Силезского университета, Катовице (Польша)</p>	<p>Kravets Malgozhata – Postgraduate Student of the Chair of the Russian Language, The University of Silesia in Katowice (Poland).</p>

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

e-mail: info@uspu.ru

Мурадян Диана Гагиковна – студентка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Muradyan Diana Gagikovna – Student of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26.

e-mail: info@uspu.ru

Надель-Червиньска Маргарита – доктор филологических наук, профессор Силезского университета (Катовица, Польша)

Nadel-Cerwinska Margarita - Doctor of Philology, Professor, The University of Silesia in Katowice (Katowice, Poland).

Контактная информация: Ul. Zytnia, 12. 41-205, Sosnowiec, Poland

E-mail: czewinski@ares.fils.us.sdu.pl

Пестова Мария Сергеевна – доцент кафедры теории и практики перевода Уральского гуманитарного института (Екатеринбург).

Pestova Maria Sergeevna – Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation, Ural Institute of Humanities (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26.

e-mail: pestova_m@bk.ru

Тарасенко Елена Олеговна – магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Tarasenko Elana Olegovna – Master Student of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26.

e-mail: info@uspu.ru

Цонева Лиляна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики, Велико-Тырновский университет Святых Кирилла и Мефодия (Болгария).

Tsoneva Lilyana Mikhailovna – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Russistics, The St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Bulgaria).

Контактная информация: България, 5002 гр. Велико Търново, п. к. 56.

e-mail: liliconeva@abv.bg

<p>Чеканова Алла Эдуардовна – старший преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).</p>	<p>Chekanova Alla Eduardovna – Senior Lecturer of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26. e-mail: alla_chekanova@mail.ru</p>	
<p>Чукреева Елена Игоревна – аспирант кафедры английского языка Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).</p>	<p>Chukreeva Elena Igorevna – Post-graduate Student of the Chair of the English Language, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, тел. 8 906 813 75 10 e-mail: info@uspu.ru</p>	
<p>Шимик-Козачко Паулина – аспирант кафедры русского языка Силезского университета в Катовицах (Польша).</p>	<p>Shimik-Kozachko Paulina - Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language, The University of Silesia in Katowice (Poland).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26. e-mail: info@uspu.ru</p>	
<p>Шумская Элина Николаевна – старший преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан).</p>	<p>Shumskaya Elina Nikolayevna - Senior Lecturer, Kostanai Branch of Chelyabinsk State University (Kazakhstan).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. e-mail: info@uspu.ru</p>	
<p>Эрик Дешам (Eric Deschamps) – преподаватель французского языка Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ) (Екатеринбург).</p>	<p>Eric Deschamps – Teacher of French, Ural State Technical University (USTU-UPI) (Ekaterinburg).</p>
<p>Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. e-mail: jvbog@yandex.ru</p>	